ISSN 0132-862X

5
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕРМОГЕН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ

(память 17 февраля / 2 марта и 12/25 мая)

Икона из ризницы Троице-Сергиевой Лавры

1993 • 5

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Архиепископ Серафим (Соболев). Кто Бог велий, яко Бог наш 2
Михаил Вострышев. И не введи нас во искушение (1 мая и Никола летний) 3

СВЯТАЯ РУСЬ

Памяти Святейшего Патриарха Ермогена 6
Святитель Ермоген, Патриарх Московский. Воззвание 7
Виктор Афанасьев. Дивный старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси чудотворца. (Продолжение следует) 9

ПРОПОВЕДЬ

Протоиерей Алексий Богоявленский. От юности Христа возлюбил еси 40
Священник Вячеслав Резников. Нагорная проповедь 41
Святитель Григорий Нисский. О молитве. (Слово второе) 43

БОГОСЛОВИЕ

Архимандрит Серафим. Учение о благодати в творениях архиепископа Серафима (Соболева) 47

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Священник Афанасий Гумеров. Право и правда 57

ПУТЬ К ВЕРЕ

Борис Споров. Уголька, или Отец Иов 75

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. Социальный переворот. *(Продолжение)* 84

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Владимир Воропаев. Гоголь и монашество. *(Окончание)* 102

БИБЛИОГРАФИЯ

М. Антонов. Всему миру свет (Обзор литературы, вышедшей к 600-летию со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского) 107
Н. Барская. Уникальный альбом 111
Круг чтения 112

Кто Бог велий, яко Бог наш...

Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса.

Вот слова великого прокимна, которые слышим мы за Троицкой вечерней. Мы слышали этот великий прокимен в первый день Святой Пасхи. Тогда его словами Церковь ублажала Господа как Совершителя великого чуда Воскресения Своего, а вместе с тем и нашего тела. А на праздник Святой Троицы в этом песнопении прославляется Божественное чудо воскресения нашей души. Это воскресение совершилось Духом Святым, Его благодатию в душах святых апостолов в день Святой Пятидесятницы.

В чем же чудо состояло? На этот вопрос мы находим ответ в следующих стихах прокимна: *сия есть измена десницы Вышняго.*

Следовательно, происшедшее силою Святого Духа в день Пятидесятницы чудо воскресения души состояло в ее изменении, о котором еще ветхозаветный пророк сказал: *и дам им сердце ино, и дух нов дам им, и исторгну каменное сердце от плоти их, и дам им сердце плотяно* (Иезек. 11, 19). Это изменение имел в виду святой апостол Павел, когда сказал: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17).

Но ярче всяких слов о сем дивном изменении души свидетельствует та перемена, которая произошла с Апостолами при сошествии на них Святого Духа. Его благодатию они из греховных соделались святыми; из трепещущих перед иудеями они соделались мужественными всенародными их обличителями, из неведающих Писания превратились в богословов, обогатившись всею высотою и глубиною Божественного ве́дения и премудрости; из печальных они соделались радостными, восприяв в сердца свои нескончаемое блаженство Небесного Царства Христова. Наконец, благодатию Святого Духа они получили такую веру, которая своими великими чудесными знамениями сломила языческий и иудейский мир и стала основою христианской жизни на земле.

Дивное перерождение *ветхого* человека в *нового*, это великое чудо воскресения души с тех пор стало проявляться и в жизни всех истинных последователей Христа. Об этом свидетельствует жизнь святых Божиих, которые разнообразными дарованиями Святого Духа уподоблялись Апостолам. Дивное, благодатное изменение особенно поразительно в жизни тех из них, которые обращались к Богу от великих и тяжких пороков, а затем достигали высших благодатных дарований. Ярко свидетельствуют об этом святые Мария Египетская, Моисей Мурин и Варвар Разбойник.

Чудесное изменение благодатью Духа Святого *ветхого* человека в *нового* совершается в Православной нашей Церкви ее Таинствами, богослужениями и молитвами. Здесь и только здесь подается оживотворяющая и спасительная благодать Святого Духа. И мы счастливы с вами, возлюбленные о Христе братия и сестры, что являемся чадами Церкви, которая, по словам отца Иоанна Кронштадтского, есть истинная мать правоверующих во Христа, самый верный друг христиан, ибо она отвечает всем существенным потребностям души христианина подаянием помощи, силою Господа Иисуса Христа и Духом Святым, Которым *всякая душа живится.*

Душа, в которой проявился Дух Святой, есть Царство Божие, о нем Господь сказал: *Царство Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Оно и есть то сокровище, сокрытое на селе (ср.: Мф. 13, 44), тот бисер многоценный (ср.: Мф. 13, 46), о котором говорил Господь, желая показать всю ценность для нас Царства Божия или нашего благодатного нравственного изменения.

Для тех, кто стремится к духовному преображению, Господь изменяет и внешнюю жизнь: превращает все их печали в радости, делает их обладателями всех земных благ, всякого земного счастья, почему и сказал: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33).

Очень хорошо знает ценность благодатного изменения человеческой души и диавол. Знает он также хорошо, что совершается оно через Церковь, и поэтому вот уже около двух тысяч лет диавол неистово стремится уничтожить Православную Церковь на земле, возбуждая против Церкви безбожников и еретиков. Настоящее положение Православной Церкви можно уподобить состоянию, которое некогда переживали Апостолы во время страшной бури на море, когда утомленный Господь спал на корме лодки (ср.: Мф. 8, 23—27). Когда волны заливали ее и не было уже

надежды на спасение, ученики разбудили Иисуса Христа и сказали Ему: *Господи, спаси ны, погибаем* (ст. 25). Господь в одно мгновение укротил бурю и Первоначальная Церковь Христова, в лице Спасителя и Апостолов, была спасена от гибели.

Будем верить, возлюбленные, что в трудные для Церкви времена Господь дарует ей Свою помощь, спасет от гибели. Как же может быть иначе, если Он дал отрадное и непреложное обетование: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16, 13), если Он обещал пребывать с нею всегда: *се Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века* (Мф. 28, 20). А Господь Спаситель наш, по учению Апостола Павла, есть Глава Церкви, Церковь же есть Тело Его. И если Глава никогда не погибнет от диавола, то не погибнет и Тело. Церковь не погибнет никогда, но отдельные члены ее гибнут от неверия. Спасительно отметить, что когда Господь был разбужен на лодке учениками, Он не только Сам не устрашился бури, но сделал упрек ученикам, зачем они так маловерны, что устрашились ее. Таким образом, Он указал на неверие как на причину страха и смертельного ужаса Апостолов, которого надо было бояться как самого ужасного бедствия, ибо оно есть источник всех наших несчастий и причина временной и вечной нашей гибели.

Не будем поэтому, возлюбленные о Христе чада, страшиться бедствий, хотя бы и небывалых, в которые диавол повергает по попущению Божиему весь мир. Будем больше всего бояться, как бы не впасть в неверие и не погибнуть. Будем неуклонно держаться истинной православной веры как источника неизреченных к нам милостей Божиих. Из Евангелия мы знаем, что Господь не изливал на людей Своей милости и не совершал чудес Своих там, где встречал неверие.

Дай Бог быть нам истинно верующими людьми. Тогда Господь благодатию Святого Духа преобразит наши души и скорбь наша уйдет, и придет радость, и мы во всей полноте испытаем на себе силу слов великого прокимна: *Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса. Аминь.*

Архиепископ СЕРАФИМ (Соболев; † 1950)

И не введи нас во искушение...

(1 мая и Никола летний)

Первое мая начали отмечать с 1889 года, когда в столетнюю годовщину французской революции съезд Второго Интернационала принял резолюцию: «Назначается великая международная манифестация в раз навсегда установленное число, чтобы разом во всех странах и во всех городах в один условленный день трудящиеся предъявили общественным властям требование ограничения законом рабочего дня до восьми часов, а также выполнения всех других постановлений международного конгресса в Париже».

В одних странах Первомай переносили на ближайшее воскресенье, в других праздновали после обеда или по окончании работ. Вовсе заглохло празднование Первомая с началом первой мировой войны, когда пролетарии всех стран стали патриотами своих Отечеств. Всех... кроме России. «Только вожди русских рабочих тов. Ленин, Зиновьев и др. остались верны революционным заветам Интернационала» — восторгались большевистские газеты, призывая народ в лихую годину к первомайским забастовкам.

После победы Октябрьской революции майские торжества наряду с днями памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, приездом Ленина в революционный Петроград и прочими «красными датами» советские власти решили превратить в нечто грандиозное.

Началась подготовка к 1 мая 1918 года. В голодных городах устанавливали прожекторы для подсветки зданий, пиротехники готовили фейерверки, повсюду вывешивали красные флаги и лозунги. Особенно постарались в Москве, закутав чуть ли не весь Кремль, ставший цитаделью Совета народных комиссаров, в красную материю.

Обещали чудо интернационализма. Но верующие дали ему название — «иудина пасха», так как Первомай совпал с Великой Средой Страстной седмицы. По городу распространяли листовку с проповедью настоятеля храма Воскресения Христова в Сокольничьей слободе отца Иоанна Кедрова:

«Христиане! 1 мая по новому стилю нас зовут на гражданский праздник, будут украшения, будет музыка для нашего прельщения. Отчего бы и не попраздновать,— может быть, кто скажет?! Нет, христиане, мы не можем идти на торжество, так как этот день — Великая Среда. Вспомните, что это дни Страстной недели, когда христиане переживают страдания нашего Спасителя и Господа — дни скорби, дни усиленных молитвы и поста, дни, когда исстари строгою жизнию, удаленною от всяких развлечений и удовольствий, подготовляют себя к достойной встрече Светлого дня Христова Воскресения!

Вспомните Великую Среду. Что было в этот день в жизни нашего Спасителя! В этот день Иуда, прельстившийся деньгами, изменил Христу, предав Его на страдания и смерть. Участие христиан в гулянии в эти Великие дни будет изменой Христу, нашей вере, нашей Церкви, нашим русским отеческим преданиям, которые зовут нас чтить и в строгой жизни проводить Страстную неделю!

Братья и сестры! Если мы, хотя и немного, но имеем веры в Христа, нашего Спасителя и Господа, то не имеем никакого права идти на это поистине языческое торжество!

Будет и так много на нас греха! И так не знаешь, где найти отрады и покоя. Неужели еще мало нам ужасов современной жизни, неужели мы хотим сознательно идти против Христа и основ святой веры в Него и окончательно уничтожить устои нашего измученного, опозоренного и разделенного Отечества, которое верою родилось, выросло, окрепло и было могучим! Веру оставили, восстали на Церковь и Отечество и гибнем в мучениях за эти тяжкие грехи! Что теперь стало с нашей когда-то Святой Русью?! Куда девался русский человек — христианин и патриот, для которого Отечество было всегда предметом его любви и святых подвигов?!

Русский православный человек! Если ты не хочешь быть рабом других народов, для которых Россия, наше Отечество, лакомый кусок, а мы все — рабочая сила: на нас они будут пахать землю и возить навоз — опомнись, пойми, что ты русский и никакие другие народы не дадут тебе защиты и спасения, все они преследуют только свои цели. Никто, только ты сам сможешь спасти себя от мучений и Отечество — от позора. Спасти не насилием, разорением и кровью своих отцов, братьев и сестер в междоусобной войне... А спасти себя верою в Христа, Который еще есть в тебе. Нас разделили на партии, чтобы во вражде и разделении мы сами себя опозорили и уничтожили; дошли мы до великих ужасов, кто может поручиться за жизнь на завтрашний день!

Человеческая жизнь, этот неоценимый дар Божий, обесценена... Истерзать, зарезать, убить, надсмеяться над прахом убитого — это стало повседневным явлением! Но как бы тяжка ни была наша жизнь, нам, христианам, не нужно падать духом, у нас еще есть всемогущая сила, которая нас всех может объединить, возродить и сохранить нам наше родное место, наше Отечество. Сила эта, как сказали мы, есть вера наша во Христа, вера, победившая мир (1 Ин. 5, 4). Вера во Святую Церковь, которую хоть и гонят, но *врата ада не одолеют ея* (Мф. 16, 18). Вера тогда ценна в глазах Господа, когда мы ее исполняем. Вера наша зовет нас на Страстной неделе удаляться от удовольствий и развлечений. Неужели христианин позволит себе в неделю страданий его Спасителя и Господа пировать и веселиться?! Чтобы не быть изменниками своей вере, уйдемте от удовольствий и будем со Христом! Все наши условия жизни нам говорят: не веселиться нужно, а должно молиться и плакать, в покаянии очищать себя от грехов, спасать не только себя, но и других, заблудившихся, поддавшихся искушениям и через то погибающих.

Бодрствуйте, будьте внимательны к исполнению заветов Христа Спасителя нашего и молитесь, чтобы не впасть во искушение (Мк. 13, 33). Аминь».

На Красной площади в первый советский Первомай, когда «российский пролетариат требовал для своих заграничных товарищей того же, чего достиг сам», народу было не густо. Шли с пением «Интернационала» колонны красноармейцев и партийцев. И вдруг красное полотнище, заслонявшее икону Святителя Николая Чудотворца на Никольских воротах, без посторонних усилий порвалось — и засиял старинный образ чтимого всей Русью святого.

В последующие дни красноармейцам пришлось отгонять от Никольских ворот

народ, веривший в чудо и шедший помолиться иконе своего заступника.

А девятого мая по старому стилю, в день праздника Святителя Николая Чудотворца, по требованию народа был совершен крестный ход из всех московских церквей к Никольским воротам.

С утра шли люди к Красной площади с торжественным пасхальным пением: *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его.* Развивались белые флаги, сияли на солнце иконы и кресты. Накануне крестного хода многие его участники причащались и готовились к смерти.

У Никольских ворот не прекращалась церковная служба. Чрезвычайная комиссия Дзержинского в расклеенных по всей столице объявлениях обещала «стереть с лица земли» всех тех, кто будет выступать «с речами и действиями против Советской власти». Но нет речей — пение кающихся, нет оружия — крестное знамение. И отряды красноармейцев и чекистов, укрывавшиеся в соседних с Красной площадью переулках и домах, не решились на этот раз расправиться с верующей Россией. Сам Ленин в окружении китайцев-часовых смотрел со стены Кремля на запруженную площадь. Он поинтересовался, сколько собралось народу. По приблизительному подсчету самих большевиков — около четырехсот тысяч.

«Единственный раз я видел Патриарха Тихона в Москве в мае 1918 года, на Красной площади у Исторического музея,— вспоминал писатель Борис Зайцев.— Было тепло, почти жарко. Мы только что в огромном крестном ходе обошли Москву. От Храма Христа Спасителя было видно, как отряды под хоругвями переходили через Москву-реку: со всех концов шли новые и новые толпы, сливались золотой рекой с иконами, крестами, двигались по родным и так намученным сейчас местам. Мы не могли войти в Кремль. Но все наши «полки» собрались на Красной площади, и тут, в сотнях хоругвий и икон, риз, облачений, митр, крестов и панагий, воочию была видна древняя слава Москвы — церковная ее слава».

Властители были удручены своим бескровным поражением, растерянны: наступила пора считать подобные религиозные праздники за контрреволюционные выступления или повременить?

Для начала решили произвести обыск на квартире протоиерея отца Иоанна Кедрова. Но никакой «антисоветчины», кроме уже известного по листовкам текста, не нашли. Но все же вручили отцу Иоанну повестку о явке в следственную комиссию для допроса. Узнав о повестке, прихожане храма Воскресения Христова собрались на общий сход, где и порешили обратиться в Московский ревтрибунал с требованием отдать батюшку на поруки «ввиду глубокого уважения христиан к отцу Иоанну Кедрову за святое исполнение им его пастырских обязанностей во славу Христа и Его Святой Церкви». Две тысячи духовных детей отца Иоанна, подписавшихся под заявлением (а многие указали и свои адреса), заверяли следственную комиссию, что «ему мы обязаны самой постройкой нашего храма, он кормил крестьян во время голодовок 906—907 и 911—912 годов», предупреждали карательные органы, что в случае ареста батюшки «могут последовать волнения».

И дрогнул ревтрибунал, пришлось следователю Бадмасу допрашивать отца Иоанна на дому:

«— Зачем вы упомянули о 1 мая как о Великой Среде?

— Если бы первомайское торжество было не на Страстной неделе, то и выступления моего не было бы.

— А с какой стати революционный праздник назван «языческим торжеством»?

— Все праздники, смысл которых в гуляньях, песнях и плясках — языческие».

Следователь продолжал утверждать, что отец Иоанн «хотел контрреволюции». Батюшка долго разъяснял неверующему человеку, что значит для православного Страстная неделя, как из века в век ее проводили в покаянии и посте. Следователь все добросовестно записал и передал протокол допроса в ревтрибунал. Но там, по-видимому, нашлись люди, для которых Страстная неделя не была пустым звуком, и они, не найдя «следственный материал достаточно полным», дело «за отсутствием состава преступления» прекратили.

Борьба с религией только начиналась, и зачастую властителям приходилось уступать православному единству.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Памяти Святейшего Патриарха Ермогена

25 мая (12 мая по ст. стилю) Русская Православная Церковь молитвенно чтит память священномученика Ермогена (Гермогена), Патриарха Московского и всея России, чудотворца.

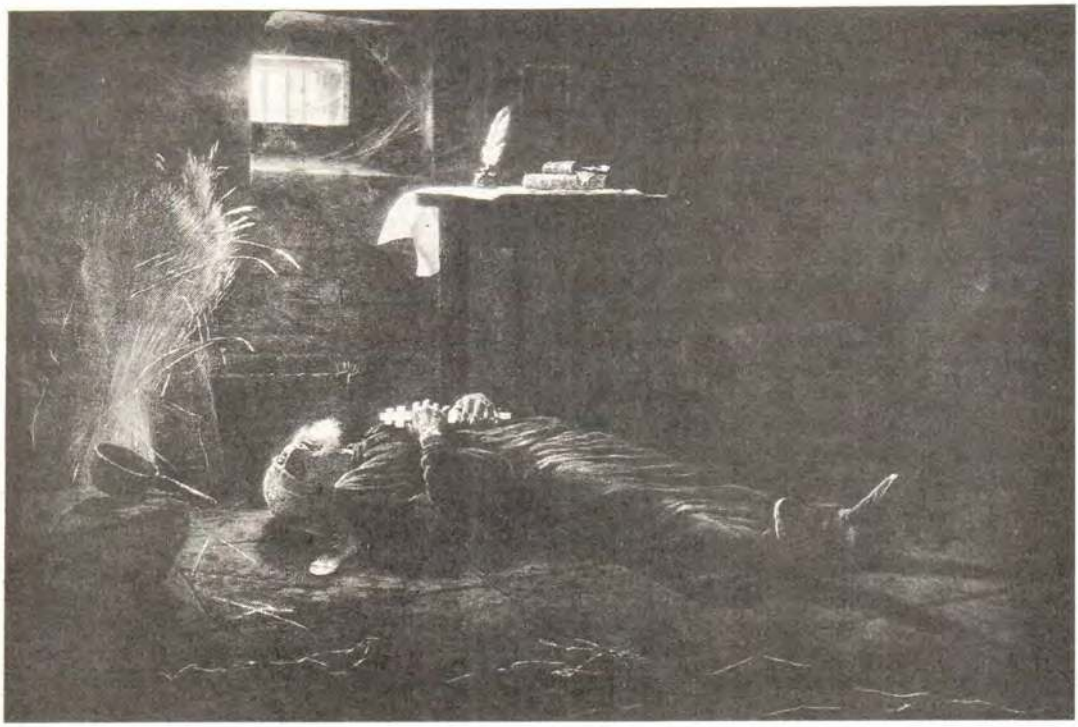
Святейший Патриарх Ермоген занимал Первосвятительский престол с 1606 по 1612 год. Это было тяжелейшее время для Руси, вошедшее в историю как Смутное.

Патриарх Ермоген оказал в период лихолетья неоценимые услуги Русскому государству и Церкви — всему народу русскому.

Родился он в Казани около 1530 года, где и оставался, вплоть до избрания его на престол Патриарха Всероссийского, сначала в сане приходского священника, затем, после пострижения, в сане архимандрита Казанского Спасо-Преображенского монастыря, наконец, в 1589 году был посвящен в архиерейский сан, занял только что образованную кафедру митрополита. В 1605 году, присутствуя на Соборе в Москве, созванном по случаю помазания Лжедмитрия на царство, оказал мужественное сопротивление Лжедмитрию по вопросу о бракосочетании его с Мариной Мнишек. За это был удален в свою епархию в Казань. Вскоре после восшествия на престол Василия Шуйского был созван Собор, который, низложив Патриарха Игнатия, поставленного Лжедмитрием, избрал митрополита Ермогена Казанского Патриархом в июле 1606 года.

В самом начале царствования Шуйского произошло возмущение южных городов, которые поверили слухам, что царевич Димитрий жив и бежал из Москвы. Для успокоения народа из Углича были перенесены мощи царевича, и Патриарх Ермоген вышел за городские ворота навстречу мученику и нес на себе мощи до Архангельского собора, где они были положены. Восстание все-таки продолжало разрастаться, к бунту стали присоединяться другие города. Во главе восставших стояли Болотников и князь Шаховской. Когда мятежники подступили к самой Москве, Патриарх Ермо-

Смерть Патриарха Ермогена
Художник А. Новоскольцев, 1915 г.

ген разослал грамоты по городам с изъяснением тяжелого положения Москвы и царя. Грамоты произвели должное действие — народные ополчения двинулись к Москве и с их помощью мятежники были разбиты. С низложением Шуйского начался особенно важный период деятельности Патриарха. Когда выставлена была кандидатура королевича Владислава на Московский престол, Святейший Патриарх Ермоген потребовал, чтобы Владислав принял Православие, но из переговоров об этом с королем Первосвятителю стало ясно, что отец Владислава Сигизмунд сам хочет сесть на престол русский, поэтому Патриарх энергично протестовал против допуска в Москву гетмана Жолкевского с войском. Когда бояре потребовали подписи Патриарха на грамоте, предписывавшей Смоленску сдаться и положиться на волю короля, он ответил решительным отказом. Отсутствие подписи Патриарха на грамоте дало повод московским послам отказаться от исполнения этого приказа. Замыслы поляков покорить Русскую землю стали для всех очевидными. Патриарх Ермоген, проповедуя и рассылая грамоты, увещевал народ крепко стоять за Православную веру. Грамоты Патриарха вызвали большой подъем патриотического чувства русских; народные ополчения двинулись к Москве для освобождения родины. Поляки и бояре, стоявшие на их стороне, угрожали Патриарху смертью и требовали, чтобы он приказал ополченцам разойтись. Патриарх не сделал этого и был заключен в Чудов монастырь, а когда казаки провозгласили царем сына Марины Мнишек, Патриарх Ермоген из заключения послал в Н. Новгород грамоту с протестом. В 1612 году 22 октября Москва была очищена от поляков народным ополчением под началом князя Пожарского и Козьмы Минина. Но Патриарх не дожил до этого. Он скончался 17 февраля 1612 года в узах, уморенный голодом поляками. Причислен к лику святых в 1913 году.

Святитель Ермоген, Патриарх Московский

Воззвание

Бог наш, Святая и Живоначальная Троица, Отец и Сын и Святый Дух, в Негоже веруем и о Немже живем и движемся и есмы[1], Сим же царие царствуют и сильнии содержат землю, Той Един преблаженный и силный царь царствующим и Господь господствующих, во свете живый неприступнем, на херувимстех престолех седяй и на смиренныя призираяй, и от Небесных Сил прославляемый и ото всех земнородных родов покланяемый, и от всякаго дыхания дивно удивляемый, Ему же слава ныне и в день века, аминь.

Аз смиренный Ермоген, Божией милостию Патриарх Богом спасаемого града Москвы и всея Русии, воспоминаю вам, прежде бывшим господием и братием и всему священническому и иноческому чину, и бояром, и окольничим, и дворяном, и дьяком, и детем боярским, и гостем, и приказным людем, и стрельцом, и казаком, и всяким ратным и торговым и пашенным людем, бывшим православным христианом всякаго чина и возраста же и сана, ныне же, грех ради наших, сопротивно обретеся, и не ведаем, как вас и назвати: оставиши бо свет во тьму отыдосте, отступивше от Бога к сотоне прилепистеся, возненавидеша правду лжу возлюбисте, отпадше от соборныя и апостольския Церкви, Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, христианския непогрешительныя надежи, и великих Чюдотворцов Петра и Алексия и Ионы и прочих святых просиявших в Русии, и чужившимся православных догмат и святых седми Вселенских Соборов, и не восхотевшим святительских настолник и нашего смирения благословения, и отступившим Богом венчанного и святым елеом мазанного и ото всего мира и от вас самех избранного Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Русии, туже или не знаючи, яко Вышний владеет царством человеческим и емуже хощет и дает, вы же, забыв обещания православныя христианския нашея веры, в нем же родихомся, в нем же крестихомся и воспитахомся и возрастохом, и бывши во свободе и волею иноязычным поработившимся преступивше крестное целование и клятву, еже стояти за дом Пречистыя Богородицы и за Московское государство до крови и до смерти, сего не воспомянувше и преступивше клятву ко врагом креста Христова и к ложномнимому вашему от Поляк имянуемому царику приметавши. И что много глаголю? Не достает ми слово, болезнует

ми душа, болезнует сердце и вся внутренняя утерзается и вся составы мои содрагают, и плачуся, глаголю и рыданием вопию: помилуйте, помилуйте братия и чада единородныя, своя душа и своя родителя отшедшая и живых, отец своих и матерей, и жены своя, и чада, и сродники, други, возникните и вразумейте и возвратитеся!

Видите бо Отечество чюждими расхищаемо и разоряемо, и святыя иконы и церкви обругаемы, и неповинных кровь проливаема, еже вопиет к Богу, яко праведнаго Авеля прося отмщения. Воспомяните, на кого воздвизаете оружие, и не на Бога ли, сотворшаго нас, не на жребия ли Пречистыя Богородицы и великих Чюдотворцов, не на свих ли единоплеменных братию? Не свое ли Отечество разоряете, емуже иноплеменных многия орды чудишася, ныне же вами обругаемо и попираемо? И аще воспомянем вам от Божественных Писаний, и мню, яко тягостно будет слуху вашему, сами бо весте, яко ли в котором языце, ни в которых родех, ниже в памятных книгах, обретается сицевая страсть, якоже ныне в вас, точию древле богоубийственный и мятежелюбный род Июдейский. В четыредесятое лето по спасенней страсти Спасителя нашего Исуса Христа, заратившеся Июдеи по градом и царя свего Ирода Агриппу изгнаша и избраша мужу убийцу, Аханана глаголю и Семиона Идумеенина (якоже и вы ныне), и самохотным стремленми и междоусобными бранми вси скончашася, и пришедши Римляне Святая Святых разрушиша, Иерусалим плениша и вся мечу и огню и работе предаша и в запустение сотвориша, даже и до днесь: вы же сему ли ревнуете? Сего ли хощете? Сего ли жаждете?

От них же, Господи, пощади души наши, по реченному: не бойся малое мое стадо, яко благоизволи Отец мой дати вам царство[2], аще бо и многи волны и люто потопляше, но не бойся погрязновения, на камени бо веры и правды стоим, да ся пенит море и бесит, но Исусова корабля не може потопити, и не даст бо Господь в поношение уповающих Нань, ни жезла на жребий свой, ни зубом вражиим раб своих, но сохранит нас, якоже хощет святая воля Его. Знаменую же вы имянем Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа отстати таковаго начинания, дондеже время есть к познанию, да не до конца погибнете душами вашими и телесы, а мы, по данней вам благодати Святаго Духа, обращающихся и кающихся восприимем и о прощении вашего согрешения, волнаго и неволнаго, общим советом, соборне, со возлюбленными единомысленными нашими Российскими Митрополиты и Архиепископы и Епископы и со всем освященным причтом молити Бога должны есмя и о винах ваших у Государя упросим: милостив бо есть и не памятозлобив и весть, яко не вси своею волею сицевая творят, и которая ваша братия, в субботу сыропустную, возстали на Государя, и ложныя и грубыя слова изрицали, якоже и вы, тем вины отдал и ныне у нас невредимы пребывают и жены ваша и дети також во свободе в своих домех пребывают.

Се ли есть немилость и невоздаяние зла за зло, аще и малая наказания было кому за толикия вины, и то ничтоже есть, и аще в ком душа и льва некроткаго, но тою благодеяние одолеет ему, и аще чины или имения, еще дает вам льстец он, чюжая, а не своя, и аще восхощет Бог, и вы исправишася, и тою нелишени будите, токмо помилуйте душа своя и реченное слово воспомяните: аще человек весь мир преобрящет, душу же свою отщетит, что даст измену на души своей?[3]

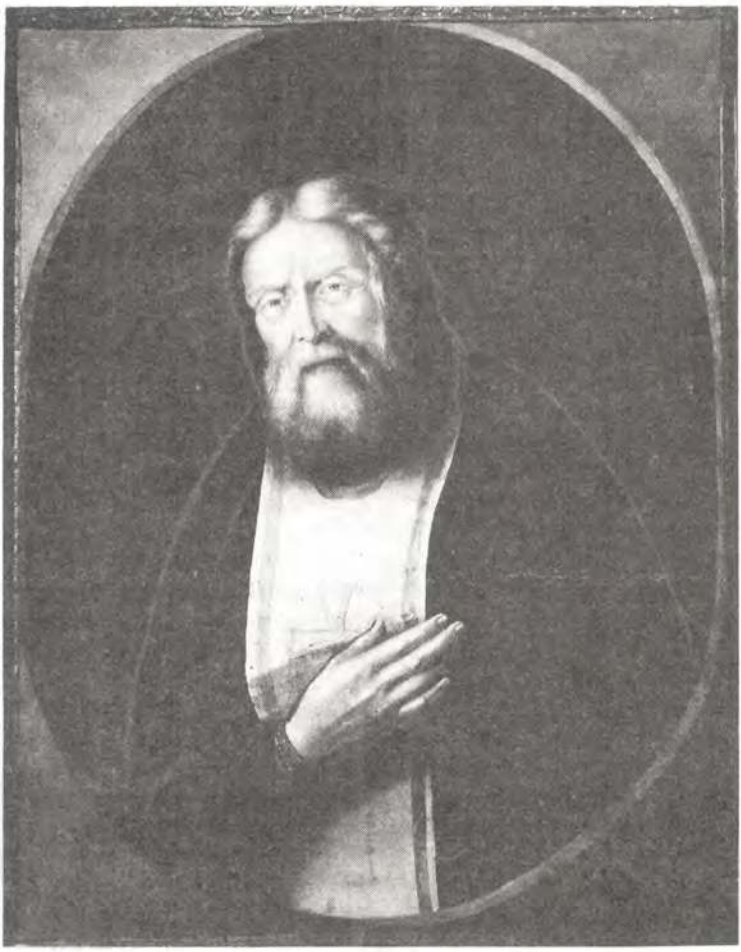
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: Деян. 17, 28.
[2] Ср.: Лк. 12, 32.
[3] Ср.: Мк. 8, 36—37.

Печатается по: Акты Археографической экспедиции, т. 2 (1598—1613), № 169. СПб., 1836.

Дивный старец

Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего СЕРАФИМА, Саровского и всея Руси чудотворца

В 1993 году исполняется 160 лет со дня преставления и 90 лет со времени прославления преподобного Серафима Саровского. Дивный старец Серафим — великий заступник и утешитель народный. Он был под особенным покровительством Божией Матери — двенадцать раз являлась она ему. «Этот нашего рода!» — сказала Пресвятая Дева о нем. Сподобился он видеть за богослужением и Самого Господа. После долгих молитвенных трудов преподобный Серафим получил от Бога великие дары: дар «немощных душ врачевания», дар «прозрения», то есть знания грядущего, и дар исцеления недужных. Господь через старца Серафима совершил много чудес. Молитва старца имела такую силу, что он мог вырвать грешную душу из когтей сатаны и спасти ее. С сатаной он вел подлинную битву. Злые духи воплощались в чудищ и устремлялись на него, нанося ему даже тяжкие раны. Но он стоял до конца: «Господь мне защита — кого убоюся?». Тысячи людей получили через него от Господа утешение, исцеление, избавились от неверия, многие ступили на иноческий путь жизни. Богородица извела для него возле его пустыньки источник и по его молитве соделала его целительным. Здесь, особенно в июле 1903 года, когда состоялось прославление и обретение мощей старца Серафима в присутствии Царя-мученика Николая II и его семьи,

совершилось множество исцелений: слепые прозревали, хромые и параличные получали возможность ходить, глухие и немые избавлялись от своих недугов. Это происходило на глазах бывшей тогда в Сарове огромной массы людей. Ныне еще закрыта Саровская пустынь, но живет возрожденная Дивеевская обитель, где находятся вновь обретенные в 1991 году святые мощи преподобного.

Сын курского купца, простой русский человек был призван Господом на великие дела ради великого народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1758 году в ночь на празднование дня святого пророка Илии и преподобного Авраамия, Галичского и Чухломского чудотворца, то есть на 20 июля, у супругов Машниных* родился сын — тихий и светлый младенец с голубыми глазами. Словно ангел с небес пришел он в благочестивую семью. Совершилось это в богохранимом граде Курске, тогда уездном городе Белгородской провинции, который громоздился своими слободками и садами по крутому берегу Тускари, невдалеке от города впадающей в полноводный Сейм. Вековой лес на большом пространстве окружал город и даже в нескольких местах вклинивался в него.

Невдалеке от усадьбы Машниных, на месте древней крепости у ручья Кур, от которой сохранились валы и глубокий ров, находился Знаменский Богородице-Рождественский мужской монастырь. Великая святыня сияла в нем: икона Знамения Пресвятыя Богородицы, называемая Коренною, так как обнаружена была она невдалеке от города при корнях дерева. Сам Господь наш Иисус Христос и Его Пречистая Матерь прислали явившемуся в мир младенцу свои невидимые великие дары...

Ему при святом крещении дано было имя Прохор, в честь одного из семидесяти апостолов и первых диаконов. Это значит, что крещение состоялось 28 июля, на память святых апостолов Прохора, Никанора, Тимона и Пармена — мужей, исполненных «духа свята и премудрости». До Успения Матери Божией святой Прохор был спутником и помощником Апостола Петра, а после — Апостола Иоанна Богослова, с которым делил тяготы странствий и великих гонений. Апокалипсис записан был со слов святого апостола Иоанна именно перводиаконом Прохором, который претерпел мученическую кончину от язычников-эллинов в городе Антиохии.

Отец младенца Прохора Исидор Иванович Машнин имел в это время возраста сорок один год. Он был купец-промышленник, владевший кирпичными заводами, и брал подряды на строительство домов и храмов в Курске и окрестных городах. В то время он уже несколько лет строил (а именно с 1752 года) в Курске, рядом со своим домом, храм в честь Преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца, а также Казанской иконы Божией Матери. Чертеж, сделанный самим Растрелли, был прислан из Петербурга, а средства явились от усердных прихожан, в основном же от купца Карпа Ефремовича Первышева.

Здание строилось медленно, с расчетливой основательностью. В летнее время нянька или бабушка Федосья Наумовна (мать Исидора Ивановича) выводили младенца, еще неверно шагавшего, посмотреть со двора на вороных битюгов, везущих нагруженные камнем дроги. Земля гудела под колесами... Мужики, сгибаясь под тяжестью наполненных кирпичом деревянных «коз», один за другим поднимались на невысокие еще стены храма. Нижняя церковь — во имя Преподобного Сергия — уже почти готова.

Дома у Машниных по-церковному благолепно: тишина, чистота, тонкий дух заморского ладана, рушники на иконах, Евангелие на аналое. Исидор Иванович и его супруга Агафия Фатеевна известны были в Курске своей праведной жизнью. Рано поутру все домашние собирались на молитву. Поднимались и дети — Параскева и Алексей, бывшие старше Прохора соответственно на восемь лет и на шесть. Нередко бывал здесь и молился со всеми вместе брат Исидора Ивановича, тоже купец, Антон Иванович с женой Варварой Феногеновной и сыном Петром, двоюродным братом Прохора.

---

* В подлинных документах того времени фамилия преподобного Серафима написана везде с буквой «а».

Дом был большой, с кладовыми, скотным двором, конюшней, садом. Всего в нем было достаточно, однако не замечалось никакой роскоши. Супруги Машнины много помогали бедным, питали сирот и недужных, устраивали достойное замужество бесприданницам. Часто в гостях у Машниных бывали курские батюшки, особенно из приходского храма Илии Пророка, мастера-строители, приказчики с заводов. Была в доме и малая горница для «странных» людей, идущих по Руси от монастыря к монастырю. Немало порассказали они добрым хозяевам и их детям о дивных обителях, где, как огненные столпы от земли до неба, горят молитвою подвижники-иноки, благоухают мироточивые иконы, совершаются чудеса у нетленных мощей преподобных.

В 1760 году осенью Исидор Иванович, никогда ничем не болевший, вдруг слег и через несколько дней сподобился непостыдной и мирной кончины, исповедавшись и причастившись Святых Христовых Таин. Дела свои, в том числе и строительство Сергиевского храма, он передал жене. Ей было в то время тридцать два года. Горе не сломило ее души. Все в доме велось по старому порядку. Маленький Прохор, оставшийся без отца двух лет, уже начал запоминать молитвы, бывал с матерью, сестрой и братом в храмах и всегда с большой радостью, приподнятый от пола братом, прикладывался к чудотворной иконе Знамения Божией Матери.

Однажды Агафья Фатеевна шла с детьми из храма домой и на улице встретился ей юродивый, славившийся своей прозорливостью. «Блаженна ты, вдовица,— сказал он, погладив маленького Прохора по его будто льняным волосам,— что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святою Троицею и горячим молитвенником за весь мир». Этот юродивый стал бывать в доме Машниных и подружился с Прохором, который всею душою потянулся к нему.

Прохор еще не умел читать, и юродивый (имя его забыто) рассказывал ему о святых Божиих. Один раз, гуляя с ним, он показал ему ветхий колодец на берегу Тускари, в котором обвалился гнилой сруб, но вода, стоявшая доверху, была дивно чиста и приятна на вкус. «Вот,— сказал он,— где брал воду для своих просфор великий отец русских монахов Феодосий, игумен Печерский». Они сидели на камнях, нагретых солнцем, и юродивый рассказывал о детстве печерского святого подвижника, приводя на память целые отрывки из его древнего жития.

Он рассказал о том, как отрок Феодосий вместе с родителями приехал сюда, в град Курск, и как он любил молитву и церковные службы, ради которых удалялся от игр сверстников. Как ушел однажды, тайно, с паломниками, шедшими во Святую Землю, и как через три дня догнала его матерь его, избила жестоко, привезла домой и заковала в железа. «Так и ходил он в оковах много дней, а потом, сжалившись над ним, мать его снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то она сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в Божию церковь. И узнав, что там часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, весьма опечалился и задумал сам со смирением приняться за это святое дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же его молол и снова пек просфоры. Это уж Господь так пожелал, чтобы чистые просфоры приносили в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, насмехались над ним и порицали его занятие, ибо враг научил их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании».

— Подрастешь немного,— говорил Прохору его старший друг,— и мы с тобой пойдем в Киевские пещеры поклониться преподобным и богоносным отцам нашим Антонию и Феодосию. Вот то-то радость велия! Вот услаждение души христианской! Будем же молить Господа, слезно молить, да сподобит нас сего...

Каждый год в сентябре, восьмого числа, в Курске бывал крестный ход из Коренной пустыни в Знаменский монастырь. Несли чудотворную Знаменскую икону Божией Матери, которая летом пребывала в Пустыни, на месте своего чудесного явления в 1295 году, а остальное время — в Курске. Коренная пустынь находилась в двадцати семи верстах от города.

Много необычайного об этой иконе рассказывал отроку Прохору друг его. В те

стародавние времена Курск был разорен татарским воеводой Менгу и лежал в запустении. И еще триста лет потом не было в нем никаких признаков возрождения. А неподалеку, в городке Рыльске, властвовал тогда галичский князь Василий Шемяка. Восьмого сентября 1295 года рыльский священник Боголюб увидел на берегу Тускари икону, лежавшую изображением вниз на выступающих из земли узловатых корнях огромной сосны. Едва он поднял икону, как из-под корней выбился источник чистой воды и журча побежал по уклону берега в Тускарь.

Священник Боголюб построил здесь часовенку, поставил в ней икону и стал молиться. Князь Василий Шемяка прислал гонцов и велел нести икону в Рыльск, но сам, не веря в ее чудотворную силу, не вышел встречать ее. В тот же день он ослеп и, охваченный ужасом, поспешил к иконе, пал на колени и, проливая слезы, принес раскаяние. Зрение его тотчас возвратилось. Тогда он приказал одним днем соорудить в городе храм Рождества Богородицы и поставил в нем новообретенную святыню. Наутро она исчезла и оказалась на месте своего явления, в часовенке у источника... Священник Боголюб нередко вместе с народом приходил сюда петь молебны. Крымские татары, и в прежние времена доходившие до этих мест, явились сюда и увидели часовню. Это было во время молебна. Они зажгли часовню, побили народ, а чудотворную икону Божией Матери рассекли на две части и бросили их в разные стороны в чаще леса. Священника же Боголюба сковали и отвели в полон, откуда он вернулся через несколько лет. Он сразу бросился в лес, нашел обе половины иконы, сложил их и они, прильнув друг к дружке, срослись так, что не стало видно места рассечения.

Впоследствии, когда икона прославилась на всю Русь многими дивными чудесами, о ней прослышал царь Феодор Иоаннович. В 1597 году приказал он принести ее в Москву, велел надставить доску со всех сторон, написать вверху Господа Бога Саваофа, а по сторонам и внизу — ветхозаветных пророков, выложить ее серебром и золотом, драгоценными камнями и жемчугом. В том же году чудотворная икона была отправлена в Коренную Рождество-Богородичную пустынь. В это время, по повелению царя, начали русские люди восстанавливать лежавший в запустении Курск. Но иконе Знамения Божией Матери снова довелось побывать в Москве. В 1605 году ее захватил сидевший в Путивле Лжедимитрий I, который потом и принес ее в Москву. В 1615 году куряне, прогнавшие за три года до этого из своего города литовцев и поляков и построившие по обету внутри крепости Знаменский монастырь, ходатайствовали о возвращении им иконы, и уже в 1618 году царь Михаил Феодорович Романов эту их просьбу уважил.

От своего блаженного друга-наставника услышал отрок Прохор о первых христианских отшельниках, древних пустынниках Павле Фивейском, Антонии Великом, Арсении Великом и Макарии Великом. Плача от умиления, повествовал блаженный о том, как долгие годы, целых девяносто лет, жил в пещере Павел, не видя людей, молясь Богу. Ворон приносил ему каждый день половину хлеба. Возле пещеры было несколько пальм и тек небольшой ручеек, а вокруг дышали адским жаром раскаленные пески Египта, громоздились мрачные скалы, где жили хищные звери и змеи... И вот сюда-то пришел другой старец — Антоний, который, духом познав, что есть в пустыне великий подвижник, много дней искал его, будучи и сам уже годами ветх, и, наконец, нашел. Два старца кинулись в объятия друг другу — один в изодранном подряснике, другой в одежде из пальмовых листьев на чреслах...

— Антоний! — воскликнул Павел.

— Павел! — сказал Антоний.

Сам Господь открыл им имена друг друга. В каком глубоком безмолвии, в каком строгом одиночестве проходила жизнь этих людей, всецело посвятивших себя Богу!.. Слезы текли по щекам блаженного, когда он рассказывал, как послал Павел Антония за епископской одеждой, в которой дóлжно было ему умереть, и как Антоний принес ее, но был потрясен, увидев почившего уже о Господе Павла,— старец умер на молитве, но не упал, а так и остался стоять с воздетыми горе руками и лицом, обращенным к небу.

Блаженный, поглаживая отрока по светлым волосам, говорил, что великие эти угодники Божии, подражавшие в пустыннических подвигах пророку Илии, будут его наставниками в его будущей борьбе с диаволом. Прохор простодушно спрашивал:

— А какой он, диавол-то?

— Только великим молитвенникам случалось видеть его,— отвечал блаженный.— Преподобному Антонию являлся он в виде страшного черного отрока, иногда великана, а то, как и многострадальному Иову, с горящими глазами, пламенем из уст и дымом из ноздрей... Иной же раз в виде смиренного монаха или даже ангела светлого... Пугал он отшельника страхом, дикими воплями, шумом, а то и приказывал демонам избивать его до полусмерти... Было и так: загремело вдруг страшно, стены келлии как бы развалились на стороны и из ночного мрака с рычанием, визгом и шипением ринулись на преподобного страшные звери и гады.

— Ой! — воскликнул Прохор, живо представив себе эту картину, и прижался к лохмотьям блаженного.

— Страшно, светик, ох страшно! — отвечал на этот возглас блаженный.— Нам, грешным, Господь и не попустит того... какие у нас силы... А вот ты вырастешь, как на второго Антония ополчится на тебя враг рода человеческого, змий, противник спасения нашего...

— А Антоний не испугался?

— Нет! «Если бы у вас было сколько-нибудь силы, то для борьбы со мною достаточно было бы и одного из вас,— сказал Антоний всей этой нечисти.— Но так как Господь отнял у вас силу, то вы и пытаетесь устрашить своею многочисленностью. Если вам не дано силы надо мной, то зачем понапрасну трудитесь?.. Если же по попущению Божию вы имеете силу поглотить меня, то вот я — чего медлите?..»

— Матерь Божия с любовью на тебя смотрит,— говорил блаженный в другой раз.— Ведома Ей будущая богоугодная жизнь твоя. Молитвами Ее великие духовные дары готовит тебе Господь наш Иисус Христос... Молись, отрок, больше молись. Так говори: «Преподобные Павле, Антоние, Арсение, Макарие, молите Бога о нас!»...

... Агафья Фатеевна много времени проводила на строительстве храма. Для этого надевала она старый салоп, кое-где уже замаранный краской и известью. Мастера и работники встречали ее с великим почтением. Она была строга и немногословна. Высокая, в темном салопе и черном платке, она спускалась в нижние помещения, где уже отделывался храм Преподобного Сергия, и поднималась, ведя за руку Прохора, на почти уже достроенную колокольню. Храм украшался лепниной, над всеми окнами — головки ангелов, орнамент, как и задумал Растрелли. Да, строится долгонько, годы и годы... зато надежно. Здесь же, на дворе, в ямах, льются огромные колокола. Дивно было курянам: такого величественного храма у них еще не было.

Вот Прохор впервые на верхнем ярусе колокольни. Внизу — дым от ямы, где колокол льют, люди суетятся, разгружают воз; по другую сторону — родной дом, двор и сад, вон и Буян чешет ухо задней лапой посреди двора... А дальше — крыши слободок: Городовая, Рассыльная, Подъяческая, Солдатская, Малороссийская, Очаков... Кожевенные мойки на Тускари... Посреди каждой слободы — деревянный храм... Пруды, перелески, огороды... А далее — лес и лес... И вдалеке сверкает на солнце Сейм.

Агафья Фатеевна занята разговором с мастером-кузнецом, который уже поднял сюда одну из перекладин для подвески колоколов, а Прохор перебежал от одного проема к другому, споткнулся и вывалился из проема... Он так и не понял, что с ним случилось. Его будто бы подхватил кто-то невидимый и поставил на землю, на ноги.

Наверху раздались крики. Это кричала Агафья Фатеевна. Вот она взглянула из проема и исчезла. Быстро сбежала по лестнице... Вот она уже внизу, на дворе, за ней и мастер-кузнец.

— Живой,— едва переводя дух, вымолвила Агафья Фатеевна,— живой. Господь уберег...

Кузнец с недоумением посмотрел наверх, почесал затылок:

— Да ты никак сейчас тамотко был? — спросил он Прохора.

Отрок кивнул головой.

Собрались рабочие. Подошел диакон. Очень скоро было установлено, что сын Агафьи Фатеевны чудесно спасен Господом при падении с высоты,— он не только не убился, что, кажется, было неминуемо, но не ушибся и даже не испугался. Не успел. *Не приидет к тебе зло: и рана не приближится телеси твоему,*— пропел диакон из девяностого псалма,— *яко ангелом своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.*

По всему Курску разнеслась весть о чуде. Везде говорили о семилетнем отроке Прохоре Машнине, которому явным образом благоволит Господь.

В это время Прохор уже учился чтению и письму. Церковная грамота давалась ему легко, так как он, кроме большой охоты к учению, имел сообразительность и крепкую память. Как и все дети из низших сословий, учился он по «Часослову» у приходского диакона церкви святого пророка Илии. Скоро любимым чтением его стали большие, в кожаных переплетах, «Четьи Минеи», которые некогда приобрел в Киеве отец. Были в доме и другие духовные книги, в том числе «Беседы и слова» преподобного Макария Египетского.

Лет восьми-девяти Прохор уже так был начитан, что мог делиться своими знаниями со сверстниками. Он стал приглашать их к себе, читать вслух, и некоторые также приохотились к духовным книгам. Это были сыновья курских купцов, из них трое его близкие товарищи — Иван Дружинин, Иван Безходарный и Алексей Меленин. Они вместе ходили в храм, а после чтения житий святых часто вслух мечтали о том, как соберутся они, попросят благословения у родителей и уйдут в иноки.

Лет десяти Прохор сильно простудился и слег в тяжкой болезни. Шли дни, ему становилось все хуже, он исхудал и никакие лекарства ему не помогали. Агафья Фатеевна много молилась, не спала ночей и уже стала отчаиваться, полагая, что сын умирает. Прохор, когда к нему возвращалось сознание, также молился, глядя на образ Божией Матери, поставленный у постели: «Пресвятая Богородице, спаси мя!..»

Однажды он проснулся радостный и рассказал матери, что видел Богородицу, которая ласково говорила с ним и обещала в скором времени посетить его и исцелить. Это было в конце лета.

13 сентября был в Курске праздник. Положение честнаго пояса Пресвятыя Богородицы. В этот день, как и каждый год, из Коренной пустыни шел крестный ход, переносивший чудотворную икону Знамения Божией Матери в Курск, в Знаменский монастырь. На пути икону проносили над склоненными головами православных, и при этом происходило много исцелений.

День был солнечный, но когда крестный ход появился на Сергиевской улице, пошел сильный дождь, и возле строящегося храма, где тяжелые телеги разбили дорогу, образовалась грязь. Напротив был двор Машниных — через него можно было перейти на другую улицу. Когда открыли ворота и чудотворная икона Знамения Божией Матери появилась у самого крыльца, Агафья Фатеевна с домашними вынесла больного Прохора, и он с горячей верой приложился к святыне. Богородица выполнила свое обещание посетить его и исцелить. С этой минуты он стал поправляться и через несколько дней от недуга не осталось и следа.

Отрок с еще большим усердием принялся за молитву и чтение книг со своими товарищами, в которых желание быть иноками не ослабевало. Они решили во всем подражать трем древним подвижникам, каждый из которых был прозван Великим: Антонию, Арсению и Макарию и учились смотреть на мир как монахи, так, как наставлял великий христианский отшельник Антоний: «Взирая на мир, не будем думать, будто отреклись мы от великого чего, ибо и вся эта земля очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы и над всею землею были мы господами и отреклись от всей земли, то и в этом опять не было бы ничего равноценного Царству Небесному... Если же вся земля не равноценна небесам, то оставляющий несколько десятин как бы ничего не оставляет, хотя бы оставил он при том и дом и много золота... Почему же не оставить нам сего добродетели ради, чтобы наследовать за то Царство Небесное?»

По земной мерке было что оставить в мире и этим отрокам, которые, как купеческие дети, имели наследство — кто фабрики, кто лавки, и иные весьма богатые... Так и Прохор со своим старшим братом Алексеем должен был бы через некоторое время принять от матери все заботы об умножении имеющегося уже достатка.

Некогда Исидор Иванович Машнин завел, помимо кирпичного завода, приносившего значительный доход, лавку для продажи крестьянам необходимого им товара. Здесь были конская сбруя и дуги, деготь, мотыги, веревки, лапти, косы, серпы, вилы, грабли и тому подобное. Сюда, особенно в ярмарочные дни, наведывались мужики из окрестных сел и тогда перед лавкой теснились телеги, шарабаны и одноколки, а лошади пили из устроенной возле коновязи колоды, куда ведрами подливалась вода.

Хотя в лавке были еще приказчик и работник, перетаскивавший товар, братьям Машниным трудно было справляться со столь бойким делом. Прохору иногда весь день нельзя было отойти из лавки. Чтобы попасть в храм, он вставал раньше всех и шел к заутрене. Днем же за литургией он уже не мог быть. Не успевал часто и к вечерне. А сердце его пылало любовью к Богу и Церкви Христовой...

Уже тогда, лет пятнадцати-шестнадцати, еще только мечтая о монастыре, сделался он истинным монахом в миру. Спал четыре часа, почти всю ночь посвящая молитве и коленопреклонению. Очень строго постился, избегал обычных для юношей развлечений, постоянно изучал Священное Писание. Можно подумать, что это был какой-то угрюмый и нелюдимый человек, но нет — он был со всеми ласково-приветлив, вид у него, рослого, широкоплечего парня, был часто даже веселый. Он умел поговорить со всеми — и с детьми, и с мужиками. Но не вел пустых разговоров, а все о душе и вечном нашем спасении. Мужики, приезжавшие в лавку, любили побеседовать с ним, услышать от него примеры из житий святых и духовные словеса из писаний отцов Церкви.

Агафья Фатеевна все это принимала с пониманием и христианским смирением. Она знала, куда это клонится, конечно — к иночеству. Да, Прохор — отрезанный ломоть... Но иногда материнское сердце все же грустило, а тут и враг недремлющий: «Не благословляй»,— нашептывает...

Вот она выдала свою дочь Параскеву за курского мещанина Гавриила Колошинова, а через несколько лет и Алексей, старший сын, вступил в брак с дочерью купца Ивана Ситникова Марией. У них появились дети — сын Иван, дочери Дарья и Матрена... Хотелось бы и Прохора видеть женатым, в своем доме, с детьми, при купеческом деле... Строил бы храмы православные... Но Агафья Фатеевна, опытная христианка, не принимала советов врага рода человеческого и не распалялась гневом на сына подобно матери преподобного Феодосия Печерского... Пусть, думала она, Прохор будет молитвенником за весь род, за всех нас. Господь именно так ведет его — и грех с этим спорить. Нет правды в прекословии — хотя бы и родительском — молодому подвижнику.

В 1776 году было окончено строительство собора. Высоко вознес он свои белые стены и голубые купола с золотыми звездами. Освящены были оба его храма — Преподобного Сергия и Казанской иконы Божией Матери. На колокольне загудели колокола... Агафья Фатеевна закончила дело, с которым жила так много лет. Глядя на колокольню, откуда невредимо упал Прохор, она поднимала глаза выше и ей казалось, что в золотисто-голубом свете небес колышется поддерживаемый руками Пречистой Девы спасительный Ее омофор...

В августе этого года шестеро молодых паломников с посохами в руках вышли из Курска. Решение идти в монастырь у Прохора — и его пятерых товарищей — было твердое. Но они еще не знали точно — в какой кому, не указал Господь... Поэтому не распрощались они с родными насовсем. Перед уходом они много толковали о Саровской пустыни, что в Муромских лесах, недалеко от городка Темникова... Там есть иноки-куряне и среди них иеромонах Пахомий, с юных лет подвизавшийся в посте и молитве. Много слышали они от странников и о настоятеле пустыни старце Ефреме, пережившем страшные безвинные гонения при царице Анне Иоанновне,— он был схвачен вместе с оклеветанным основателем монастыря иеросхимонахом Иоанном, сослан в Орскую крепость и вернулся лишь в 1754 году.

Решено было сначала пойти в Киев, в обитель преподобных Антония и Феодосия Печерских,— не скажет ли им там Господь волю Свою.

И вот Днепр, крутой, заросший лесом обрывистый берег, сады и крыши Киева, а за двойным рядом валов и за каменной стеной — храмы и стройная четырехъярусная колокольня Лавры... Запыленные путники вошли в Святые ворота, приложились там к иконе Успения Божией Матери и с молитвой вошли в древнюю благодатную обитель, не раз за свою историю восставшую из пепла и руин...

Они спустились в числе других богомольцев под землю, в Ближние — Антониевы — пещеры, со свечами в руках шли за провожавшим их монахом по безмолвным переходам, где в нишах, по обе стороны, мерцали лампады в возглавиях гробниц, в которых почивали нетленные мощи иноков. Гробница преподобного Антония — под спудом, в его келлии, подземной пещере, где он подвизался последние шестнадцать лет своей жизни. Каменное ложе, серебряная рака, иконы, неугасимая лам-

пада... Святое, светлое место! Великий подвижник молился здесь денно и нощно, часто лишь раз в неделю вкушая немного хлеба.

Монахи не однажды пытались открыть его мощи, начинали копать, но всякий раз огонь, вырывавшийся из гробницы, опалял дерзновенных. «И ныне со ангелы Владычню престолу предстоя, поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти: радуйся, Антоние, отче наш!» — пела душа Прохора. В малом пещерном храме во имя преподобного Антония началась Божественная литургия. Благословенно Царство!.. — возгласил сгорбленный седой иеромонах. Аминь! — протяжно ответил из полумрака хор. Неудержимо, беззвучно плакал Прохор, всей умиленною своею душою сливаясь со словами молитв... И, наконец, запели все предстоящие: «Тело Христово приимите...»

Выйдя из ближних пещер, курские паломники перешли по крытой галерее-мосту через овраг ко входу в Дальние, Феодосиевы, пещеры. В галерее по всей немалой длине ее — нищие: старые, слепые, хромые... Иные читают вслух Псалтирь и не обращают внимания на проходящих, иные молятся, и всюду слышится имя Иисуса Христа, Господа Бога нашего, и призыв к милосердию. *Блажени милостивии: яко тии помиловани будут...* (Мф. 5, 7).

Как и в Ближних, много было паломников в Дальних пещерах. Подземная церковь Рождества Христова полна. Окончилась литургия, идет панихида. «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих...» ... «Ве-е-ечная па-а-амять!...» — здесь, под низкими сводами пещер, среди многочисленных гробниц святителей, пресвитеров, схимонахов, затворников, мучеников, блаженных, отроков, князей и воинов, особенно потрясает молитвенная песнь веры в «жизнь бесконечную».

Вот келлия преподобного Феодосия, освещенная небольшим паникадилом,— каменное ложе, икона Богоматери и иконы преподобных Антония и Феодосия в серебряных окладах. Прохор живо представил себе, как это было при жизни святого: тишина и полутьма, ничто не отвлекает от молитвы и коленопреклонений... Да и не всегда тьма,— были случайные свидетели того, что пещеры преподобных озарены бывали дивным небесным светом во время их молитвы...

Но здесь более сыро, чем в Ближних пещерах, сказывается близость Днепра. Стены влажны, но мощи всех здесь почивающих святых и подвижников совершенно сухи, хотя даже облачения на них тлеют от влаги и требуют частой перемены.

Наконец, вышли на террасу, висящую над крутым берегом... Отсюда открылся такой прекрасный вид на мир Божий — на широкий Днепр, на заднепровские леса, на широкое синее небо, в грудь хлынул такой свежий и ароматный воздух, что стало сразу понятно, чем жертвовали отшельники, заключаясь в сырые и темные пещеры, и как труден был их подвиг. Но ради чего они это делали? Ради того, что неизреченно прекраснее всего видимого с этой террасы и существующего где-либо на земле: ради Царствия Небесного. *Да отверзется ми дверь Царствия Твоего, яко да вшед с веселящимися во свете лица Твоего, Господи, улучу и аз живот вечный во Христе Иисусе, Господе нашем...*

Курские паломники пробыли в Лавре три дня. Посетили все храмы, не раз спускались в пещеры и однажды исповедались там и приобщились на литургии Святых и Животворящих Христовых Таин. Прохор беседовал с иноками, настоятелями пещер, старцами и богомольцами, стремясь открыть волю Божию о себе... Один из лаврских иноков, видя такую его неотступную заботу, посоветовал ему пойти в принадлежащую к Киевской Лавре пустынь — Китаевскую, к старцу Досифею, затворнику, имеющему дар прозрения.

Пока собирался туда Похор, узнал и разные подробности об этой пустыни. Находилась она ниже Лавры по течению Днепра в девяти верстах и в одной от берега, в тесной долине среди гор. Это был скит, основанный святым благоверным князем Андреем Боголюбским в XII веке. Две каменные церкви, колокольня, братский корпус, деревянный дом начальника пустыни, свечной завод, огромное, похожее на сад, кладбище, где хоронила своих иноков Лавра. Здесь, близ кладбища, мирно доживали свой век престарелые немощные монахи.

На пути в Китаевскую пустынь — монастырские виноградники и пасеки. Затем Голосеевская пустынь, место отдыха митрополита Киевского и Галицкого. Вокруг нее древний лес с огромными дубами, яворами, кленами, липами, дикими яблонями и грушами. В каменистых холмах попадаются полуобвалившиеся пещеры, некогда ископанные иноками... Дорога идет в гору. Иногда с возвышенных мест в просвете

между деревьев вдруг открывается вид на Днепр и черниговские леса за ним...

Много рассказывали Прохору и его спутникам паломники, с которыми им приходилось делить ночлег и трапезу, о прозорливом старце Досифее, но глубоко скрыта была от всех тайна, обнаружившаяся после его кончины. Великий старец был на самом деле старицей, то есть женщиной, укрывавшейся от мира под мужской монашеской одеждой. Ее звали в мире Дарья. Она родилась в Рязани, в помещичьей семье, в 1721 году. В 1723 родители отвезли ее к бабушке, монахине Порфирии, подвизавшейся в московском Стародевичьем монастыре, находившемся в Кремле возле Спасских ворот, основанном в 1393 году вдовой великого князя Димитрия Донского Евдокией, в иночестве Евфросинией.

Откровица прожила здесь семь лет. Мать Порфирия растила ее в суровых условиях, приучила к аскетическому образу жизни, к послушанию, посту, рукоделию, сумела затеплить в ней с Божией помощью глубокую веру и любовь к молитве, воспитала ее милосердной. Потом бабушка приняла схиму, а Дарья возвратилась домой. Здесь она удивляла всех своими привычками — спала на доске, по средам и пятницам ничего не ела, а скоромной пищи и вообще никогда не принимала. Трудно ей было отстаивать перед родителями свой образ жизни и вскоре она ушла из дома. Было ей тогда пятнадцать лет. Она пришла в Москву и наведалась в Стародевичий монастырь. Здесь, в церкви, она увидела свою бабушку-схимницу, но не решилась открыться ей. Она купила мужское крестьянское платье, обрезала волосы в кружок и направилась в Троице-Сергиеву Лавру. Никто не подозревал, что она девица, так как она была высокого роста и с несколько грубоватыми чертами лица. Под именем крестьянина Досифея она стала послушницей в Лавре. Однако родители, искавшие ее, через три года появились в Лавре, опознали ее, и ей пришлось бежать оттуда.

В Киево-Печерской Лавре ее не приняли, и она решила стать отшельницей, теперь можно сказать — отшельником Досифеем. Вблизи Китаевской пустыни он вырыл себе в горе пещеру и стал вести самую суровую жизнь. Не зажигал никогда огня, не освещал своего жилья и ничего не варил. Монах, с которым он заранее договорился, изредка приносил ему хлеб, а пил он из ручья. Слава о нем разошлась по всему Киеву. В 1744 году его неожиданно посетила императрица Елизавета Петровна, отличавшаяся набожностью и любовью к монашеству.

— Давно ли спасаться стал, раб Божий? — спросила она.

— С тех пор, Государыня,— отвечал Досифей,— когда душа моя начала навыкать вниманию. С тех пор началась моя духовная жизнь.

Императрица призвала начальника Китаевской пустыни и приказала ему совершить пострижение, при котором сама присутствовала. Молодому подвижнику оставили его имя Досифей, но уже в честь преподобного Досифея Псковского.

В это время к нему уже ходил народ. Он не отворял двери своей пещеры, а через маленькое окошко в ней подавал советы, утешал, предсказывал. Когда, при императрице Екатерине, было запрещено отшельничество, монах Досифей переселился в Дальние пещеры, жил в сырой подземной келлии и исцелял болящих. Четыре года приходил к нему народ в таком количестве, что он изнемог и попросил митрополита Гавриила перевести его в Китаевскую пустынь, что и было исполнено.

Там его келейником и учеником был молодой монах Феофан. Этот келейник однажды попросил у старца благословения поехать во Святую Землю, но тот велел ему вместо этого ехать в молдавский Нямецкий монастырь к великому подвижнику схиархимандриту Паисию. Он некоторое время жил там, но отец Паисий сказал ему: «Иди в Россию и послужи твоему старцу, ему недолго осталось жить, а потом, по благословению его, иди спасаться туда, куда скажет он». Досифей послал Феофана в Соловецкий монастырь.

Прохор пришел к старцу Досифею за несколько дней до его кончины, то есть в конце сентября 1776 года. Взглянув на пришедшего через окошечко, затворник сказал:

— Гряди, чадо Божие, и пребуди в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение. С помощью Божией там окончишь ты и свое земное странствование. Святый Дух, сокровище всех благих, управит жизнь твою во святыне.

29 сентября старец Досифей скончался. Когда утром открыли его дверь, то увидели, что он стоит на коленях перед образом Успения Божией Матери и как будто

молится, но он уже почил. На столике лежала записка: «Тело мое приготовлено к погребению. Молю вас, братие, не касаясь, предайте его обычному погребению».

Когда это случилось, Прохор с товарищами был еще в Лавре. Горячо молился он об упокоении души старца, открывшего ему волю Божию о нем,— он знал теперь где, на каком спасительном месте, окончится и его жизнь, и, может быть, вот так же, среди молитвы, на коленях пред иконою Матери Божией...

Стал он, по милости Божией, и свидетелем пострижения в «малый образ» монашества, «еже есть мантия». Это происходило в Ближних пещерах. В полумраке (это было на литургии) белела длинная рубаха постригаемого, который, низко склонив голову, стоял неподпоясанный и босой. Вот монахи, прикрыв его своими мантиями, вводят его в храм, он падает ниц пред алтарем... С пронизывающей сердце грустью поется тропарь недели о блудном сыне: *Объятия отча отверзти ми потщися: блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее не презри сердце. Тебе бо, Господи, со умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою!*

Как жаждет Прохор быть на месте постригаемого!..

Вот трижды подает игумен будущему иноку ножницы... *Брат наш постригает власы главы своея в знамение отрицания мира и всех, яже в мире, и во отрезание своея воли и всех плотских похотей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа...* Братия протяжно поют: *Господи, помилуй!* — и вот игумен берет одну за другой части монашеской одежды: власяницу (*хитон вольной нищеты*), параман с изображением Креста Господня и орудий Его страданий (*Аз язвы Господа моего Иисуса Христа на теле моем ношу,* — возглашает игумен), далее надевает черную рясу (*ризу радования*, напоминающую о смерти и Страшном Суде), кожаный пояс *(в знак умерщвления тела и обновления духа)*, мантию *(ризу спасения, одежду нетления и чистоты)*, камилавку (*шлем спасения*), на которую набрасывает подкапок, тонкое черное покрывало *(во еже отвратити очи свои, еже не видети суеты)*, надевает сандалии (*во уготование благовествования мира, во еже скору ему быти на всякое послушание*). И, наконец, игумен дает в руки новопостриженному *вервицу* (четки) как *меч духовный... Господи, помилуй!* — протяжно поют монахи.

Уходя из Лавры, Прохор чувствовал себя монахом. Судьба его была решена Богом. Однако ему предстояло трудное испытание. Агафья Фатеевна упросила его не покидать ее в течение двух лет. Чувствуя, что это ее решение промыслительно, он остался, но совсем отошел от мирских дел, почти не бывал в лавке брата Алексея и удалялся от всяких бесед и собраний. В благоговейной неподвижности выстаивал он церковные службы, стараясь не пропустить ни одной; как и прежде, спал только четыре часа, посвящая большую часть ночи молитве.

Двое из его товарищей, ходивших с ним в Киев, также остались дома, собираясь по истечении двух лет — как бы испытательного срока — идти с Прохором в Саровскую пустынь. Иногда они приходили к Прохору за книгами, а то и читали с ним вместе. Книги прочитывались по нескольку раз, а многие места запоминали наизусть, особенно из книг великих учителей монашеских — из «Лествицы» преподобного Иоанна, игумена Синайского, «Душеполезных поучений» преподобного аввы Дорофея, «Бесед, посланий и слов» преподобного Макария Египетского. «Любя друг друга, для взаимного блага,— поучает преподобный Макарий, имея в виду монашеское братство,— не бойтесь ни смерти, ни другого какого наказания, но тем же путем, каким ходил среди нас Спаситель, и вы, идя к Нему, как бы в едином теле и единою душою, поспешайте к вышнему званию, любя Бога и друг друга, потому что любовь и страх Господень суть первое исполнение закона».

Монашеское житие, как говорится в «Лествице»,— «свет для всех человеков». «Уединенник», аскет, находится в духовном общении со всем миром и — наоборот — человек, живущий в мире и миром, часто бывает совершенно опустошен одиночеством. Спастись в миру трудно, однако и среди мирян бывали праведники и святые.

Этим последним обстоятельством должен был утешаться один из товарищей Прохора Алексей Меленин, родители которого скончались один за другим во время его паломничества в Киев. Пятеро братьев и три сестры остались на попечении Алексея, так как он был старшим. Ему теперь надо было жениться и продолжать торговое дело отца своего. Двое других това-

рицей уже ушли — в разные монастыри. И вот теперь, в начале ноября 1778 года, Прохор Машнин, Иван Безходарный и Иван Дружинин взяли увольнение от Курского городского общества, чтобы, несмотря на осень и уже начавшиеся дожди, пешими отправиться в Саровскую пустынь.

Прохор еще накануне простился со всеми родными. Потом молился всю ночь, зная, что не спит и молится и его мать, что также проводят эту ночь в бдении и молитве спутники его, два Ивана. Без числа положено было земных поклонов, вознесено сердечных молитв... Утром пал Прохор в ноги Агафье Фатеевне, и она благословила его большим медным крестом, который и дала ему в дорогу. Он приложился к иконам Спасителя и Богородицы, помолился вместе с матерью, и они присели в молчании. Сквозь утренние серые облака начало проблескивать небо... Еще не звонили к заутрене. На улице к Прохору присоединились его товарищи.

И они пошли не торопясь, в некотором отдалении друг от друга, неустанно повторяя молитву, с которой уже успели так сжиться, что она была им необходима, как воздух: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чем дальше на север, тем становилось холоднее. Ночью мороз сковывал пожухлую траву и грязь на дорогах. Днем шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер. Трое молодых паломников не задерживались на ночлегах, едва обогревшись, надевали котомки и отправлялись дальше. В городах и селах они заходили в храмы и молились там, не торопясь уходить. Много монастырей видели они на пути, входили в их святые врата, молились вместе с братией — тут бы и остаться, но нет,— их звала Саровская пустынь... Молились они и у часовен при дорогах. И ни одного шага не сделали они без молитвы: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* И холод их не студил, и сон не одолевал, и усталость не брала.

20 ноября, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, весь день шли будущие иноки по дороге, ведущей в город Темников, таким лесом, какого не случалось им видеть. Это было древнее краснолесье — огромные, иные в несколько обхватов, мачтовые сосны, смыкающиеся вершинами в сером осеннем небе. В иных местах они как бы расступались, и тут шумели не менее могучие дубы, а среди них тысячелетние старцы с дуплами, в которых можно устраивать монашеские келлии, как это и сделал преподобный Павел Обнорский, три года подвизавшийся в таком жилище в суровых вологодских лесах.

Широкая песчаная дорога изборождена выступающими из земли переплетениями корней. Тут жди любой встречи — с волком, медведем, а то и с разбойником... И все же, чем глубже входишь в этот лес, тем явственнее чувствуешь, что это прежде всего место иноков, молитвенников, убежище монахов.

И вот влево от большого Темниковского пути отходит проселок на Саров, на развилке стоит большое деревянное Распятие. Пешеходы с молитвой пали на землю, намоленную, пропитанную слезами паломников. Сколько будущих иноков Сарова оставляло здесь, у ног Господа нашего, свои последние помышления о мире...

Еще три версты пути в вековом бору, и вдруг в конце просеки открылось дивное зрелище — белая обитель с позлащенными куполами храмов, как бы вся вспыхнувшая радостью от вечерних лучей солнца, прорвавшихся в эту минуту сквозь темные, клубящиеся ненастьем облака. Раздался удар колокола. Путники перешли по шаткому длинному мосту речку и, поднявшись по крутому склону, вошли в Святые врата.

Двери величественного Успенского собора были отворены — братия спешила ко всенощному бдению. И Прохор с товарищами, прямо с дороги, попал не к игумену, а как бы к Самой Матери Божией — как бы Она Сама встречала его здесь, в обители, заповеданной ему старцем Досифеем. Праздник Введения — преимущественно иноческий, и он особенно радостен в монастырях. Сам игумен, отец Пахо-

мий, соборне совершал праздничное богослужение, которое длилось до часу ночи.

Многое здесь напомнило Прохору Киево-Печерскую Лавру — и самый вид собора Успения Пресвятыя Богородицы, и то, что один придел его был посвящен преподобным отцам киево-печерским Антонию и Феодосию, и торжественное, чинное течение службы, совершающейся со всею полнотой, а еще — пещеры, ископанные здесь, в монастырской земле, с подземным храмом во имя Всех святых Печерских, престол которого находится точно под престолом Успенского собора. Там, в подземных коридорах, есть и келлии для отшельников. И, конечно, святые мощи.

Глубокой ночью кончилось бдение. Тучи разошлись,и все небо усыпали звезды. Пять слепых послушников поднялись на колокольню — лучшие саровские звонари. Начался ночной праздничный звон, такой, какого нигде, кроме Сарова, не было. Чудесная, божественная гармония, начавшаяся с перебора маленьких колоколов. Потом вступили средние и большие — над лесом потекли густые, низкие тоны, и, наконец, звонари ударили *во вся*... Это была молитва, отзывавшаяся в сердце каждого монаха, молитва всего монастыря к Богородице. В половине второго ночи началась утреня, длившаяся три часа, а в пять — первая ранняя литургия. Причастников в этот день оказалось так много, что за первой последовали еще две обедни.

Утром, прямо из церкви, трое курян направились к строителю (так называлась здесь игуменская должность) иеромонаху Пахомию. Он принял их в своей келлии, которая поразила их — по контрасту с величественным монастырем и великолепным убранством храма — своей бедностью. Сам строитель, седеющий, невысокого роста монах лет сорока, голубоглазый, с благообразным и бледным лицом, принял их ласково, по-отечески. Он сам был родом из Курска, из семьи купеческой, и помнил отца и мать Прохора, которые бывали у них в доме. Разговор был недолгий. Прохор и его товарищи были приняты в монастырь на послушание. Прохор был назначен келейником казначея, старца Иосифа.

Старец Иосиф уже двадцать один год был казначеем (а до того двадцать лет ризничим) в Сарове. Монахи называли его «столпом благочестия» и «подпорой обители». По смерти строителя Ефрема его едва не избрали настоятелем, но он, по смирению и болезни, сумел отговориться от такой чести. Он действительно был стар и болен, хотя до сей поры не пропустил ни одной уставной службы.

Келейное послушание было легким, но недолгим. Вскоре Прохор переведен был в пекарню, потом в просфорню... Он был «будильником», то есть должен был вставать раньше всех и будить иноков, и столяром, к тому же весьма искусным, пел на клиросе, колол дрова и исполнял еще немало других работ.

По благословению старца Иосифа, кроме Иисусовой молитвы он читал еще правило Пахомия Великого, заповедавшего каждый час дня и ночи начинать молитвой, состоящей из следующих частей: Трисвятое (по Отче наш); Господи, помилуй (12); Слава и ныне; Приидте поклонимся... (трижды); псалом 50 (Помилуй мя, Боже...); Символ веры; Иисусова молитва (100); Достойно есть... и отпуст.

Так началась иноческая жизнь одного из величайших святых.

Обитель полюбилась ему с первых дней его жизни здесь. Несмотря на свою величественность, Саровский монастырь был подлинно пустынью. Если глядеть с высоты колокольни — ничего не увидишь, кроме моря качающихся верхушек сосен да двух-трех деревень вдалеке с их церквями... Узкая Саровка и Сатис, в который она впадает, опоясывают монастырь и бегут далее в Мокшу, в мордовские пределы. Обитель находится как бы на острове, приподнятом против окружающей местности. Удивительная, чуткая тишина кругом! Вскоре из рассказов иноков Прохор узнал подробности основания обители.

В конце XVII века на этом месте не было ничего, кроме возвышенного островка, поросшего лесом. Мимо шла дорога на Темников. Проезжие, приближаясь к этому острову, часто слышали колокольный звон и удивлялись, так как знали, что в этой глухомани нет ни храма, ни тем более монастыря. Звон, с приближением к острову, становился все явственнее, и ночью сквозь чащу леса пробивался свет... В древности в этих местах жила мордва. В конце века XIII сюда пришли татары и построили на месте нынешнего монастыря город Сараклыч, который просуществовал менее ста лет.

При благоверном князе Димитрии Иоановиче Донском татары были отсюда изгнаны, а город их разрушен. Очень скоро и следов не осталось здесь от не-

когда кипевшего суетой города. Только остатки рвов и валов, заросшие кустарником... Это место так и называется — Старое городище. Около 1664 года пришел сюда Феодосий, монах из Пензы. Поставив келлию у слияния Саровки и Сатиса, он подвизался здесь в посте и молитве около пяти лет. Затем лет десять жил здесь инок Арзамасского Спасского монастыря Герасим. Приходили к нему другие иноки, но не время еще было основаться здесь новой обители.

Основателем Саровской пустыни стал Исаакий, монах Арзамасского Введенского монастыря. В 1705 году, когда ему было двадцать пять лет, он получил от воеводы Даниила Кугушева, владельца земли, крепостной акт на участок под монастырь, а в следующем году ему даны были «отказная» и «благословенная» грамоты из Патриаршего приказа, и он приступил к построению храма, который был освящен 16 июня 1706 года в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». 7 июля на братском совете было постановлено: «В сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святей церкви Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, быть общежительному пребыванию монахов... И положихом, по свидетельству и преданию Святых Апостолов и Святых Отец, чин — устав общаго жития. И отныне нам зде всем живущим монахом и сущим по нас настоятелем и братиям держать и хранить безотложно, дондеже благоволением Божиим обитель сия будет стоять».

Господь послал благотворителей, которые помогали строительству храмов, келлий и разных служб и покупке земель и леса. В 1715 году настоятель Исаакий принял схиму с именем Иоанна. Попытка уйти в 1731 году на покой ему не удалась, так как Господь послал ему жесточайшее испытание,— он умер не в монастыре, а в Санкт-Петербурге, в тюрьме, в 1737 году. Он не был ни в чем виноват, но оказался замешанным в чужое дело. Оно было связано с неким монахом Иосией, который был принят в Саровскую пустынь в 1711 году по просьбе царевен Марии Алексеевны и Феодосии Алексеевны, сестер императора Петра. С 1716 года Иосия — казначей в обители. У него связи в Петербурге и Москве. Человек он своевольный,и настоятель ему не указ. Наконец в 1730 году настоятелю, иеросхимонаху Иоанну, удалось отстранить строптивого инока от должности казначея и тот с несколькими монахами покинул Саровскую обитель, осыпав своего противника угрозами и бранью.

В монастыре оставался один из близких к Иосии монахов — некто Георгий, который по неизвестным причинам не поехал с ним. Это был авантюрист. В 1720-е годы он бывал в Саровской пустыни. Потом оказался при дворе царевны Елизаветы Петровны. Через год-другой он вдруг исчезает. В монашеской одежде бродит по монастырям и просит пристанища, но его нигде не берут, так как у него нет свидетельства о пострижении. В 1728 году, в то время как настоятель был в отлучке, казначей отец Иосия принял Георгия в число братии Саровской пустыни и стал его духовником. Георгий открыл ему один свой страшный грех. Дело было в том, что в 1724 году он сильно заболел и, не надеясь вылечиться, обратился к колдуну, старому мельнику. Тот прежде всего потребовал от него отречься от Христа, что Георгий и исполнил, а потом, силою бесовской, излечил его от недуга. Опомнившись, Георгий стал усердно молиться, ходил пешком в Киево-Печерскую Лавру и, как он говорил, где-то в пути его постриг в монахи сельский пастырь. Письмо об отречении от Господа, написанное смесью угля и крови, грешник имел при себе. Иосия отпустил ему все грехи, а страшное письмо спрятал под алтарь соборного храма. Знал ли об этом письме настоятель отец Иоанн — неведомо. Но он поручал Георгию как образованному человеку переписку книг и разных бумаг. Среди прочего дал он ему переписать и запрещенное тогда сочинение архимандрита Маркела Родышевского «Возражения на объявление о монашестве». Архимандрит Маркел выступил в нем как противник церковной реформы Петра и особенно отмены патриаршества.

И вот казначей отец Иосия покидает Саров, его назначают настоятелем Берлюковской пустыни. А в 1733 году иеросхимонах Иоанн идет в Москву и в числе сопровождающих берет монаха Георгия. В одном из московских домов Георгий столкнулся с Иосией и что уж там у них получилось — неведомо, но они так сильно поссорились, что Георгий в присутствии многих людей произнес страшную тогда фразу: «Слово и дело!» Она неизбежно вела оговоренного к пыткам и допросам в Тайной канцелярии и к тяжкому тюремному содержанию. Иосия решил упре-

дить его и подал на него донос, обвинив его в безбожии, чародействе и открыв место, где хранилось его отреченное письмо. Тайная розыскных дел канцелярия немедленно начала следствие.

Все были арестованы — и Георгий, и Иосия, и иеромонах Иоанн с сопровождавшими его монахами. При обыске в монастыре нашли письмо Георгия, тетради сочинения архимандрита Маркела, манифест царевича Алексея Петровича и множество писем — все это было увезено для представления Святейшему Синоду. Следствие вел сам Владыка Феофан Прокопович, вице-президент Святейшего Синода. Ознакомившись с материалами, он сообщил императрице, что это «государственный заговор», «готовый и нарочитый факел к зажжению смуты, мятежа и бунта». В Сарове было арестовано и заковано в кандалы несколько монахов, в том числе иеромонах Ефрем, которого оговорил Георгий: он, Ефрем, будто бы вместе с другими монахами, считал святым юродивого Тимофея Архиповича, жившего при дворе царицы Прасковьи, матери Анны Иоанновны, и даже будто бы сочинил ему службу.

Приговор, вынесенный по этому делу 13 декабря 1738 года, был крайне жесток: Иосию бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать навечно на Камчатку. Георгия также — бить кнутом, вырезать ноздри и сослать в Охотский острог. Иеромонаха Ефрема — бить кнутом, лишить монашества и сослать «навечно» в Оренбургские шахты. Основатель же Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн еще в декабре 1737 года умер в тюрьме Тайной канцелярии и был похоронен невдалеке от нее, на кладбище церкви Преображения Господня.

Более чем сто лет спустя духовный писатель Андрей Муравьев побывал в Саровской пустыни и, узнав о судьбе ее основателя, решил найти его могилу. Ему указали ветхую деревянную церковь, в которой уже не служили, а могилы на кладбище найти не удалось. Он начал хлопотать о возведении здесь каменного храма, и в 1861 году, при закладке фундамента, найден был скелет узника с кандалами на ногах. Это был, без сомнения, иеросхимонах Иоанн. Останки его, вместе с кандалами, были помещены в раку и поставлены в новой церкви. Ныне они неизвестно где.

Еще в 1731 году первоначальник Саровской пустыни сложил с себя настоятельское звание и рекомендовал братии на свое место иеромонаха Дорофея, который был одним из первых насельников обители (он пришел сюда в 1705 году). Это был сильный духом, но слабый здоровьем монах. В 1714 году, предположив, что монахи нашли на месте татарского города клады, почему и строятся так быстро и основательно, разбойники напали на монастырь, били и пытали монахов, требуя отдать казну, а отца Дорофея после мучительных пыток бросили в огонь, но он чудом остался жив.

При отце Дорофее монастырь был еще более благоустроен, появились новые храмы, разные хозяйственные постройки, приведены в строгое соответствие с уставом церковная служба и весь быт насельников обители. Все монахи исполняли послушания — пахали, косили, плотничали, ловили рыбу, шили одежду, делали свечи. Настоятель, помимо своих многочисленных обязанностей, имел послушание плести лапти и делать четки. В 1745 году он принял схиму с именем Димитрий, а через два года последовала его мирная кончина.

После него был целый ряд настоятелей, кратковременно и не очень удачно правивших делами обители,— в ней начались нестроения, нарушился мир между монахами, и так шло до той поры, когда из далекой Орской крепости был возвращен в Саровскую пустынь иеромонах Ефрем. Это было в 1755 году, а через три года он стал настоятелем. Этот, шестой, настоятель был единомышленником покойного основателя обители, что сразу и весьма благотворно отразилось на ее жизни. На собрании всей братии в трапезной он сказал, что «не потерпит, чтобы устав основателя Саровской пустыни не словом только, но и примером всей жизни утвердившего заведенные им порядки, был бы разоряем от незаботливых, несведущих, непокорных людей. Кто не желает подчиниться требованиям общежитейского Саровского устава, пусть лучше изберет себе другой монастырь».

Старец Ефрем, будучи уставщиком, немало лет провел на клиросе. Долгое время хранились в монастыре писанные им ноты столпового пения — ирмологии, обиходы и стихиры праздничные, псалтирь с канонами и другое. К ближ-

ним, пишет его биограф иеромонах Авель, отец Ефрем «был весьма милостив и сострадателен. Во все время своего настоятельства бедным помогал в нуждах и наиболее изъявил сострадания к алчущим во время общего глада, бывшего в 1775 году. В это несчастное время многие питались древесною корою, смешивали с хлебом гнилое дерево и дубовые жёлуди, и старец, проникнутый чувством сострадания к бедствующим, приказал всех приходящих в обитель алчущих питать, что и продолжалось семь месяцев: ежедневно по нескольку сот, а иногда и по тысяче человек и более насыщались с довольством. А любовь к нищим в сердце милосердого Ефрема восходила до степени самоотвержения. Некоторые из братии начали было на него втайне роптать, опасаясь недостатка в хлебе для самих себя. Услышав ропот некоторых и опасение, как бы не оскудела обитель, старец созвал старейшую братию, предложил им настоящие всеобщие в народе нужды и с глубоким вздохом сказал: «Не знаю как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от глада. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами питали нас своими даяниями!» И приказал кормить народ по-прежнему, присовокупив, что в пище недостатка не будет. И действительно, спустя несколько дней, прибыл в обитель обоз с хлебом, возов около пятидесяти. По сказанию извозчиков, какой-то неизвестный нанял их и, нагрузив хлебом, заплатил за извоз и приказал отвезти в Саровскую пустынь».

В 1760-е — в начале 1770-х годов отец Ефрем имел братскую духовную переписку со святителем Тихоном, епископом Воронежским и Елецким. Сохранившиеся письма святителя Тихона Задонского свидетельствуют о теплом чувстве, какое питал этот великий святой к настоятелю Саровской обители.

Стараниями старца Ефрема построен был большой соборный храм во имя Успения Божией Матери — первый, в который и вошли при своем появлении в Сарове курские паломники, будущие саровские иноки, а с ними и Прохор... Возле этого храма, с левой от входа стороны, находилось надгробие иеромонаха Ефрема. А в архиерейских покоях был портрет его с надписью: «Не Сирин ты, но русский ты Ефрем, Саровской пустыни броня еси и шлем!»

В этой тихой, безмолвной обители застал Прохор и других великих молитвенников. Был здесь иеромонах Питирим, ктитор нового соборного храма, бывший курский купец, хорошо помнивший отца Прохора. Это был столь благоговейный подвижник, что на нем явно почило благословение Господне. Однажды он шел к заутрене и вдруг увидел в небе среди облаков необыкновенно яркий свет и в нем благословляющую десницу... Другой земляк Прохора — иеромонах Иоаким, человек, начитанный в отеческих писаниях, библиотекарь Саровской пустыни, кроткий и молчаливый, но имевший благодатный дар речи для просвещения и назидания новоначальных иноков. Он беседовал и с Прохором и удивлялся, что этот новоначальный мало в чем уступает ему по ве́дению духовной книжности.

В среде братии саровской были монахи, наставлявшие новоначальных примером своей жизни, из них первый — иеромонах Исаия, в недалеком будущем сначала казначей обители, а потом и настоятель, ради которого — для монашеской жизни рядом с ним — в Саровскую пустынь пришли несколько иноков из других монастырей. Постник он великий был, молитвенник и молчальник. «Молчаливый бо человек,— говорил он,— и бесам страшен есть, понеже не ведают бесове у совершенных сердечные тайны, аще устнами молчат; любяй же многословие не убежит греха».

Второй такого же рода инок был иеромонах Назарий, с 1782 по 1804 год бывший игуменом Валаамского монастыря, устроивший там общежительное, скитское и пустынное жития и возведший множество храмов и различных зданий. Он потому и вызван был из Сарова на поднятие Валаама, что многим известны были его духовные дарования. Он был замечательным наставником для своих духовных чад. Речь его была образной, точной, близкой к народному складу. Поучал он не прямо, а как бы рассказывая о бывшем с ним самим. «Я три года не знал скорби,— вспоминал он однажды свои первые монашеские годы,— и столь навык посту, неизглаголанному удручению плоти, что думал — в том вся добродетель. Как пришли ко мне три сестрицы — уныние, скука, печаль, тут-то познал — и не знал, как угостить их! Стал, изнемог... потом научился, говоря: гостьи мои до-

рогие! милости прошу, пожалуйте, я вас угощу: вот зажгу свечку, помолимся, поплачем, попоем,— и как завопию: «Боже, милостив буди мне грешному! Создавый мя, Господи, помилуй! Без числа согреших, Господи, прости мя! Како воззрю к Твоей благости? Кое начало положу исповедания? Владычица Богородица! помяни раба Твоего!» Гостьи мои бегом, а я говорю: «Матушки, погостите!» — Нет, уже не догонишь... Когда придет вам горячий дух молиться много, то не много молитесь и четки от себя положите. А когда леность: тогда-то подлинно до поту молиться полезно».

Бывали дни, когда вот такие «гостьи» досаждали и послушнику Прохору, и он «угощал» их по примеру отца Назария и, наконец, и совсем избавился от них. Игумен Назарий, вернувшись с Валаама, построил себе келлию на речке Саровке, в лесу, и вел там безмолвную пустынническую жизнь. Ночами он ходил по лесу, читая на память молитвословие двенадцати псалмов. Днем принимал людей, приходивших к нему, больше всего — монахов и монахинь. Он был духовником нескольких, основанных при его участии, женских обителей в Нижегородской и Тамбовской епархиях.

Послушник Прохор все делал на совесть, но больше всего любил клирос и столярку. В расписании смен для неусыпаемого пения только к нему приложено прозвание по роду деятельности, он назван здесь «Прохором—столяром». Позднее, в конце 1820-х годов, отец Серафим рассказывал: «Бывало как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и унынье нападает на них и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют, ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо и в храме Божием не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был,— вовсе не грешно». А столярное дело ему давно было знакомо. И вот он пилит, тешет топориком, строгает рубанком и долбит разными долотами — делает кресты для могил, гробы, столики и аналои, а еще резал искусно кипарисовые крестики для благословения от обители паломникам. Топорик всю жизнь будет при отце Серафиме — им он работал все — и гроб себе, и дрова для топки... В Ардатовском женском монастыре хранилось большое Распятие работы отца Серафима — с предстоящими Богородицей и святой Марией Магдалиной. А для больничной церкви в Саровской пустыни, которая сооружена будет позднее, отец Серафим сделает великолепный кипарисовый престол. В этой церкви от ее построения и до конца своей жизни он будет причащаться Святых Христовых Таин.

...Уже два года прошло со дня прихода Прохора в Саровскую пустынь. Все ему стало здесь родным, за исключением одной странности — солдат с пушками... Дело в том, что в лесах вокруг монастыря появилось несколько разбойничьих шаек. Они уже стали требовать денег от настоятеля, угрожая поджогом... Старец Пахомий обратился к Владыке, епископу Иерониму, с просьбой обеспечить обитель охраной. Тот снесся с военным губернатором и вскоре в пустынь прибыла артиллерийская команда — унтер-офицер и шесть солдат при шести шестифунтовых пушках, весьма небольших, но производивших страшный грохот при пальбе. Каждое утро, на рассвете, и вечером, на закате солнца, артиллеристы давали несколько холостых залпов, наполняя монастырь и окрестность удушливым дымом, распугивая птиц и зверей и, как думалось им, и разбойников... Эта команда простояла в монастыре семнадцать лет. Уходя, они получили по семнадцать рублей наградных — по рублю за год.

...Никто не мог предположить, что молодой, полный сил, рослый послушник вдруг так тяжело занеможет,— Прохор слег в болезни. Тело его распухло, он перестал выходить из келлии, а вскоре и вставать со своего жесткого ложа. Через некоторое время он был перенесен в одну из больничных келлий. Братия решили, что у него «водяная». Ничего у Прохора не оставалось, кроме молитвы. Он и молился постоянно, как бы ни было ему тяжко. День и ночь ухаживал за ним его наставник старец Иосиф. Часто приходили к нему игумен Пахомий и иеромонах Исаия. Как он ни откроет глаза — все они перед ним... Сколько же у них было участия, братской любви к простому послушнику, на выздоровление которого уже трудно было и надеяться.

Шел третий год болезни, но на предложение позвать все-таки доктора, он ответил отказом. «Я предал себя истинному врачу душ и телес, Господу нашему

Иисусу Христу и Пречистой Его Матери»,— не однажды он говорил это и каждый раз прибавлял: «Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством»,— он имел в виду причастие Святых Христовых Таин.

Вот так однажды иеромонах Иосиф отслужил о здравии болящего всенощную, а потом и литургию, и преподал Прохору в келлии, исповедав его, Святое Причастие. Больной возблагодарил Господа, долго молился со слезами на глазах, а потом впал в забытье. Он не уснул, а находился в том состоянии, которое иноки называют «тонким сном».

На столике горела свеча, лежали крест (благословение матери) и Евангелие, у стены стояла икона Божией Матери. В углу на стене тонула в полумраке икона Спаса Нерукотворенного... Пахло ладаном, и была великая тишина. Одними губами шептал Прохор Иисусову молитву, ум его был устремлен к Богу. Он готов был терпеть, и с благодарностью, все, что ни пошлет ему Господь.

Прокатились и умолкли вдалеке гулкие хлопки пушечных выстрелов, закричали вспугнутые стаи галок... Часы на колокольне прозвонили мелодию «Кто тебя избежит, смертный час...» Прохор почувствовал вдруг необыкновенное волнение, открыл глаза и увидел, что в келлии все ярче и ярче разгорается свет... Он приподнялся на локтях и услышал возглас: «Пречистая грядет!» Он осенил себя крестным знамением, хотел встать, но не смог. Возле его постели в ярком свете, который исходил от них, стояли Богородица с жезлом в левой руке, а с нею святые апостолы Петр и Иоанн.

Матерь Божия, обратясь к Иоанну Богослову, указала перстом на болящего Прохора и сказала: «Этот нашего рода!» Затем положила правую руку на лоб страдальца, а жезлом коснулась его бедра. Там сразу же образовалось как бы небольшое отверстие, через которое и стала вытекать из его тела «вода». Прохор уснул. А после вечернего правила пришел к нему старец Иосиф и стал убирать эту воду, ничего не зная о том, что здесь произошло. Прохор же, очнувшись, ничего не сказал ему и никому ничего не открыл, и только много лет спустя рассказал одной монахине об этом явлении ему Пречистой Девы, о том, как Она исцелила его и взяла под Свой покров. Через несколько дней он встал с постели. К нему вернулись прежние силы, а о годах страданий ему напоминала только ямка на бедре, след жезла Пресвятой Богородицы. Да и эти страдания он вспоминал с радостью, и готов был еще на гораздо большие... «Этот нашего рода!»

В 1784 году игумен Пахомий среди других работ решил перестроить корпус больничных келлий и перенести сюда больничную церковь. Новый храм задуман был двухэтажным, с престолами: внизу — во имя святых Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, вверху — во славу Преображения Господня. Был заказан план петербургскому архитектору Бланку. Но средств не хватало, и старец Иосиф предложил своему духовному сыну Прохору новое послушание — сборщика денег на построение храма. Прохор, уже совсем выздоровевший, принял это поручение радостно, ведь это будет храм на месте явления Самой Богородицы, храм для тех страдальцев ради Христа, которые, как и он, будут лежать в больничных келлиях.

Сначала обошел он ближние города — Арзамас, Лукоянов, Темников, Ардатов, Кадом, а потом отправился в Орел и Курск. С Божией помощью сбор шел хорошо, и Прохор несколько раз возвращался в Саров с большими суммами денег. Все лето 1784 года он провел в этих странствиях. Весной видел как сеяли, а осенью как убирали крестьяне хлеб. Давали ему «на церковное строение» и полушки, и кредитки в сто рублей... Черными, не гнущимися от работы пальцами, и белыми, от заграничного душистого мыла... Всем кланялся в пояс рослый, загоревший на солнце инок, благодарил, широко крестясь.

В Курске Прохор посетил родной дом, повидался с матерью Агафьей Фатеевной (она доживет до февраля 1800 года) и с братом Алексеем. Они вместе несколько дней ходили в церковь. Алексей с изумлением заметил, что брат его предсказывает разные важные вещи, и спросил его — неужели ты уже и пророком стал? Прохор ответил, что он не пророк, но нечто из будущего Господь ему открывает. Алексей тогда сказал: вот у меня второй месяц болит грудь, не умру ли я вскоре? — Нет,— отвечал Прохор,— когда я умру, и твоя кончина вскоре последует. Алексей пристально посмотрел на него и почувствовал, что это правда.

Когда Прохор собрался уходить, Алексей принес и подал ему довольно тяжелую коробку.

— Прими во славу Божию,— сказал он,— на храм.

В коробке оказалось столько золотых рублей, что их одних хватило бы на постройку церкви... Таким образом сбор был окончен. Прохор, простившись с родными, отправился в Саровскую пустынь.

В Муроме нашелся ему попутчик, инок из Спасского монастыря, иеромонах Антоний. Они пошли пешком. Но им зачем-то понадобилось сначала идти в Нижний, и они пошли берегом Оки. Шли они в некотором отдалении друг от друга и молились. Ночевали там, где заставала их ночь,— в стогах сена, в бедных деревенских избушках. Пройдя село Давыдово, они углубились в лес — там шумели густой листвой дубы, струились свежей зеленью мелкие листочки берез, зайцы перебегали путь, а над головой в синем небе тянулись облака. Увидев несколько пней, еще свежих по срезу, иноки присели отдохнуть. Много позднее отец Серафим рассказывал, что, сидя на пне, увидел он сходящую с неба икону Богоматери «Утоли моя печали» — икона встала на одном из пней, Прохор вскочил и положил земной поклон. Когда он поднялся, иконы уже не было. «Это место святое,— подумал он,— его возлюбила Царица Небесная».

Он срубил два молодых дубка, заострил конец одного из них, а другой подал отцу Антонию:

— Утверди, отче, этот крест!

Иеромонах Антоний связал обе части, потом Прохор выкопал ямку и поставил в нее крест. И они оба, поклоняясь этому кресту, стали петь тропарь: *Спаси, Господи, люди Твоя*... Три раза пропели.

— Вот здесь, отче,— сказал охваченный духовным восторгом Прохор,— на этом самом месте, будет соборный храм!

Отец Антоний с удивлением слушал его.

— Здесь, отче, будет женский монастырь,— продолжал Прохор,— основанный девицей. Она будет людям на посмеяние, а Царице Небесной на прославление. А храм назовется во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

В это время в лесу находился крестьянский отрок, искавший где бы срубить березовую оглоблю поровнее,— он зашел сюда в поисках нужного дерева с проселка, где оставил лошадь с телегой,— в пути у него переломилась одна из оглобель. Услышав из-за густого кустарника голоса иноков, он затаился. И вдруг услышал, что один из них зовет его по имени:

— Петр! Петр! Подойди сюда.

Пораженный тем, что незнакомый инок знает его, и, не видя, угадал его присутствие, отрок вышел из-за кустов. Обратившись к нему, Прохор сказал:

— Здесь будет монастырь, Петр! Это будет нескоро, меня уже не будет на свете, а ты доживешь до того времени, когда обитель будет устроена и когда главный храм ее будет освящен.

Так впоследствии все и было. Явился монастырь женский, а в нем храм во имя чудотворной иконы и придел в честь Воздвижения Креста Господня.

...По возвращении в Саров Прохор снова взялся за столярное дело и, по благословению своего старца, начал с постом и молитвой, с многими поклонами и покаянием делать из кипарисового дерева престол для нового больничного храма.

21 мая 1785 года скончался духовный отец Прохора старец Иосиф, казначей обители, передав своего подопечного для духовного окормления старцу Исаии.

Летом 1786 года игумен Пахомий, хотя в его обители и не было места для нового монаха, решил постричь послушника Прохора — пришло время тому, явны были успехи его в жизни иноческой. Было в епархии, у Преосвященного Виктора, испрошено для Прохора место в Николаевом монастыре г. Гороховца, временно, до открытия вакансии в Саровском. 13 августа Прохор принял постриг и наречен был Серафимом. Неясно, то ли в честь небесных Серафимов, то ли — священномученика Серафима, епископа Фанариотского (память 4 декабря). Восприемными отцами при этом были иеромонахи отец Иосиф и отец Исаия. А 27 октября того же года он по ходатайству отца Пахомия был хиротонисан во иеродиакона Преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским (Саровская пустынь в это время относилась к Владимирской

епархии). «Блаженной памяти отцы наши строитель Пахомий и казначей Иосиф,— вспоминал позднее преподобный Серафим,— мужи святые, любили меня как свои души. И ничего ими от меня не потаено; и о том, что им было для своей души и для меня полезно, пеклися». Оставлены были все прочие послушания, отец Серафим все свое время стал посвящать храму и келейной молитве.

Один из первых жизнеописателей преподобного Серафима Николай Васильевич Елагин писал, что «теперь, кроме подвигов иночествования, отцу Серафиму прибавились новые труды по званию иеродиакона... Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона, он, храня чистоту души и тела, в течение шести лет и десяти месяцев почти беспрерывно находился в служении по обязанности иеродиакона. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок священную утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь Бог, видя его благую ревность и усердие к подвигам, даровал отцу Серафиму силу и крепость, так что он почти не чувствовал трудов, не нуждался после них в слишком продолжительном отдыхе, был крепок здоровьем, часто забывал о пище, питье и, отходя с пути подвигов для отдыха, жалел, зачем человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу. Строитель Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к отцу Серафиму. Без него старец не совершал почти ни одной службы».

Подлинно избранником Божиим был отец Серафим. Уже много лет, задолго до пострижения в монахи, трудился он в доброделании и вот, уже при первых своих шагах на иноческом пути, достиг немалого духовного совершенства, удостоился благодатных даров. Многие уже заметили в нем дар прозрения будущего, удивлялись необыкновенной его выносливости при строжайшем посте. Но он, уже при первых своих служениях в храме, сподобился и духовных видений — видел ангелов в златотканых одеждах, которые пели вместе с братиею и сослужили вместе с ним в алтаре.

Так бывало при каждой литургии, и это наполняло душу отца Серафима великой радостью, он как бы не помнил себя и не замечал времени, служа Богу вместе с небесными посланцами.

Господь видел крепость его души и надежность наставника его — отца Пахомия, который не даст иеродиакону Серафиму, получившему великие небесные дары, возомнить о себе. И вот однажды Он Сам явился ему в сонме ангелов. А как это было — впоследствии сам отец Серафим с просьбой соблюсти это в тайне рассказал одному саровскому иноку: «Случилось мне служить с отцом Пахомием и казначеем Иосифом во Св. Великий Четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни и как обыкновенно — вечернею. После малого входа и паремии возгласил я, убогий, в Царских вратах *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны* и, вошедши в Царские врата, навел на предстоящих орарём и окончил: *...и во веки веков*. Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа — во образе Сына Человеческого во славе, сияющего светлее солнца неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигше Свои руки, благословил служащих и предстоящих. Затем Он вступил в местный образ Свой, что близ Царских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

Словно окованный, застыл отец Серафим у Царских врат, не в силах пошевельнуться. Лицо его то бледнело, то покрывалось румянцем. Предстоящие недоумевали, что это с иеродиаконом,— ведь никто не видел того, что Господь дал узреть ему. Игумен Пахомий выслал на амвон другого иеродиакона, а отца Серафима под руку отвел в алтарь, стал задавать ему вопросы, но тот не отвечал. И так два часа простоял он в алтаре, созерцая в душе Божественное видение, не замечая никого вокруг себя. То, что он видел, происходит в каждом православном храме на каждой литургии, когда священник творит молитву *входа: Владыко Господи Боже наш, уставивый на небесех чины и воинства ангел и архангел в слу-*

жение Твоея славы, сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти сослужащих нам и сославословящих Твою благость.

Придя, наконец, в себя, отец Серафим рассказал старцам о том, что видел, и они назначили ему несколько дней полного молчания, боясь, как бы не впал он от такого к нему Господня благоволения в гордость, не счел себя святым и совершенным. Но этого не случилось с иеродиаконом Серафимом, не переставшим считать себя «убогим» и грешным.

Почти ни одной литургии не совершил старец Пахомий без иеродиакона Серафима. А в июне 1789 года он взял отца Серафима с собой в недальнюю поездку, в село Леметь Нижегородского уезда, в котором скончался помещик Соловцов, много благотворивший Саровской пустыни. Ехали через Дивеево, где навестили матушку Александру, основательницу женской обители.

Старица Александра, в миру Агафия Семеновна Мельгунова, была вдова полковника, богатая помещица, имевшая владения в Ярославской, Владимирской и Рязанской губерниях и семисот душ крестьян. Постриг она приняла в Киеве во Фроловском женском монастыре, куда прибыла с маленькой дочерью. Она много молилась и однажды ночью явилась ей Пресвятая Владычица и повелела идти в место, которое Она ей укажет. «И будет место,— сказала Она,— где я укажу тебе окончить богоугодную жизнь твою и прославлю имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я осную великую обитель Мою».

Мать Александра поведала о бывшем ей видении старцам Киево-Печерской Лавры, те признали видение истинным. Выйдя из Киева, много она странствовала, а когда шла из Мурома в Саровскую пустынь, остановилась отдохнуть в селе Дивееве на лужке возле небольшого деревянного храма. Здесь, на куче бревен, она задремала, и во сне явилась ей во второй раз Богородица. «Вот то место,— сказала Она,— которое Я повелела тебе искать... Живи здесь и угождай Господу Богу до конца дней твоих. И Я всегда буду с тобою и всегда буду посещать место это... Я осную здесь обитель, четвертый жребий Мой во вселенной».

Посоветовавшись с саровскими старцами, мать Александра поселилась в Дивееве, но не в нем самом, а в деревеньке Осиновке близ него, во флигельке за садом князей Шахаевых. Через три года здесь скончалась ее дочь. Тогда, по совету саровских старцев, она поехала в свои имения и все продала, а бóльшую часть из этих средств внесла на строительство церквей, которых построила двенадцать в разных местах, кроме того обеспечила много вдов, сирот и бедных.

Вернувшись в Дивеево, мать Александра поселилась на усадьбе местного священника отца Василия Дертева, построив себе скромную келлию. Вскоре она начала строить в селе каменный храм во имя Казанской иконы Божией Матери с двумя приделами — в честь Святителя Николая Чудотворца и первомученика архидиакона Стефана. Поначалу она не знала, кому посвятить второй придел. Однажды она всю ночь молилась в своей келлии, вдруг раздался стук в окно и чей-то голос произнес: «Да будет престол сей первомученика архидиакона Стефана!» Мать Александра бросилась к окну, думая, может кто из старцев пришел. Но там никого не оказалось, а на подоконнике стояла икона первомученика Стефана...

Мать Александра ездила в Москву за утварью для храма, заказывала иконописцам иконы. Жизнь она вела самую скромную. Эта богатая некогда помещица чистила у отца Василия хлев, стирала белье, а в страду она выходила в поле жать хлеб на полосах одиноких или слабосильных крестьян. Бывало, крестьяне, уходя в поле, оставляли ей на весь день малолетних детей. Она носила крестьянскую одежду и обувалась в лапти. Постель ее была покрыта грубым войлоком, а в головах у нее лежал камень, покрытый холстинкой, чтобы не видно было, что это камень. Господь наградил ее даром духовного, учительного слова, она обращалась с поучениями и к крестьянам, и к купцам. Даже помещики и военные приезжали к ней за наставлениями. Весьма почитало ее и духовенство, так как она до тонкости знала и Священное Писание, и службы, и все, касающееся церковной жизни и церковных законов.

Незадолго до своей кончины мать Александра решила исполнить, наконец, повеление Богоматери и положить начало женской монашеской общине. Одна из дивеевских помещиц пожертвовала для будущей общины полдесятины земли. На этом небольшом участке мать Александра поставила три келлии и огороди-

ла их забором. В одной келлии жила она сама, в другой поселила трех послушниц, пожелавших жить под ее духовным руководством, а третья была отведена под гостиницу, где могли останавливаться идущие в Саровскую пустынь странники. Мать Александра с послушницами жила по суровому Саровскому уставу. В свободные часы они занимались рукоделием, делая разные вещи для саровской братии,— шили, вязали... А те присылали им все нужное для жизни.

Старцы Пахомий и Исаия и прибывший с ними иеродиакон Серафим застали матушку Александру в болезни. Господь открыл ей ее скорую кончину, и она готовилась к ней, уже не имея сил сойти с одра. Послушницы, преисполненные великой печали, не отходили от нее. Страшно им было оставаться сиротами... Келлия матушки Александры была весьма убогой — она находилась, наподобие землянки, наполовину в земле, так что снаружи в нее надо было спускаться по ступенькам, как в погреб. Окошечки были маленькие и у самой земли. Внутри келлия была разделена на две половины — приемную и жилую комнаты. В первой стояли стол, скамья, были образа в углу и неугасимая лампада, на подоконнике — небольшая, на куске дерева написанная, икона архидиакона Стефана (на этом именно месте она и явилась). Вторая комната была поменьше. Здесь было ложе старицы, много икон и лампада. Отсюда вела небольшая дверка в крохотный темный чулан, где мог поместиться только один человек. Здесь ничего не было, кроме Распятия в углу и неугасимой лампады. Этот чулан и был местом молитвенных подвигов старицы, основательницы Дивеевской обители, четвертого удела Божией Матери.

...Старица попросила приехавших монахов особоровать ее. Отец Пахомий предложил сделать это на их обратном пути. Но она сказала, что они не застанут ее в живых. И они совершили соборование. Затем она передала отцу Пахомию все оставшиеся у нее средства, заключавшиеся в четырех мешочках. В одном были золотые монеты, в другом серебряные, в двух остальных — медные. Всего сорок тысяч рублей. Она со слезами молила отца Пахомия выдавать дивеевским послушницам из этих средств столько, сколько нужно на храм и на жизнь, и чтобы он не оставлял своими заботами обитель, которую основала сама Пречистая Дева, Матерь Божия. Однако, старец Пахомий, не отказываясь послужить Царице Небесной здесь, с грустью сказал, что и он стар, и не надеется надолго пережить матушку Александру. «А вот,— указал он на иеродиакона,— отец Серафим, в молодых летах удостоившийся великих даров от Господа, достойно управит эту святую обитель, ибо Матерь Божия с детских лет явно к нему благоволит». После этого старица обратилась к отцу Серафиму, прося его принять на себя эти труды, и отец Серафим согласился.

Обещая скоро вернуться, саровские монахи уехали в село Леметь. Старица же Александра спустя несколько дней, 13 июня, скончалась. Исповедал и причастил ее, вероятно, дивеевский священник отец Василий Дертев. Можно догадываться (есть смутные на то указания жизнеописателей матушки Александры), что она перед кончиной приняла *великий ангельский образ*, то есть схиму, с оставлением прежнего имени Александры. Кто постригал ее в схиму, неизвестно, может, это было и до приезда старца Пахомия, так как она не просила его о пострижении, а кого же, как не его, было просить.

Умирая, старица Александра просила послушниц положить ей на грудь Казанский образ Божией Матери. Скончалась она в самую полночь. А на другой день вернулся из села Леметь отец Пахомий со спутниками. Они отслужили в храме литургию, совершили отпевание старицы и похоронили ее против алтаря.

Дивеевская обитель отошла в попечение иеродиакона Серафима. Он знал, что это есть воля Царицы Небесной. Тогда же он заповедал себе не бывать здесь, начиная прямо с этого часа. Он всегда будет здесь духом, все дивеевское до мелочей будет видимо ему. И когда небо вдруг заволокло тучами, повеяло холодом и полил дождь, когда старцы были приглашены к поминальной трапезе в келлии матушки Александры, отец Серафим, взяв благословение у отца Пахомия и не оставшись трапезовать, отправился в Саров пешком. Двенадцать верст трепал его ветер и жестоко сек ливень, но он этого словно не чувствовал. Он думал о дивеевских сиротах, провидя все их множество в будущем, все их радости и беды и смуту великую, которая потрясет — великое искушение! — *женскую Лавру*... Он шел и молился дивеевской игуменье — Матери Божией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошло несколько лет. Саровская пустынь была переведена из Владимирской епархии в ведение Тамбовской. Летом 1793 года отец Пахомий обратился к епископу Феофилу с ходатайством о рукоположении в сан иеромонаха иеродиакона Серафима. 2 сентября того же года это событие совершилось в Тамбове. В течение всего следующего года иеромонах Серафим ежедневно служил и причащался Святых и Животворящих Христовых Таин. При этом он вкушал немного пищи только один раз в день, а по средам и пятницам и вовсе не ел ничего. Кроме того, он не избегал никаких послушаний, никогда не ложился на постель, и те немногие часы, которые он ночью отводил сну, он спал сидя на полу, привалившись спиной к стене, в сенцах келлии на куче дров или еще как-нибудь. Архиепископ Вениамин (Федченков) в своем жизнеописании преподобного Серафима («Всемирный светильник»), рассказывая об этих первоначальных подвигах будущего святого, замечает: «Да, не просто люди становятся святыми... Даже говорить о них трудно и стыдно нам, грешным. А подражать им ни сил не хватит, ни даже вполне представить их подвигов немыслимо. Это — особые люди... Это — великаны небесные. Гиганты духа. Эти — не нашего роду, земного, грешного, немощного» (вспомним слова Богородицы об отце Серафиме: «Этот нашего рода!»).

По благословению отца Пахомия отец Серафим нередко проводил ночи в домике, построенном для него в шести верстах от монастыря, на берегу Саровки, «на восход зимнего солнца». В том же лесу подвизался монах Мефодий (в будущем схимник Марк), великий подвижник духа, принявший на себя еще до отшельничества подвиг юродства. Он жил как древние египетские монахи, не имея жилища, проводя ночи на земле, в пещерах, своими руками устроенных шалашах, непрестанно молясь и пребывая в крайней нищете. Он был необыкновенно молчалив, а если начинал говорить, то речь его была так странна — односложна и отрывиста, что никто не мог его понять. Но со временем братия стали замечать в нем дар прозорливости, а отрывистые слова оказывались точными предсказаниями. На нем всегда была ветхая, покрытая многочисленными заплатами («многошвенная») одежда, воду себе он набирал в кувшин, сделанный из высушенной тыквы. Вместо Иисусовой молитвы он постоянно повторял молитву святого Иоанникия: «Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый: Троице Святая, слава Тебе!» Или пел: *Воскресение Христово видевше*... Встречаясь в лесу, отцы Серафим и Мефодий низко кланялись друг другу и расходились каждый в свою сторону. Глядя на монаха Мефодия, смирялся отец Серафим, считая себя как бы нерадивым и ленивым монахом, чуждым всяких подвигов...

Между тем Господь вел отца Серафима именно к отшельническим подвигам. Когда пришло время, Он послал ему болезнь: у него от долгого стояния на службе в храме стали отекать ноги. Отец Серафим, не обращая на это внимания, продолжал ежедневное совершение литургии, но вскоре ноги его покрылись язвами, и он удален был от служения и других послушаний. Однако вместо больничного корпуса он стал проситься у настоятеля в свою пустыньку в лесу. Таким путем Господь вел отца Серафима к еще большим трудам, чем в монастырских храмах, но, чтобы не дать помыслу тщеславия хотя бы в малой степени подточить его душу, прикрыл начало подвига немощью, а потом дал отцу Серафиму нужные силы.

Была осень 1794 года. Старец Пахомий не покидал своей келлии, ему становилось все хуже, и вот он, не надеясь на выздоровление, стал готовиться к часу, который помнил всегда во всю свою монашескую жизнь, — к исходу души из тела. Иеромонах Серафим постоянно сидел возле него, со слезами вспоминая время, когда вот так же, во время его трехлетней болезни, настоятель не отходил от его ложа... Старец Пахомий был спокоен, постоянно молился, но вот однажды отец Серафим заметил, что он как будто чем-то опечален.

— Скажи мне, отче,— спросил отец Серафим,— о чем ты скорбишь?

Тот посмотрел на него и сказал:

— Не о себе, чадо! О сиротах дивеевских скорблю, станет ли кто так о них заботиться, как я.

Это он сказал как бы испытывая отца Серафима, так как помнил, что некогда в Дивееве, при умирающей матери Александре, иеродиакон Серафим взял уже на себя эту заботу. Но отец Пахомий, пока был в силах, не оставлял своих забот о дивеевских сиротах. И вот пришло время сменить отца Пахомия...

— Не беспокойся, отче,— отвечал отец Серафим,— у них не будет недостатка ни в чем, я буду назирать их так же тщательно, как ты.

— Ну, слава Богу! — радостно воскликнул угасающий старец.

Через несколько дней, 6 ноября 1794 года, он отошел ко Господу, простившись со всей братией и наказав им хранить мир между собою. Настоятельство он передал казначею отцу Исаии. Ему же наказал он беспрепятственно отпустить иеромонаха Серафима в пустыньку на отшельническое безмолвное житие.

Отец Исаия выдал иеромонаху Серафиму бумагу («билет»), в которой сказано было, что «объявитель сего Саровской пустыни иеромонах Серафим уволен для пребывания в пустыни в своей даче, по неспособности его в обществе, за болезнию и по усердию, после многолетнего искушения в той обители и в пустыню уволен единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отец положениям, и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте, и оное утверждаю — строитель иеромонах Исаия. 1794, ноября 20. Для верности печать прилагаю при сем». Шестнадцать лет тому назад и также 20 ноября отец Серафим прибыл в Саров... Теперь ему тридцать пять лет — преполовение жизни.

Уже снег припорошил землю, Саровка покрылась льдом. Тропа в пустыньку шла берегом под навесом тяжелой сосновой хвои — длинные ветви гигантских сосен образовывали над тропой как бы свод. Тишина и свежий морозный воздух... Версты через две тропа пошла в гору, немного влево от реки, мимо огромного гранитного камня (выше человеческого роста), почти скалы, неизвестно как попавшей сюда, в глухую чащу. Еще верста — и вот она, пустынька, выстроенная для отца Серафима покойным старцем Пахомием. Ладно сложенная и тщательно проконопаченная мхом избушка, крылечко, сенцы, окно со ставенками, огород — и все это окружено плотно подогнанным тыном. Избушка уже обжита отцом Серафимом, но теперь она для него не только место уединенных ночных молений, а постоянное жилье, его монашеская келлия, благословенное для безмолвника место.

Вот дрова: куча нарубленного хвороста и расколотые гнилые пни. Отец Серафим иногда протапливает печь, но большую часть времени терпит холод — смиряет плоть. Он сохранил за собой свою монастырскую келлию, так как положил проводить в ней всю первую неделю Великого поста (и всю без вкушения пищи), а также воскресные и праздничные дни, когда молился за всенощной, а затем за литургией, причащаясь Святых Даров в больничном храме. После этого он в келлии принимал для духовной беседы монахов и мирян, которых приходило довольно много. Известность отца Серафима как подвижника и прозорливца быстро распространялась по Саровской округе и затем все далее — по России. В эти же дни приходили и насельницы Дивеевской обители. В воскресенье после вечерни отец Серафим брал хлеба на неделю и шел в свою пустыньку.

Так как пустынька его стояла на довольно значительном возвышении в лесу, на краю широкой речной долины, то он назвал это место Афонской горой — и в воспоминание о подвижниках Святой Горы, первого удела Божией Матери, и, еще более, в воспоминание апостольской проповеди Приснодевы на этой горе. Многие места вокруг своей горы отец Серафим назвал евангельскими именами: Святой град Иерусалим... Назарет... Вифлеем... Голгофа... Духовная, молитвенная жизнь отца Серафима в пустыньке была настолько сложна, что пытавшиеся в первое время его отшельничества жить с ним монахи не выдерживали, а через несколько лет уже вся братия поняла, что поистине отец Серафим — избранник Божий, наделенный недоступными простому смертному способностями.

Называя евангельскими именами разные места в лесу, отец Серафим подражал в том Патриарху Никону, делавшему некогда то же в Воскресенском монастыре (Новом Иерусалиме). Первый жизнеописатель отца Серафима (имя его неизвестно), составивший свое «Сказание о жизни и подвигах старца Серафима» через десять лет после его кончины, писал, что «на все те места о. Серафим ходил

в приличные тому часы... Он шел как бы в град Назарет, где архангел Гавриил благовествовал Святейшей Деве Марии... в честь сего Божественного таинства он пел акафист, исполнял правило Великого Пахомия и сходил в Вифлеемский вертеп, зря умом в яслях Младенца... пел ангельское пение: *Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение*... Часто ходил старец в подгорие через реку, близ него текущую, на малый островок как бы «на он пол (на ту сторону.— *Ред.*) потока Кедрска, *идеже бе вертоград*, куда входил Господь и ученицы Его,— там очами ума о. Серафим зрел Иисуса Христа, на землю поклоншагося и глаголюща: *Отче, аще возможно есть, да мимо идет чаша сия!*... В шестой час дня старец ходил на место уединенное, в духовном смысле именуемое у него Голгофа,— на сем месте он исполнял правило Великого Пахомия, а по исполнении погружался в богомыслие и очами веры как бы зрел пред собою Господа, Спасителя нашего, ко Кресту четырьмя гвоздьми люто пригвожденнаго, и стоящую при Кресте Иисусове Матерь Его, Пресвятую Деву Марию»...

Анонимный биограф несколько раз подчеркивает условность этого действа: «как бы...» Но теперь стало виднее то, что еще не совсем ясно было ему, современнику великого святого. Вероятно, это «как бы» надо опустить — преподобный Серафим с Божией помощью переносился в евангельские времена. Это таинственно и даже страшно для нас, но речь идет о святом, которому — по его собственному признанию — двенадцать раз являлась Богоматерь и к которому в келлию врывался в неописуемой злобе сам враг рода человеческого, пытаясь, но не имея силы расправиться с ним...

Как только отец Серафим переселился в лесную келлию, сатана, дух тьмы, распалившись злобой, решил выгнать его вон. И Господь попустил ему наслать на отшельника такие искушения, каких не выдержал бы обыкновенный монах. Враг нападал на отца Серафима так, как на первых православных монахов, подвизавшихся в Фиваиде. Юродивый старец в Курске некогда рассказал ему о страстях преподобного Антония — страшные картины! И здесь они те же: устрашающие звериные голоса раздаются по ночам под окнами келлии... Внезапные удары сотрясают избушку... Вдруг, молясь, видит отец Серафим, что стены разваливаются и из мрака рвутся к нему сатанинские рожи с клыками и с налитыми кровью глазами... Но затем все это пропадает, стены стоят на месте. Так диавол пугал и преподобного Антония Великого, но не испугал. Не испугал и отца Серафима. Тогда пошли дела пострашнее. Однажды ночью жутко загремело снаружи, раздался удар и дверь вместе с косяками упала внутрь келлии, а из тьмы влетел внутрь громадный дубовый чурбан, который только Божией милостью не сокрушил стоявшего на коленях монаха (потом потребовалась сила восьми человек, чтобы чурбан этот вытащить из келлии и бросить под откос, в болотце).

В другой раз, войдя в свою келлию, отец Серафим увидел гроб, с которого тотчас слетела крышка и оттуда поднялся во весь рост страшный мертвец, который после того, как отец Серафим перекрестил его, исчез вместе с гробом... Отец Серафим стоял в этой брани крепко. На свои силы он, конечно, не надеялся — Господь Бог и Матерь Божия защищали его и вели через эти испытания. Было попущено ему и такое жестокое искушение: во время молитвы тьма заволокла всю келлию, кто-то схватил отца Серафима за плечи, как железными клещами стиснул их, поднял и швырнул его в потолок, откуда он пал на дубовые доски пола, едва не сокрушив себе ног и рук... После этого ему пришлось несколько дней отлеживаться. Но едва он встал на молитву — то же повторилось с еще большей силой, и отец Серафим уже не чаял, что останется жив. Бесы гнали его из пустыньки в монастырь, но он, как и Антоний Великий в подобных обстоятельствах, устоял.

Все время преподобного заполнено было молитвой. Кроме утреннего и вечернего правила, полунощницы, часов, повечерия и вечерни, канонов и акафистов, он творил Иисусову молитву, читал молитву Пахомия Великого и по нескольку зачал из Святого Евангелия и Апостола. Эти зачала он тут же вслух толковал для себя, а если кто сподоблялся услышать это, то получал великую духовную пользу и удивлялся глубине толкований отца Серафима. Отец Серафим знал множество церковных песнопений и любил петь их идя куда-нибудь или работая — в лесу, на огороде, а потом на пчельнике, который он себе завел. Часто вместо вечернего правила он

клал по тысяче земных поклонов. В монастырской келлии молился он перед иконой Богоматери Умиление («Всех Радостей Радость», как он ее назвал), которая стояла под божницей на столике, где лежала Следованная Псалтирь. В келлии было несколько свещниц церковных, и отец Серафим зажигал множество свечей — о упокоении и о здравии рабов Божиих. В пустыньке, подражая древним, отец Серафим сделал себе еще два места для моления. Одно тайное, в келлии — незаметный за печью вход в подполье, где была вырыта пещерка, очень тесная, и стоял ящик с песком и камнями, стоя на коленях в котором многие часы молился отец Серафим. Другое место — также пещера, вырытая в горе, на склоне, обращенном к Саровке. Вход в пещеру был прикрыт дверью, а снаружи, на маленькой площадке, стояла лавочка для отдыха. От этой пещеры открывался прекрасный вид на речную долину.

Все от древних отцов... Отец Серафим, смиряя себя, боясь впасть в высокоумие, считал себя их учеником, не умеющим достичь духовной высоты учителей. Что бы он ни сделал во Славу Божию — они сделали некогда неизмеримо больше. Преподобный Макарий Великий рыл себе тайную пещеру под землей, но ход подземный туда был так длинен, что он, идя по нему, успевал прочитать двадцать четыре молитвы. Преподобный Макарий в раскаленной пустыне обнажался и отдавал свое тело на подлинную муку — его терзали оводы и москиты, каких нет в саровском лесу, и он пел при этом славословие Господу. Отец Серафим также выходил к болоту, раздевался до пояса и садился на пенек. Может быть, Макарию Великому было и труднее, но и отец Серафим весь от укусов насекомых опухал и покрывался кровавыми ссадинами... Точно так же некогда в России, подражая Макарию Великому, отдавал себя на съедение летучим кровопийцам преподобный Феодосий. Макарий Великий, насыпав полную корзину песку, носил ее на плечах, ходя по пустыне, чтобы «изнурить изнуряющих его» (демонов тщеславия, которые понуждали его покинуть келлию и идти в мир с проповедью). Отец Серафим, выходя из келлии, надевал заплечный мешок, набитый песком и камнями, сверху которых он клал Святое Евангелие. На вопрос, зачем он это делает, для чего носит такой груз, преподобный отвечал: «Томлю томящего мя».

В баню отец Серафим совсем не ходил, но никто не замечал в нем никакой нечистоты. Одевался он крайне просто и бедно — поверх подрясника белый балахон, камилавка (зимой мягкая, старинного покроя), кожаные бахилы, иногда сверх них лапти, рукавицы зимой. Большой крест, благословение матери, всегда был у него на груди поверх всех одежд. В мороз он набивал за пазуху ветоши для утепления груди... В первые годы, еще молодым, был он высок и плечист, не таков, каким его обычно изображают на иконах. Питался он хлебом, прибавляя к нему немного овощей из своего огорода, сам квасил капусту. Но ел он не один...

Хлебом он кормил птиц и зверей, которые к вечеру, когда преподобный имел трапезу, приучились собираться у его крылечка. Откуда же бралось у него столько хлеба? Некий игумен Георгий, живший послушником в Саровском монастыре, вспоминал рассказ саровского иеродиакона Александра, также подвизавшегося в пустынном житии, о том, что хлеб в корзинке отца Серафима при кормлении зверей не умалялся...

В первые два года к отцу Серафиму, хотя и не часто, приходили монахи и миряне, прося наставлений и советов по разным жизненным и духовным вопросам. Среди них были и женщины. Называя свою гору Афонскою, помня, что на Афон нет входа женщинам, а вместе с тем чувствуя потребность оградить себя и приходящую к нему братию от соблазна, отец Серафим задумал на какое-то время избавить свой «Афон» от женского пола. Это, по-видимому, было Великим постом 1795 года. Однако, он не хотел своей волей лишать женщин назидания, это не могло бы быть угодным Богу. Он стал молиться и просить, чтобы Господь открыл ему Свою волю на это, дал бы какой-нибудь знак. С таким помыслом отец Серафим пришел в день Похвалы Пресвятой Богородицы в храм Живоносного Источника (в субботу, на пятой неделе поста), где служил литургию старец Исаия.

Вот перенесены Святые Дары с жертвенника на престол, вот пропета вторая половина Херувимской песни... Отец Исаия собирался читать молитву преложения, но тут неожиданно к нему подступил отец Серафим:

— Батюшка! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входу.

Старец был удивлен и даже несколько раздосадован:

— В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

— Теперь-то и благослови! — настаивал отец Серафим.

— Да как я могу за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?

— Вы только благословите, батюшка, и уже никто из них не взойдет на мою гору.

Тогда отец Исаия взял образ Пресвятой Богородицы Блаженное Чрево, благословил отца Серафима, говоря:

— Благословляю, чтоб не было женам входу на твою гору.

И прибавил:

— Сам и охраняй как знаешь!

Приложившись к иконе, отец Серафим отошел на свое место в алтаре, потом вместе с другими священнослужителями причастился Святых Таин. Под вечер, возвращаясь в свою пустыньку, отец Серафим увидел, что множество огромных сосновых суков, как бы сбитых с деревьев страшной бурей (хотя бури такой не бывало в то время), завалило тропу перед самым подъемом на гору. Это и был знак Господа Бога отцу Серафиму. Тут он пал в снег и возблагодарил Господа. А потом пришел с топором и увеличил этот завал так, что сам мог пробраться к себе с большим трудом, увязая в снегу, сквозь чащу, в обход.

В 1796 году освободилось место архимандрита, настоятеля в одном из монастырей города Алатыря Самарской епархии. Поиски достойной замены привели духовное начальство в Саровскую пустынь и общее мнение указало на отца Серафима, как самого достойного. Он же приложил все усилия, все свое красноречие, чтобы убедить старца Исаию не отпускать его. Тот и сам был встревожен — братия уже привыкла к отцу Серафиму, многие пользовались его советами, исповедовались у него. Старец Исаия указал начальству на другого инока — иеромонаха Авраамия, и хотя тот, по монашескому смирению, решительно отказывался, его убедили согласиться стать архимандритом.

Отец Серафим остался в своей пустыньке. Этому рады были не только саровские монахи, но и послушницы Дивеевской общины, которых к этому времени стало более пятидесяти (а после кончины матушки Александры их оставалось всего три). В воскресные дни в Саровской пустыни, когда отец Серафим бывал там, они решали с ним свои дела. Одна из трех первонасельниц Дивеева, девица Анастасия Кирилловна, была все эти семь лет старшей и сумела привлечь в общину множество сестер, несмотря на то, что была крайне требовательна в исполнении принятого общиной устава Саровской пустыни (где, например, пищу вкушали один раз в день).

В числе вновь поступивших в последние годы дивеевских послушниц была приехавшая из Тулы вдова оружейного мастера Ксения Михайловна Кочеулова с малолетней дочерью Ириной. В то же время, как окончилось дело с алатырским архимандритством, в Дивееве скончалась начальница, Анастасия Кирилловна. Сестры выбрали на ее место Ксению Михайловну. Это была маленькая, сухая и очень подвижная женщина. Как пишет автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (архимандрит Серафим, впоследствии епископ),— «она проводила жизнь настолько сурово, неся подвиги, посильные только монахам, что о ее правлении сохранилось воспоминание как о времени невыносимо трудном, подвижническом, но которое выработало великих стариц для будущего Дивеевского монастыря и наставниц истинно духовной жизни». В начале правления Ксении Михайловны община сократилась до двенадцати сестер, но потом снова стала расти. Отец Серафим полушутя называл Ксению Михайловну *Бич духовный* и с уважением отзывался о ее *высокой* жизни.

Большую благодать дал Господь и самому отцу Серафиму. В духовной войне он, как ему иногда казалось, стал опытнейшим воином. Читал он у святых отцов и прошел опытно многое, казалось — не все ли, что относится к этой великой брани... Еще послушником боролся он с нападениями духов лени, скуки и даже переживал дни отчаянной богооставленности. Учился чисто исповедоваться, смиряться... По молитвам духовника, Господь исправил его, возвратил ему душевный мир... Потом была борьба с бесами — страшная, требовавшая нечеловеческих сил, и он не сдался, непрестанно призывая Господа не оставить его. Кажется, чего не исполнил отец Серафим? Он и великий постник... И тем не менее с зимы 1797 года стало его мучить некоторое внутреннее беспокойство, даже бывали дни, когда

Господь (он это хорошо чувствовал) отходил от него, как бы покидал... Невыносимые, мучительные были дни.

Отец Серафим, не оставляя своих подвигов и молитвословия, стал пытать себя, изучать движения своей души, молить Господа, чтобы открыл ему, за какой грех попущена ему эта горькая беда. Благодать стала отходить от него, но он знал, что Господь испытывает его, и, хотя труднее стало молиться, и тело словно свинцом наливалось, и сон, дурманный — от бесов — находил, он не оставил ни одного из своих деланий, не ослабил поста. В последнее время бесы, раньше нападавшие и даже бившие его по большей части невидимо, стали являться ему в телесном виде и в огромном количестве. Они набивались к нему в келлию, и вид их был крайне отвратителен. Позднее на вопрос одного мирянина, каковы бесы видом, он ответил: «Они гнусны... как на свет ангела взглянуть грешнику невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны». По усердной молитве отца Серафима Господь прогонял их, но вскоре они являлись снова, чтобы сидеть и стоять вокруг молящегося монаха...

Но видеть бесов вот так попускает Господь лишь гордым. И не обязательно за явную гордость надменного гордеца — нет... Гордость — тонкий и страшный яд, сопровождающий и все хорошее, например, подвиги усердного молитвенника. Если ему случается забыть о том, что он грешник, достойный ада, утратить хотя бы в малой степени смирение, тут и яд великого греха вползает в душу, однако так незаметно, что даже опытные иноки далеко не сразу чувствуют это. И вспомнил отец Серафим — в который уже раз — преподобного Антония. Он был совершенным, но Господь открыл ему, что в городе Александрии есть человек совершеннее его. Им оказался простой сапожник, сидевший с колодками и кожами у своих дверей, работавший и глядевший на проходящих с мыслью: «Все они спасутся, один я погибну». Вспомнил и Пимена Великого, имевшего множество учеников,— он им говорил с сердечным убеждением: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду»... Нет, никаких сил человеческих не достаточно для победы над грехом и никакой подвижник великий не спасется без Божией благодати, Божиего милосердия: по мере своих сил сораспинайся искупившему тебя на Кресте Иисусу Христу и смиряйся...

Жизнеописатели отца Серафима делали также догадки, что после отказа быть в Алатыре архимандритом у отца Серафима мелькнуло сожаление об этом. Может и это было, но вряд ли одно это. Вообще любые догадки в этом случае грубы и приблизительны. Ведь отец Серафим был весьма начитан в духовной литературе и подвизался под руководством опытнейших саровских наставников. Он имел духовного отца и, конечно, ничего не мог позволить себе, даже прибавления лишних молитв, без его благословения. Что такое послушание — он глубже многих знал. Настоящее послушание — почти все спасение. Какое же смирение без настоящего послушания? Писали, что отец Серафим совершал подвиги «втайне» (и сам он это говорил). Но втайне от всех, кроме духовного отца. Самовольные монашеские дела Богу неугодны. Вольнодумный монах, и даже сам отец Серафим, окажись он таковым, неизбежно впал бы в прелесть, то есть попал бы под водительство не Духа Святаго, а врага рода человеческого.

Не было у отца Серафима таких грехов, которые всем были бы очевидны, да и ему самому надо было много молиться о том, чтобы Господь открыл ему очи души на грехи его, много всматриваться в свои слова и дела, чтобы найти некоторые трещинки и затемнения... Однако эти таящиеся в глубине царапины для подвижника — страшные раны, начало погибели, отпадения от Господа... И вот отец Серафим идет к старцу Исаии и долго исповедуется ему... Братия с удивлением видит на всенощной и на обедне отшельника как бы сокрушенным каким-то горем. Никто не дерзает задавать ему вопросы. Отец Серафим сгорблен и весь в слезах... Он молит Господа о том, чтобы Тот указал ему подвиг, какой он совершил бы для смирения и для возвращения отошедшей от него Божией благодати. И Господь указал ему это.

Была глубокая осень. Несколько раз выпадал и таял снег, реки уже схватились тонким льдом. Давно прокурлыкали над саровским лесом и улетели на юг журавли. Лесные звери устроили себе логовища — готовились к долгой зиме. Ночь надвигалась рано, темная, часто с дождем и ветром. Валил мокрый снег, и холодно было в лесу, темно и жутко, как в яме... В такую холодную темень в одно из

воскресений шел отец Серафим с запасом хлеба на неделю в свою пустыньку и творил Иисусову молитву с особенно сильным упором на слове *помилуй*... Вот уже больше половины пути прошел. И вдруг, проходя мимо камня-скалы, который был недалеко от тропы, хотя и в чаще, среди бурелома, он увидел свет на нем и ангела, коленопреклоненно молящегося с воздетыми руками... Один всего миг было это видение. Пал отец Серафим на сырую землю и со слезами благодарил Господа, сказавшего, что ему делать. И вот он взобрался на скалу, встал на колени, поднял руки к ночному небу и, забыв все красно сложенные святыми отцами молитвы, возопил как мытарь: *Боже, милостив буди мне грешнику!* (Лк. 18, 13).

Так начал отец Серафим великий подвиг тысячедневного моления на камне. Он желал это скрыть от людей и потому просил старца Исаию до самой смерти умолчать о том. Сам же, чтобы не быть кем-нибудь замеченным при молении на камне, решил молиться здесь, в лесу, только по ночам, днем же — в своей пустыньке, куда и притащил с великими трудами найденный у реки и скрывавшийся почти весь в земле валун. Это был подвиг столпничества. Но все-таки можно предположить, что в воскресные дни и в двунадесятые праздники отец Серафим по-прежнему приходил в монастырь на всенощную, литургию, причащался Святых Христовых Таин и совершал обычные дела, так что братия не заметила перемены в его жизни.

Тайну удалось соблюсти настолько, что даже сменивший отца Исаию настоятель, отец Нифонт, не знал ничего об этом подвиге саровского отшельника. На запрос тамбовского епископа он отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии тысячу дней и ночей на камне никому не было известно». Но слухи ходили, и им верили. А позднее отец Серафим и сам открыл одному из иноков тайну этого подвига и даже указал место, где находится камень, освященный его покаянной молитвой. Собеседник его заметил, что без Божией благодати сил человеческих не достало бы на такие дела. Отец Серафим согласился с этим, но прибавил, что бывали у монахов испытания и потяжелее:

— Святый Симеон сорок семь лет простоял на столпе, а мои труды похожи ли на сей подвиг?

Не сравнивая подвигов святых, просто представим себе русский вековой лес, да еще в тех местах, что далеки от проезжих дорог и селений... Некоторые жизнеописатели отца Серафима, исходя из опыта обычных людей, писали, что он много терпел страха от зверей, приходивших ночью к молитвенному камню, что он мог бы быть и растерзан ими. Но звери окрестного леса знали отца Серафима и поэтому, молясь ночью на камне, он не обращал на них никакого внимания. Волки, медведи, лисицы, потянув носом в сторону молитвенника, узнавали его и пробегали мимо или бродили около и даже сидели возле камня, как бы вслушиваясь в звуки молитвы.

Нередко случалась такая непогода, что ни один зверь не выходил из своего укрытия, а отец Серафим с открытой головой стоял и в полный рост, и на коленях на камне, то мокром от росы или дождя, то заледеневшем. В осеннюю и зимнюю непогоду огромные сосны сильно качались, иные падали с треском и шумом, ломая маленькие деревья и подминая кусты, случалось, и совсем рядом с камнем... Зимой снегу наметало до полкамня, надо было разгребать подход. А ливни? А тучи комаров и прочих «скнипов и песиих мух»! А мороз, от которого иногда дух захватывало... Конечно, бывали и ясные ночи с благоуханием хвои, лесных трав, со светом полной луны сквозь ветви... И все это длилось три зимы и три лета.

Боже, милостив буди мне грешнику!.. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!.. Господи, помилуй!.. И руки и очи подвижника воздеты к небу, и с каждым днем все слабее ноги. Возвратился тот недуг, с которым он пришел в пустыньку: опухли ноги, начали кровоточить появившиеся на них язвочки... И вот уже отец Серафим захромал, срезал себе палочку для опоры на ходу... И трудно стало дышать на ветру и морозе — до темноты в глазах... Все равно: *Боже, милостив буди мне грешнику!* Шесть ночей на камне, одна — в монастырской келлии. Если бы Господь не поддерживал (он так и говорил потом), не хватило бы сил и на один год. Одежда — все тот же белый балахон, выгоревший, выцветший, «многошвенный», подпоясанный кушачком, старая черная камилавка, кожаная полумантия... неизменный заплечный мешок с песком и Новым Заветом, то-

порик, заткнутый за кушак сзади... Молясь на камне, он складывал вещи около себя, а на ближайший с восточной стороны сук вешал небольшую иконку Святой Троицы, перед которой всегда молился в лесу.

Сходя с камня перед рассветом, он смирял себя воспоминанием о том, что преподобный Симеон еще до своего стояния на столпе жил на скале, с которой совсем не сходил и даже приковал себя к ней цепью. Конечно, это дело выше сил обыкновенного человека. Но что такое «необыкновенный человек»? В нем только то и необыкновенно, что Господь являет свою силу через него. Он избран у Господа. Сам по себе он ничто. Кто дал силы великому отшельнику Павлу Фивейскому прожить в пустыне — страшной и дикой — девяносто лет в полном одиночестве? — Господь Бог наш Иисус Христос. И каких подвигов не совершил Он через избранных Своих! Отец Серафим имел хорошую память и не раз перечитывал Четьи Минеи. Поэтому, что бы он ни делал в монашеском делании своем, он видел себя в неисчислимом сонме православных подвижников и всегда убеждался в том, что превозноситься ему нечем, что он делает отчасти то, что великие иноки совершали в полноте.

Эти три года сильно изменили облик отца Серафима. Он начал седеть. Жизнь его уже перевалила хребет преполовения и шла под гору. А года через два после его молитвенного стояния на камне Господь послал ему еще одно испытание. Однажды во тьме, когда он шел, прихрамывая, по тропе к своей пустыньке, поднялась буря, лес застонал и загудел, полетели с сосен огромные ветви, и одна из них, видимо весьма увесистая, ударила отца Серафима по спине. Очнулся он к утру; кругом не было ни души, и ему пришлось почти ползком, преодолевая страшную боль в позвоночнике, добираться до своей келлии, постоянно творя Иисусову молитву, а там он рухнул на пол и не чаял остаться живым. Однако, уже дня через два, шатаясь и держась за стены, он вышел на крылечко. Молитва же его не прерывалась. Слава Тебе, Господи! Ты, Господи, знаешь, что нужно нам для нашего спасения... Силы быстро вернулись к отцу Серафиму, но он с этого времени как бы уменьшился ростом, сгорбился.

Следующие годы — три или четыре — отец Серафим посвятил сугубым подвигам молитвы и поста. Он и так-то ел один раз в день, а среду и пятницу проводил вообще без пищи (как и первую седмицу Великого поста). Но вот он, по благословению отца Исаии, перестал вообще брать пищу из монастыря. Несколько лет он обходился овощами из своего огорода с прибавлением летом грибов и разных ягод лесных, а потом травы-снити. Как было впоследствии открыто (сам отец Серафим в конце жизни рассказывал об этом дивеевским монахиням), эта таинственная трава-снить года два или более была для него единственным питанием. «Ты знаешь снитку? — рассказывал он.— Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку — славное выходило кушанье». На вопрос, а как же зимой, где брал траву, он ответил: «На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал». Снитка действительно съедобная трава и, будучи сваренной, имеет тонкий кисловатый вкус. В саровских лесах она произрастала в изобилии. В Саровской пустыни ее не знали, а в других местах бедные обители постоянно употребляли ее, варили из нее щи, хотя она и мало питательна. Подражая отцу Серафиму, впоследствии дивеевские монахини собирали для себя снитку. Это было как бы показателем крайней бедности (Дивеевская обитель и была всегда бедной).

Все глубже вживался отец Серафим в подвижническое пустынничество. В марте 1804 года его посетили прибывшие с Валаама старец Назарий и иеромонах Иларион. Старец не стал жить в монастыре, а поселился в избушке в одной версте от него и стал пустынничать. Правда, жил он не один,— ему, по преклонности лет, помогал один из учеников его, поселившийся с ним. Раз в полтора-два месяца он приходил к отцу Серафиму, но иногда, застав его на молитве или в углубленном богомыслии, когда отец Серафим ничего вокруг не видел, кланялся ему и уходил. Отец Серафим был в непрестанных трудах: молился в келлии, в убежище под ней, в пещере, на «евангельских» местах окружающего леса, работал на огороде, собирал и рубил на дрова сучья, обкладывал камнями часть речного берега, из которого струился дивной чистоты родник. Иногда к нему приходили монахи из Сарова для духовной беседы, бывали и миряне. Снова разрешил он приходить сюда и

«женскому полу», чаще всего это были послушницы из Дивеевской общины.

Сатана же, враг рода человеческого, отступивший было от отца Серафима, испробовавший многие способы для удаления его из пустыньки и ничего, однако, не достигший, начал воевать против него через людей.

Господь попустил отцу Серафиму еще одно страшное испытание.

12 сентября 1804 года, в день, еще по-летнему теплый, отец Серафим обрубал сухие ветви давно упавшего дерева. И вот, когда он опутал веревкой большую вязанку и хотел вскинуть ее на спину, из леса вышли три мужика — с разных сторон, видно, собирались отрезать ему путь к отступлению. Отец Серафим понял, что добром эта встреча не кончится. Мужики были средних лет, одеты бедно, с палками в руках. От них пахну́ло табаком и водкой...

— Ну-ка, развяжи мешок-то,— сказал один.— Знаем, что ты деньги носишь с собой.

— У меня нет денег,— отвечал отец Серафим.

— Ври, ври! К тебе мирские ходят и носят.

— Я ни от кого ничего не беру.

На этом разговор закончился. Отец Серафим был еще силен, да и в руках у него был топор, поэтому мужики не сразу напали на него. Он же, испугавшись своей внезапной мысли о самозащите, вспомнив евангельское слово *приемшии нож, ножем погибнут* (Мф. 26, 52), бросил на землю свой топор, сложил крестообразно руки и спокойно сказал:

— Делайте что вам надобно.

Один из злодеев, зашедший к отцу Серафиму со спины, кинулся на него, но вдруг, словно споткнувшись обо что-то, упал. Двое других, видя это, заробели. Но упавший обезумел от ярости, видно в него-то и вселился бес,— он вскочил, схватил топор отца Серафима и с размаху ударил его обухом по голове. Изо рта и ушей отца Серафима хлынула кровь, и он упал без памяти. А мужики накинулись на неподвижное тело, топтали его ногами и били палками, даже хотели оттащить к реке и бросить в воду. Потом разрубили веревку, которой отец Серафим связывал хворост, и, опутав ему ноги и руки, приволокли его к дверям келлии. Дверь, конечно, не была заперта. Долго «трудились» мужики в келлии, ища денег или чего-нибудь стоящего, что можно было бы продать, выломали пол, все осмотрели, пытались ломать печь, но ничего не нашли. Отец Серафим не шевелился. Вдруг словно что-то крыльями прошумело по келлии, на мужиков напал страх и они убежали.

Среди ночи отец Серафим пришел в себя, долго возился с веревкой, наконец развязал ее кое-как, поднялся и стал молиться, благодаря Господа за то, что сподобился претерпеть невинные страдания, и прося прощения для злодеев, не ведавших, что действуют по диавольскому наущению. Потом упал и снова потерял сознание. На рассвете он все-таки сумел собраться с силами и, опираясь на палку, побрел к обители, творя Иисусову молитву.

Он пришел в монастырь во время обедни и, зайдя в храм, молча встал в притворе. Братия, увидев его, ужаснулись, так как он был весь в крови. Его спрашивали, что с ним, но он молчал, пока не окончилась литургия. Волосы у него на голове, проломленной топором, слиплись от крови, лицо было в синих кровоподтеках и ссадинах, одежда в грязи и пятнах крови...

Не отвечая на вопросы, он прошел в свою монастырскую келлию, а вскоре сюда пришел и отец Исаия. С большим трудом, так как у него были разбиты губы и выбито несколько зубов, отец Серафим рассказал о случившемся. После этого силы его покинули, и он отнесен был в больничный корпус.

Первые восемь дней отец Серафим тяжко страдал, не принимая ни пищи, ни воды. Всем казалось, что близок его последний час... От постоянной боли он не мог спать. Три врача, вызванные из Арзамаса, освидетельствовали отца Серафима и нашли, что у него проломлен череп, сломано несколько ребер, большие кровоподтеки, опухоль на груди, по всему телу синяки, ссадины и раны. Врачи, посовещавшись, предложили отцу Исаии начать лечение отца Серафима — пустить кровь, перевязать, промыть, протереть спиртом и т. д. Отец Исаия выслушал все это и направился к отцу Серафиму, спросить все-таки и его, согласен ли он на такое лечение. Пока отец Исаия держал совет с врачами, отец Серафим впал в легкий («тонкий») сон, и было ему дивное видение.

С правой стороны ложа подошла к нему Пресвятая Богородица, осиянная неземным светом, в сопровождении святых апостолов Петра и Иоанна (точно так же, как и в первое свое явление отцу Серафиму). Пресвятая Дева указала на больного перстом правой руки и, обратившись в ту сторону, где стояли врачи, сказала:

— Что вы трудитесь?

Потом посмотрела на отца Серафима и повторила слова, сказанные в то, первое, посещение и также в больничной келлии:

— Сей от рода нашего.

В это время подошел к постели отца Серафима старец Исаия. Увидев, что тот пришел в себя, он передал ему предложение врачей и советовал воспользоваться их помощью. Отец Серафим сказал, что он весьма благодарен им за внимательность и попечение о нем, но что не желает врачебных пособий от людей.

— Молитесь, батюшка, обо мне,— сказал он,— и позвольте мне предоставить свою жизнь Господу Богу и Матери Божией, истинным и верным врачам душ и телес наших.

После этих слов отец Серафим преисполнился необычайной радости, которая продолжалась около четырех часов. Просиявшее лицо его, с которого исчезли всякие следы страдания, стало таким прекрасным, что братия не могли надивиться таким явным проявлениям Божией благодати. Затем пошли дела еще более удивительные. Через час-другой он сел на постели и спустил ноги. Так, сидя, долго молился. К вечеру встал и потихоньку прошелся по келлии. Потом, чувствуя прилив сил, стал ходить потверже. В девять часов, к удивлению всех, попросил есть и вкусил немного хлеба и квашеной капусты. Через несколько дней исчезли все проломы, опухоли, ссадины и кровоподтеки, как будто их и не бывало. Отец Серафим быстро поправлялся, но старец Исаия не выпускал его из больничной келлии с месяц, а потом оставил в монастыре еще до марта следующего года. Он настаивал на том, чтобы отец Серафим и вовсе не возвращался в свою пустыньку, так как могут быть и еще какие-нибудь нападения, но отец Серафим отвечал, что не ставит ни во что любые нападения диавола и готов, хотя бы отчасти уподобляясь великим мученикам за веру Христову, переносить даже до смерти все, что бы ни было. Так посрамлен был враг рода человеческого, которого отогнала, как старую гиену, от одного из своих избранных Матерь Божия.

Однако, остался видимый след этой схватки отца Серафима с диаволом,— он совсем поседел, а спина его согнулась так, что он уже не мог никогда распрямиться, и ходил, подпираясь клюкой или топориком. Он стал таким, как его принято изображать на иконах, каким его и узнала вся Россия.

Когда к отцу Серафиму возвратилось здоровье, и он готовился уйти в свою пустыньку, нашли избивших его мужиков. Это были крестьяне села Кремёнки, крепостные люди графа Татищева. Их хотели отдать под суд и примерно наказать, но отец Серафим, узнав об этом, просил не трогать их, так как он их простил, и писал об этом графу, и говорил игумену Исаии. «В противном случае,— грозился отец Серафим,— я оставлю Саровскую обитель и удалюсь ни для кого не ведомо в иные святые места». Суд над злодеями отец Серафим предоставил Самому Господу. Мирские власти вняли просьбам отца Серафима,— крестьян не тронули. Но у них вдруг, у всех троих, сгорели жилища. Гнев Божий был настолько для них очевиден, что они пришли к отцу Серафиму и со слезами просили прощения и его молитв. Он благословил их и отпустил с миром.

Великим постом, в середине марта 1805 года, отец Серафим вернулся в свою лесную келлию. Разломанная печь и выломленные полы усердием отца Исаии были приведены в порядок. В избушке — чисто... И с еще большим дерзновением, чем раньше, начал отец Серафим совершать свои молитвенные и постнические подвиги. Близился Праздник Праздников — Пасха Господня. Великая радость Христова Воскресения!

Составил Виктор АФАНАСЬЕВ

(Продолжение следует)

От юности Христа возлюбил еси...

(тропарь преподобному Серафиму Саровскому)

Эти слова в полной мере относятся к молитвенно воспоминаемому ныне святому апостолу Иоанну Богослову, ближайшему ученику Господа, который возлюбил Божественного Учителя всем сердцем своим. Едва лишь раздался небесный призыв Спасителя на берегу Галилейского озера, он сразу нашел живейший отклик в любящем сердце Иоанна, который чистой душой понял, что его зовет не простой человек, а Богочеловек, обещанный Христос — Мессия. Беспрекословно повинуясь Божественной воле, этот простой неученый рыбак оставляет все: и привычные занятия, с которыми сроднился, и дом свой, и семью, и престарелого отца Зеведея, и идет за Тем, Кто не имеет, где главу приклонить, становится Его неразлучным спутником.

С этих пор ничто не могло поколебать в святом апостоле Иоанне любви ко Господу; ее не уничтожили ни лишения, которые выпали на долю шедшим со Спасителем, ни постоянные опасности и гонения, которыми ежеминутно грозила ненависть Его злобных врагов. Иоанн сохранил любовь ко Христу и во дни крайнего уничижения своего Учителя и торжества Его лютых врагов. Иисус Христос предается вероломным учеником в руки врагов в саду Гефсиманском. Сына Божия, как злодея, ведут на суд. Все ученики оставляют своего Учителя и разбегаются, только Иоанн и Петр сопровождают Его до архиерейского двора. Но здесь даже твердый Петр подвергается величайшему искушению и отрекается от Своего Учителя. Иоанн же один из всех апостолов остается верен Господу. Когда Христос уже был осужден на крестную казнь, как последний злодей, Иоанн следует за Ним до самой Голгофы, стоит бестрепетно при Кресте вместе с Пречистою Материю, Которую Господь со Креста вверяет его заботам и попечению.

Не охладевает ученик к своему Божественному Учителю и тогда, когда Он во гробе,— он любит Его той же любовью, какою любил при жизни. Движимый любовью, Иоанн в первый день недели, получив от Марии Магдалины весть, что тела Господа нет во гробе, спешит туда, и любовь возрождает в нем веру в воскресшего Господа.

По Вознесении Господа Иоанн до самой смерти Богоматери остается в Иерусалиме и проповедует в городе и его окрестностях воскресшего Господа с такою ревностию, которая заслужила ему имя столпа Церкви. После Успения Пречистой Девы он проповедует слово Божие всему миру.

Вот он в Ефесе. Тут его деятельность, его проповедь обращает на себя внимание гонителей христианства. Апостола схватывают и закованного везут в Рим на суд Домициана. Здесь осуждают на смерть, но поднесенный ему яд не производит действия. Брошенный затем в котел с кипящим маслом, святой апостол Иоанн вновь остается невредимым. Его приговаривают к работам в рудниках и ссылают на остров Патмос, где он остается почти до самого конца жизни своей. Но уже ничто не может отлучить святого апостола от любви Господней: он полон ею. Божественная любовь открыла ему высшие тайны богословия, соделала его, простого рыбака, мудрейшим выразителем Божественного учения.

Только тот, кто любит Бога живою деятельною любовию и исполняет заповеди Его, и очищает сердце свое от греховных страстей, достоин вступить в самое тесное единение с Богом: *Тот пребывает в Нем, и Он в том* (1 Ин. 3, 24). *Кто не любит, тот не познал Бога* (1 Ин. 4, 8),— говорит апостол любви. Ведь Бог есть Высшая и Совершеннейшая Любовь; следовательно, кто не знает, что такое любовь, не знает и Бога.

Орган души человеческой для ближайшего общения с Богом есть сердце. Сердце, исполненное нечистых страстей, питающееся злобой, недоброжелательством, лукавством, лицемерием и обманом, зараженное пристрастием к одному только вещественному, земному, не может стремиться к Богу как источнику чистой любви. А Бог как Любовь пребывает только в сердцах, исполненных любви. Любовь же не может обитать в нечистых сердцах, иметь общение со злобой, ибо нет общения света со тьмою. Там, где нет любви, нет и Бога, ибо *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Поэтому и сказано: *блаженни чистые сердцем: они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Если же узрят, то и познают Бога, и притом не естественным путем познания, а непосредственным чувством, любовью, в их сердце обитающей,— способом, непостижимым для плотского ума. В душе их, как в чистой воде или зеркале, отразится вся Благость Божия, Его Премудрость, Его Могущество, Его Неизреченная Любовь, и огнь Божественной Любви размягчит, как воск, сердце облагодатствованного человека.

Полнота любви очищенного от страстей сердца служит источником высочайшего блаженства для человека, пребывающего в земной юдоли скорбей и нужд. Блаженство души, возлюбившей Бога, обретается не вне, а внутри человека, в его сердце, соделавшемся вместилищем благодати Божией, храмом Духа Божия. Для чистого сердцем уже на земле настает Царство Божие, оно внутри его, по обетованию Христову. Благодать Утешителя, Духа Святого исполняет сердце такою радостию, какую мир не может дать. Находясь часто в уничижении, скудости, в гонении и изгнании, стяжавшие Божественную любовь бывают счастливее всех тех, кого на земле называют счастливыми. Если счастье состоит в могуществе, преобладании, то они говорят о себе: *все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). Они верою побеждают мир, всякое зло в мире, любящим Бога все поспешествует во благое. Если счастье признается в обладании сокровищами земными, то они, оставившие все ради Христа, имеют обетование восприять и действительно получают высшие блага, и еще здесь, на земле, по слову апостола, будучи нищими, многих обогащают (ср.: 2 Кор. 6, 10). Если счастье полагается в славе, известности, то не прославляет ли Господь любящих Его? В самом деле, кем был воспоминаемый ныне апостол любви Иоанн Богослов? Не простым ли рыбаком, галилейским поселянином, для мира неведомым? А ныне его знают все христиане, они обращаются к нему с молитвой и поклонением, ищут его небесного покровительства.

Итак, братия, мы видим, что любовь дает не только полноту боговидения, но и полноту счастья. Будем же стремиться воспитать в своем сердце любовь к Богу и ближнему. Употребим хотя бы малые усилия к очищению сердца от страстей и будем помнить, что без очищения сердца нет в нем совершенной любви и не придет внутрь человека Царство Божие, ибо Царство Божие силою берется и употребляющие усилия восхищают его (ср.: Мф. 11, 12). Впрочем, одними собственными усилиями невозможно одолеть дурные привычки, исторгнуть укоренившиеся страсти — нужна благодатная помощь Божия, которая подается тому, кто искренне просит ее у Бога. Помолимся же с усердием апостолу Иоанну, да испросит он нам у Милосердого Господа сил к очищению сердца от всего недоброго и греховного, живущего в нем, да воссияет в нем совершенная любовь. *Аминь.*

Протоиерей Алексий БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Нагорная проповедь

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня в церкви читается начало Нагорной проповеди Господа Иисуса Христа — Заповеди блаженств. *Увидев народ,* Господь *взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...* (Мф. 5, 1—2). Но учение было непривычно. Ведь на Си-

найской горе даны были заповеди, как, казалось, приличествовало Богу: в огне, в дыме, в трубном звуке!

А Господь Иисус Христос не повелевает, Он даже как бы и не учит, Он даже и не обращается к присутствующим, а говорит о ком-то третьем: о *нищих духом, плачущих,* о *кротких,* которые *блаженны.* Только в конце Он обращается прямо к слушающим, обещая им блаженство; но обещает Он его в тех обстоятельствах, где блаженства как раз невозможно ожидать: *Блаженны вы,*— говорит Он,— *когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь...* (ст. 11—12). И далее снова обращается прямо к слушателям, причем обращается уже как к совершенным, говоря им: *Вы соль земли...* (ст. 13). *Вы* — это здесь стоящие.

Заповеди блаженства — поистине веяние *хлада тонка,* пережитое некогда Пророком Илией на горе Хориве (3 Цар. 19, 12). Говоря о тех, кто блажен пред Его очами, Господь дает людям возможность самим, без насилия, пробудиться, дает возможность самим потянуться к обещанному кому-то блаженству, почувствовать в самих себе начаток духовной жизни, тончайшее движение угодных Богу чувств и настроений. Вначале Господь говорит: *Блаженны нищие духом... блаженны плачущие... блаженны кроткие...*— блажен, кто ощутил, наконец, свою духовную нищету, свое отпадение от Бога, свое постыдное порабощение греху; блажен, кто плачет об этом; блажен, кто кроток — ни на кого не гневается и только себя винит в своей беде. То есть блажен тот, кому открылась бездна его собственной греховности, ибо это открытие есть сила, способная привлечь Божию благодать, Божие милосердие, дать Божие утешение, эта сила указывает путь в Царство Небесное. *Блаженны алчущие и жаждущие правды...*— блажен, кто в своей духовной нищете жаждет только правды, какой бы суровой она ни была; блажен, кто ощутил тягу к истинной духовной пище, к слову Божию — источнику всякой правды. Ибо только слово, исходящее из уст Божиих, может насытить живую душу; и только Тот, Кто сотворил землю, может научить жить на ней.

Господь ублажает тех, в ком уже теплится огонь Божией благодати, в ком уже водворились кротость, чистота сердца, желание и способность поддерживать мир и внутри, и вокруг себя, то есть в ком уже как бы засверкали кристаллики Божественной соли и кто уже может рассчитывать и на помилование, и на видение Бога, и на усыновление Ему.

По-настоящему соль Господня кристаллизуется только в искушениях, и то обещанные блаженства можно получить только после испытания: *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.* Открыв истину внимающим Ему, Иисус Христос обращается прямо к ним так, будто они уже ступили на путь верных учеников Его. *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли* (ст. 11—13)...

Заповеди блаженств поются на каждой литургии, и в это время священник совершает вход с Евангелием. Евангелие — как бы Сам Христос, снова и снова идущий на проповедь, вернее, это нескончаемое продолжение Его проповеди. А *соль земли* — это не кто иные, как вы, которые собрались здесь, вокруг Него, невидимо присутствующего; вы, которые слушаете Его слова и участвуете в Святых Таинствах. Став последователями Христа, вы взяли на себя обязательство пред Богом быть солью земли, хранить землю от порчи и разложения. В этом ваша главная задача, ваше главное назначение в жизни.

Как веяние *хлада тонка,* звучат Господни слова, и говорят они как бы о ком-то третьем; но если ты не расслышишь их, если, постояв у горы, откуда звучат заповеди блаженств, отступишь от нее с холодным сердцем, то не вернешься снова и на то место, откуда пришел: теперь, по слову Апостола, вернешься, как пес, на свою нечистоту (ср.: 2 Пет. 2, 22) и будешь лишь солью, потерявшей силу, которая уже *ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям* (ст. 13). *Аминь.*

Священник Вячеслав РЕЗНИКОВ

О молитве

(Слово второе)

Когда великий Моисей приуготовлял израильский народ к тайноводству на горе, тогда не прежде удостоил его Богоявления, как предписав народу закон об очищении соблюдением плотской чистоты и омовением. Да и после сего не осмелились израильтяне видеть явление Божия могущества, но в ужас приводило их все видимое — огонь, мрак, дым, трубы; и снова обратившись к себе самим, просили законодателя стать их посредником пред Божественным изволением, так как у них не было достаточной силы приблизиться к Богу и перенести Божие присутствие. А наш Законоположник, Господь Иисус Христос, намереваясь привести нас к Божественной благодати, указует нам словом не гору Синайскую, покрытую мраком и дымящуюся огнем, не гласы труб, возглашающих что-то невнятное и страшное, не одному только позволяет взойти на вершину, покрытую мраком, сокрывающим в себе Божественную славу, а напротив того, вместо горы возводит нас на самое небо, соделав оное для людей удобопроходимым посредством добродетели; потом соделывает нас не зрителями только, но и причастниками Божественной силы, и приступающих к Нему вводит некоторым образом в родство с превысшим Естеством и, озарив мрак ясным светом учения, соделал, что чистые сердцем в полной ясности созерцают неизреченную славу. Дает же и воду для окропления, не из чуждых потоков почерпаемую, но текущую в нас самих, разумеет ли кто под нею источники очей или чистую совесть сердца, узаконив не допускать никакой тины порока; и плотскую чистоту поставляет в воздержании не от законного только общения супругов, но и от всякого вещественного и страстного расположения и таким образом посредством молитвы возводит к Богу. Ибо такова сила речений, из которых не какие-либо звуки, произносимые в слогах, познаем из Божия слова, но предначертание восхождения к Богу, успешно приводимое в исполнение высокою жизнию.

Но из самых слов молитвы можно уразуметь Божественное тайноводство. *Егда молитеся* (Лк. 11, 2),— говорит Господь. Не сказал: егда изрекаете обет, но говорит: *егда молитеся*, потому что надлежащее по обету должно быть уже исполнено прежде, нежели приступаешь к Богу с молитвою. Какое же различие в значении сих именований? То, что обет есть объявление о чем-либо, по благочестию посвящаемом в дар Богу, а молитва есть прошение благ, уничиженно обращенное к Богу. Итак, поелику потребно нам дерзновение, когда приступаем к Богу, обращаясь с уничиженными прошениями о полезном для нас, то необходимо предшествовать исполнению того, что объявлено по обету, чтобы, совершив зависящее от нас, потом уже смелее изъявлять желание о получении воздаяния от Бога. Посему Пророк говорит: *воздам Тебе молитвы моя, яже изрекосте устне мои* (Пс. 65, 13, 14), и еще: *помолитеся и воздадите Господеви Богу нашему* (Пс. 75, 12). И во многих местах Писания можно видеть подобное значение слова «обет» и поэтому надобно знать, что обет есть благодарственное возвещение о принесении дара, а молитва означает приближение к Богу по исполнении обещанного Ему. Посему Господне слово научает нас не просить чего-либо у Бога прежде, нежели что-либо угодное Ему принесем Ему в дар. Ибо прежде надлежит совершить обет и потом молиться, как иной скажет, что сияние должно предшествовать собиранию плодов. Посему надлежит сперва посеять семена обета и, когда этот залог семян возрастет, собирать плоды, молитвою восприемля благодать. Посему, так как не будет дерзновения просить, если приступим без предварительного какого-либо обета или дара, то молитве по необходи-

---

Первое слово «О молитве» святителя Григория Нисского см. в № 9 за 1992 г.

мости да предшествует обет.

Посему, так как обет уже выполнен, Господь говорит ученикам: *егда молитеся, глаголите: Отче наш, Иже еси на небесех* (Лк. 11, 2). *Кто даст ми криле яко голубине?* (Пс. 54, 7),— говорит великий Давид. Осмелюсь и я сказать то же слово: кто даст мне оныя *криле,* чтобы мог я воспарить умом на высоте величия сих речений — и оставить всю землю, перейти весь разлитый в средине воздух, коснуться эфирной лепоты (красоты.— *Ред.*), достигнуть звезд, увидеть все их украшение, да и на них не остановиться, но миновать и это, стать вне всего движимого и изменяемого, объять естество постоянное, силу неподвижную, в себе самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имеет бытие, все, что зависит от неизреченной воли Божией Премудрости, чтобы, став мыслию вдали от всего превратного, в непреложном и неуклонном состоянии души мог я сперва сродниться мыслию с Непреложным и Неизменяемым, потом призывать самым родственным наименованием и говорить: *Отче*! Ибо произносящему это какая потребна душа? Сколько нужно дерзновения? Какую надобно иметь совесть, чтобы, сколько возможно познав Бога приличествующими Ему наименованиями, руководясь к уразумению неизреченной славы и дознав, что естество Божие, представляемое в себе самом, есть Благость, Святыня, Радование, Сила, Слава, Чистота, Вечность, то, что всегда то же самое, и все, что подобного сему представляется мыслию о Божием естестве, и, уразумев при помощи Божественного Писания и собственного рассудка, потом уже осмелиться выговорить это слово, и такое Существо наименовать своим Отцом? Явно, что если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится произнести к Нему слова сего и сказать: *Отче.* Ибо не естественно Благому по сущности стать Отцом лукавого поступка и Святому — Отцом осквернённого по жизни, а также Неизменяемому — Отцом превратного, Отцу жизни — Отцом умерщвленного грехом, Чистому — Отцом опозоривших себя страстями бесчестия, Благодетелю — Отцом любостяжателя, вообще Тому, Кого представляем во всяком добре,— Отцом пребывающих во зле. Если кто, видя себя имеющим еще нужду в очищении и порочную совесть свою признавая исполненною скверн и дурных отметок, прежде нежели очистился от таких и столь многих худых свойств, включит себя в родство с Богом и неправедный Праведному, нечистый Чистому скажет: *Отче,* то речение сие прямо будет оскорблением и злословием, если только именует он Бога Отцом собственной своей порочности. Ибо слово «отец» означает причину от него произшедшего. Посему, если порочный совестию назовет Бога Отцом своим, то не иное что сим выскажет, а только то, что Бог есть начало и виновник собственных его худых свойств. Но: *кое общение свету ко тьме* (2 Кор. 6, 14), говорит апостол, напротив того, свет соединяется со светом, справедливое с справедливым, прекрасное с прекрасным, нетленное с нетленным. А противоположное, без сомнения, имеет сродство с однородным. Ибо *не может древо добро плоды злы творити* (Мф. 7, 18). Посему, если кто, как говорит Писание, будучи жестокосерд и *ищай лжи* (Пс. 4, 3), осмеливается произносить слова молитвы, то пусть таковой знает, что призывает он отца не небесного, а преисподнего, который сам есть лжец и делается отцом лжи, возникающей в каждом, который есть грех и отец греха. Посему-то апостол имеющих страстную душу называет *чадами гнева* (Еф. 2, 4) и отступивший от жизни именуется *сыном погибели* (2 Сол. 2, 3), а человек сластолюбивый и изнеженный назван сыном девок-блудниц (ср.: 1 Цар. 20, 30), равно как, напротив сего, имеющие чистую совесть называются *сынами света* (Лк. 16, 8) и *дня* (1 Сол. 5, 5), а другие, укрепившие себя до Божественной силы, и сынами *силы* (Суд. 21, 10).

Посему, когда Господь учит нас в молитве называть Бога Отцом, не иное что, кажется мне, делает, как узаконяет возвышенный и выспренний образ жизни; потому что истина учит нас не лгать, не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцом своим Нетленного,

Праведного и Благого, родство сие оправдывать жизнию. Поэтому видишь ли, сколько потребно нам приуготовления, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы с возвышением нашей совести достигнуть такой меры дерзновения и осмелиться сказать Богу: *Отче*! Ибо если в виду у тебя деньги, если озабочен ты житейскою прелестию, если домогаешься людской славы, если служишь наиболее страстным пожеланиям и потом приемлешь в уста такую молитву, то что, думаешь, скажет Тот, Кто видит твою жизнь и слышит молитву? Такие, кажется мне, слышу слова, как бы Самим Богом изрекаемые подобному человеку: «И ты, растленный по жизни, называешь своим Отцом Отца нетления? Для чего нечистым своим голосом оскверняешь чистое Имя? Для чего речение это употребляешь лживо? Для чего оскорбляешь нескверное естество? Если ты чадо Мое, то, без сомнения, и жизнь твоя должна носить на себе черты Моих благ. Не признаю в тебе образа Моего естества, черты твои противоположны. Кое общение свету ко тьме? Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистого по естеству с нечистым? Велико расстояние между благодетелем и любостяжательным, непримиримо противление милостивого с неумолимым. У злых в тебе свойств иной отец. Мои порождения украшаются добрыми отеческими качествами, сын милостивого милостив, чистого — чист, нетленного — чужд растлению, благого — благ, правдивого — правдив. А вас не знаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сию молитву и Бога именовать Отцом своим.

Но вслушаемся еще в слова молитвы. При частом их повторении не уразумеем ли сколько-нибудь сокровенного в них смысла? *Отче наш, Иже еси на небесех*. Что добродетельною жизнию надлежит усвоять себя Богу, достаточно исследовано нами в предыдущих словах. Но кажется мне, что слово Писания указывает и на некий более глубокий смысл, ибо оно напоминает нам, из какого отечества мы ниспали и какого благородства лишились. Повествованием о юноше, оставившем отеческий дом и предавшемся распутной жизни, Писание, исторически описывая его удаление и греховную жизнь, показывает бедственное состояние человечества и не прежде возвращает сего юношу в первоначальное состояние, как по прочувствовании им настоящего бедствия, когда он пришел в себя и привел на мысль слова покаяния. А они согласны несколько со словами молитвы. Ибо там сказал юноша: *Отче, согреших на небо и пред тобою* (Лк. 15, 21), но не упомянул бы в исповедании о грехе на небо, если бы не был уверен, что небо — его отечество, оставив которое, он впал в согрешение. Посему-то помышление о таковом исповедании делает ему доступным отца, почему спешит он к сыну, приветствует лобзанием, что означает словесное иго, посредством евангельского предания устами возлагаемое на человека, свергшего с себя прежнее ярмо заповеди и отринувшего охранительный закон, потом возлагает на него одежду не иную, но первую, от которой обнажен был преслушанием, когда вместе со вкушением запрещенного (плода.— *Ред.*) увидел себя обнаженным. А перстень на руку с изображением, сделанным на обводе, означает возвращение образа; и ноги покрывает отец сапогами, чтобы, обнаженною пятою приближаясь к голове змия, не подверглись ранению. Посему, как там причиною оказанного юноше отцом человеколюбия послужило возвращение его в отеческий дом (а это есть небо, согрешившим на которое признает себя пред отцом): так, кажется мне, и здесь Господь, научая призывать Отца, *Иже на небесех*, делает тебе напоминание о благом отечестве, чтобы, возбудив сильнейшее пожелание прекрасного, поставить тебя на путь, снова ведущий в отечество.

Путь же, возводящий человеческое естество на небо, не иное что, как отступление и бегство от земных зол; а средством к избежанию зол не иное что, думаю, служит, как уподобление Богу; и уподобиться Богу значит сделаться праведным, святым, благим и всем сему подобным. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты сих совершенств, то как бы по естественному по-

рядку, без труда, из земной жизни переселится в страну небесную, потому что не такое расстояние между Божеством и человечеством, что есть у нас потребность в каком-нибудь орудии, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни нетелесной и духовной. Но, по разумному отлучению добродетели от порока, от одного человеческого произволения зависит быть человеку там, куда он преклонен пожеланием. Посему, так как никакого нет труда избрать доброе, а за избранием следует и приобретение того, что кем избрано, то возможно немедленно быть на небе и тебе, объявшему умом своим Бога. Если, как говорит Екклесиаст, *Бог на небеси горé* (5, 1), а ты, по слову Пророка, *прилепился Богови* (Пс. 72, 28), то по всей необходимости должно тому, кто в единении с Богом, быть там, где Бог.

Посему, предписав в молитве говорить, что Бог Отец наш не иное что повелевает, как богоугодною жизнью уподобляться Отцу небесному, и в другом месте яснее заповедует сие же самое, говоря: *будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Итак, если уразумели мы смысл таковой молитвы, то время уже уготовать души свои к тому, чтобы со временем осмелиться восприять устами сии речения и с дерзновением сказать: *Отче наш, Иже еси на небесех.*

Как явны признаки уподобления Богу, по которым каждому можно соделаться чадом Божиим, ибо сказано: *елицы приняша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12), приемлет же в себя Бога тот, кто восприемлет совершенство в добре, так и у лукавого нрава есть некие особые признаки, и кто имеет их, тому невозможно быть сыном Божиим, неся в себе образ противоположного естества. Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это — зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостяжательность, страстное пожелание, недуг славобесия; сим и подобными сему чертами отличается образ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернивший душу будет призывать отца, то какой отец услышит его? Очевидно, состоящий в родстве с призвавшим, а этот отец — не небесный, но преисподний. Признаки близости с кем носит на себе человек, тот и признает несомненно родство свое с ним. Итак, молитва человека порочного, пока он в пороке, бывает призыванием диавола, а кто оставил порок и живет в благости, глас того призывает Благого Отца.

Поэтому, когда приступаем к Богу, будем сперва обращать внимание на жизнь свою: имеем ли в себе что-либо достойное Божественного родства, и потом уже осмеливаться на произнесение такового слова. Повелевший сказать *Отче* не дозволил говорить ложь. Посему, кто жил достойно Божеского благородства, тот прекрасно возводит взор к Небесному граду, Небесного Царя именуя Отцом и Небесное блаженство — отечеством. К чему же клонится цель сего совета? К тому, чтобы мудрствовать нам горняя; где Бог, там полагать основание своего жилища, там собирать сокровища, туда переселиться сердцем своим, *идеже бо есть сокровище, ту и сердце* (Мф. 6, 21), и непрестанно иметь в виду отеческую лепоту и сообразно с оною украшать собственную душу. *Несть на лица зрения у Бога* (Рим. 2, 11),— говорит Писание. И от твоего образа да будет удалена такая нечистота. Божество непричастно зависти и всякой скверны, и на тебя да не кладут пятна подобные страсти: ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее Богоподобную лепоту. Если сделаешься таковым, то смело гласом своим призывай Бога и Владыку вселенной именуй Отцом своим. Он воззрит на тебя отеческими очами, облечет тебя в Божественную одежду, украсит перстнем и ноги твои для шествия горé снабдит евангельскими сапогами, восстановит тебя в Небесное отечество, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему подобает слава и держава во веки веков. *Аминь.*

Учение о благодати в творениях архиепископа Серафима (Соболева)

Один из крупнейших богословов нашего времени архиепископ Серафим всегда настаивал на том, что православное богословие прямо пропорционально целомудрию. Для того чтобы постичь православную истину, необходимо вести целомудренную, чистую жизнь. Если душа погрязла в грехах, то она не может постигать и правильно отражать светлые и чистые богооткровенные истины. Ереси рождаются в душах нечистых и по преимуществу исполненных гордостью, приводящей часто к духовной прелести.

Архиепископ Серафим, человек глубокого смирения и высокой духовной жизни, считал своим призванием и долгом защищать православную истину в нашем развращенном и полном еретических заблуждений веке. Он бескомпромиссно выступал против всякой неправильной, еретической мысли, даже если она встречалась в трудах богословов, претендующих быть православными. Он не боялся спорить с самыми большими, согласно общественному мнению, авторитетами в богословии и даже с архиереями самого высокого ранга, если дело касалось спасительной Божественной истины. Не проявляя никакой личной неприязни к согрешающим против Православия, он никогда не жертвовал истиной ради неправильно понимаемой *любви* к ближним, помня слова святого апостола Павла: *Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10).

Архиепископ Серафим противостоял модернизму в богословии, выступал против введения новшеств, порождающих ереси и удаляющих православных христиан от спасения. Он глубоко почитал древнюю святоотеческую мудрость и исповедовал Божию истину как нечто вечное, абсолютное и совершенное, не подлежащее никакому развитию и обновлению. Развитию может и даже должен подлежать несовершенный и грешный человек, стремящийся к познанию Божественной истины, но не сама истина. Потому цель богословской науки не в открытии новых истин, а в систематизации истин, открытых Богом, и в их усвоении. Вот как говорит об этом сам Владыка Серафим: «Не надо думать, что догматика похожа на всякую другую науку. В последней можно открывать новые истины, а в догматике нельзя. Здесь все истины уже открыты Богом Спасителем нашим. *Вся яже слышах от Отца Моего,*— говорил Господь ученикам,— *сказах вам* (Ин. 15, 15).

Надо заметить, что это сказал Господь ученикам до Пятидесятницы, когда они еще не вполне понимали учение Христа (ср.: Мф. 20, 21—22; Мк. 8, 17; Лк. 22, 24—27; Ин. 16, 17—18), почему Спаситель на Тайной Вечери говорил им: *Еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне, Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину. Той вы научит всему, и воспомянет вам вся, яже рех вам* (Ин. 16, 12—13; 14, 26). Когда же на апостолов снизошла благодать Святого Духа, тогда-то все истины, открытые им Христом, стали и их достоянием, сделались для них ясными и понятными. Благодать Святого Духа обогатила их Божественным ведением в полноте, по слову Апостола Павла. Господь даровал им благодать *в преизбытке (...) во всякой премудрости и разумении* (Еф. 1, 8). *Кто познал ум Господень,*— сказал Апостол,— *чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2, 16).

Господь открыл апостолам все Свои Божественные истины, а через них — и всем нам. Благодатью Святого Духа они восприняли все Божественное Откровение, принесенное Богочеловеком на землю, с абсолютной правильностью. Поэтому и о их учении нельзя сказать, что оно включило новые догматические истины сравнительно с тем Божественным Откровением, которое они записали или устно нам передали.

Движимые Святым Духом, и Отцы Церкви в своем богословском учении не делали открытия новых догматических истин, но сохраняли в неповрежденном виде истины православной веры, которые они получили от святых апостолов. Святые отцы систематизировали эти истины для успешной борьбы с ересями и облекали их в общедоступную форму, дабы верующие могли не только разумно исповедовать свою веру, но всегда были готовы дать ответ *всякому, требующему ... ответа в их уповании* (1 Пет. 3, 15).

Тем более не приходится говорить об открытии новых догматических истин в богословствовании людей обыкновенных. Все наши догматические учения выводятся из Евангелия, догматические истины можно постигнуть, но нельзя открыть.

«Если мы не будем следовать в своих богословских учениях святоотеческому богословскому направлению, то эти учения будут не догматическими, а только нашими собственными, что часто и служило основанием для пагубных ересей. Нам надо иметь в области догматического мышления предел, чтобы наша так называемая «свободная богословская мысль», столь ублажаемая модернизмом, не завела нас в еретические дебри, открывающие для нас один только путь — на вечные адские муки»,— предостерегает Владыка Серафим («Новое учение о Софии, Премудрости Божией», с. 20—23).

В конце XIX и начале XX века в русской богословской мысли появилось множество модернистских идей, распространяемых в угоду обмирщенному человеку. Они вызывали у архиепископа Серафима сильное и основательное беспокойство, ибо указывали на стремительно надвигающееся гибельное отступление от православной истины, которое является самым главным знамением приближения царства антихриста. В своих проповедях и богословских трудах Владыка излагал истинное святоотеческое учение по многим основным вопросам православной веры, таким, как: догмат о Святой Троице, догмат об искуплении, догмат о спасении, догмат о Царстве Божием.

Архиепископ Серафим был ревностным защитником православной веры, бескомпромиссным обличителем современных ересей, проповедником спасительных для нас богооткровенных истин, в особенности учения о благодати как о спасительной силе Божией.

Владыка Серафим очень часто говорил о Божественной благодати в своих проповедях, а в работе «Искажение православной истины в русской богословской мысли» (София, 1943) он подробно излагает учение Православной Церкви о благодати в противовес неправильному мнению протоиерея П. Светлова, толкующего догмат о Божественной благодати в современно-гуманистическом, а не святоотеческом духе.

Рассматривая учение о благодати, Владыка Серафим исходит из факта, что из-за грехопадения человек потерял этот дивный Божественный дар, а вместе с ним и райское блаженство. Грех, проклятие и смерть стали его участью. Большая часть человечества впала в язычество и идолопоклонство. Только ветхозаветный богоизбранный народ сохранял истинную веру в Бога. Этому народу Бог посылал многократно пророков и праведников, которые его учили истинному богопочитанию. Несмотря на это, до пришествия Иисуса Христа на землю все люди, не только язычники, но и иудеи, после своей смерти сходили в ад, потому что все были жертвами греха, проклятия и смерти. От этих гибельных последствий грехопадения нас избавил наш Искупитель, Иисус Христос.

Это догматическое учение Церкви, по словам архиепископа Серафима, «мы должны не только умом, но и всем сердцем воспринять... чтобы оно было для нас убедительным, непоколебимым и спасительным. И сие знание будет для нас таким, если мы свой ум подчиним уму Христову, уму апостольскому и святоотеческому и не будем смущаться человеческими неправильными богословскими умствованиями, которые издавна стремились и стремятся поколебать ту или другую истину нашей православной веры».

Примером такого неправильного богословского умствования, подрывающего церковное и святоотеческое учение, является мнение некоторых современных богословов, полагающих, что крестная смерть Христа не была нужна для спасения нас от проклятия, ибо люди за свое падение Богом не проклинались, а вместо них за это была проклята земля. Владыка Серафим по этому поводу говорит так: «Чтобы выяснить,

насколько это богословское мнение несостоятельно, мы опять обратимся к свидетельству Божественного Писания и святоотеческого учения. Исходя из этих благодатных источников нашего вероучения, мы должны прежде всего сказать, что место Священного Писания, в котором повествуется о проклятии земли, вовсе не говорит, что за падение человека вместо него проклята земля. Если вследствие этого падения проклинается земля — ни в чем не повинное творение Божие, только ради своей связи с жизнью на ней человека, то как можно допустить с точки зрения божественного правосудия, что сам человек, согрешивший и виновник этого проклятия, оставался вне его? О том, что и человек подпал клятве Божией, свидетельствует изгнание его из рая, лишение райской благодати, вся последующая его жизнь, исполненная тяжких трудов и скорбей, и, наконец, его тление и смерть.

Впрочем, в Священном Писании мы находим прямое свидетельство, из которого видно, что Христос Своею крестною смертью искупил нас от клятвы, под которой все люди находились с момента грехопадения наших прародителей. В своем послании к Галатам Апостол Павел говорит: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (3, 13)... А в тропаре в честь великого праздника Рождества Пресвятой Богородицы мы слышим такие слова: *из Тебе бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш и разрушив клятву, даде благословение.*

Очевидно, это ошибочное богословское мнение касательно догмата искупления покоится на неправильном понимании клятвы, которая есть не что иное, как отлучение человека от общения с Богом, со всеми гибельными отсюда для него последствиями, как во временной сей жизни, так и в жизни будущей, загробной».

Однако возвратимся к учению о благодати. Без благодати нет спасения, утверждает архиепископ Серафим. Без нее никто не может вести спасительную, святую жизнь. Размышляя о разных проявлениях благодати, он говорит: «По учению преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, надо различать два вида благодати: благодать внешнего промышления, через которую Господь действует во всем мире или непосредственно, или посредством ангелов, людей и даже видимой природы; и благодать как внутреннюю божественную силу...»

Она действовала в жизни первых людей в раю и была источником их истинного ведения, святости и блаженства. После же падения наших прародителей она оставила их, и потребно было Спасителю воплотиться, пострадать, умереть и воскреснуть, чтобы сия благодать опять была дарована людям. Эта милость Божия и излилась на нас, когда, по обетованию Христа, Дух Святый в Своей многообразной благодати сошел на Апостолов, как истина (ср.: Ин. 5, 6; Ин. 1, 5, 26; 16, 13) и как утешение (ср.: Ин. 14, 16, 26; 15, 26; 16, 7) или божественная радость. С тех пор благодать Святого Духа стала подаваться верующим в Церкви через Таинства Крещения и Миропомазания для возрождения нашего ума, воли и сердца.

Как возрождающая Божественная сила, она стала царствовать внутри нашего существа, в самом сердце человека. До появления этой благодати, как учит блаженный Диадох, в сердце царствовал грех, а благодать действовала совне. А после явления благодати грех действует на человека совне, а благодать — в сердце. В этом, между прочим, состоит различие между Ветхим и Новым Заветом.

Конечно, по существу мы никогда не определим, что такое благодать Божия. Преподобный Макарий Великий учит, что как Бог непостижим в Своем существе, так не может быть познана в своей сущности и благодать Святого Духа, ибо она есть неотделимая от Бога Его Божественная сила. Вот почему Сам Господь, предлагая учение о благодати как действии Святого Духа, прибегал к притчам. Ее Он имел в виду, как говорит преподобный Симеон Новый Богослов, когда сказал: *Огня приидох воврещи на землю и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. 12, 49).

Однако мы можем познавать благодать Святого Духа опытно, духовно, когда будем испытывать в своем сердце ее спасительные действия, воспринимая от нее истинное ведение о Боге и о мире, чувствуя в себе ее силу для борьбы со грехом и ее неизреченную радость. Мы узнаем, что такое благодать Святого Духа, только тогда, когда она будет в нас царствовать

над всеми нашими страстями и мы будем ощущать ее, как Царство Божие, как *правду, мир и радость о Духе Святе* (Рим. 14, 17).

Такое именно опытное познание о благодати оставили нам в своих творениях Отцы Церкви: преподобные Антоний Великий, Макарий Великий, Симеон Новый Богослов, блаженный Диадох и великий богослов нашей Русской Церкви святитель Феофан Затворник. Они чувствовали в себе благодать Святого Духа как дар божественного ведения и премудрости, и настолько, что могли других озарять светом божественной истины. Они ощущали в себе благодать как Божественную силу, ибо ею совершали дивные чудеса, ею предсказывали будущее. Эта благодать переживалась ими как внутренняя неиссякаемая божественная радость, которую они испытывали непрестанно и которою утешали скорбные сердца верующих.

Ясно отсюда, каким великим благом является для нас благодать Святого Духа. Что она есть самое драгоценное сокровище, об этом свидетельствует учение Христа, Апостолов и святых отцов. По учению Христа, благодать Святого Духа является таким величайшим для нас благом, что ниспослание ее нам было целью Его страданий и смерти, как это видно из Его прощальной беседы с учениками (ср.: Ин. 16, 7). Так смотрели на благодать и Апостолы, ибо учение о спасении благодатию, в силу крестной смерти Христа, было центральным в их благовестии, о чем особенно ярко свидетельствуют послания Апостола Павла. Не могли иначе смотреть на благодать Божию и святые отцы Церкви. Так, преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего домостроительства Христова, чтобы верующие принимали в души свои Духа Святаго, и чтобы Он был как бы душою нашей души, и чтобы действием Сего Духа мы переплавлялись и пересозидались по уму, совести и по всем чувствам». А великий угодник нашей Русской Православной Церкви преподобный Серафим Саровский учил, что стяжание благодати Святого Духа (т. е. раскрытие ее в нас) есть цель всей нашей жизни христианской...

Поэтому мы должны радоваться и благодарить Бога, что являемся чадами Православной Церкви Христовой, через которую Господь дает нам эту великую благодать, не сравнимую ни с какими сокровищами мира».

Однако у многих из нас, православных христиан, благодать остается нераскрытой из-за нашего греховного состояния. Хотя мы ее и получаем в Святых Таинствах, она тлеет в нас, как искра под пеплом всевозможных наших страстей.

«Нет в нас решимости,— говорит архиепископ Серафим,— возгревать ее неуклонным исполнением Божественных заповедей. Поэтому благодать Святого Духа и не может научать нас истинам веры и жизни христианской, хотя бы мы день и ночь читали Евангелие и, таким образом, учились делу спасения непосредственно из слова Христа. Такое непосредственное наше научение истинам Божественного Откровения, при отсутствии сердечной чистоты, приводит к всевозможным заблуждениям, ересям и сектам. Пока царствуют в нас грех и страсти, слово Божие подобно для нас ослепительному свету солнца, на которое нельзя прямо смотреть, иначе мы можем повредить свое зрение.

Что же нам делать, возлюбленные, чтобы благодать Святого Духа и нас научала всему спасительному? — Мы, грешные и немощные люди, можем научаться и просвещаться светом возрождающей крещенской благодати через благодатное учение Отцов Церкви. Последние своею святою жизнью раскрыли в себе крещенскую благодать во всей полноте. Она сделалась для них источником истинного ведения, которое они передали нам в своих творениях. Поэтому, если благодать сия не горит в нас Божественным светом, в силу нашей греховности, то будем за благодатным научением истинам веры и жизни обращаться к Отцам. Только через благодатное ведение святых отцов мы можем спасительно просвещаться Божественным Откровением и правильно воспринимать умом и сердцем его учение. Благодать Святого Духа действовала в святых Отцах, как и в Апостолах. Она во всей глубине раскрыла им все Божественное Откровение Ветхого и Нового Завета и уяснила им для нас все истины как в области догматической, так и в области нравственной на все века».

Архиепископ Серафим учит нас читать и изучать труды святых отцов, так как они показывают нам, как надо

жить истинной христианской жизнью:

«В силу такого отношения к учению Отцов Церкви мы приобретаем самую драгоценную добродетель — смирение, ибо, обращаясь к авторитету святых отцов, мы тем самым будем отвергать свое горделивое и самолюбивое мудрование. И ради одного только смирения, хотя бы у нас не было никаких других подвигов, Господь не лишит нас благодати Святого Духа, согласно Своему слову: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (1 Пет. 5, 5) и еще: *приидите ко Мне... и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28—29).

Тогда, ради нашего смирения, благодать, данная нам в Таинстве Крещения, будет действовать и приумножаться в нас, просвещая и научая нас, под постоянным руководством Церкви и учения святых отцов, истинной вере и истинной христианской жизни».

Под истинной верой архиепископ Серафим понимает правильную в догматическом отношении веру, каковой является единственно православная вера, а под истинной христианской жизнью — богоугодную нравственную жизнь по евангельским заповедям, основанную на православной вере. Владыка Серафим в своих проповедях рассматривает благодать то в догматическом, то в нравственном смысле.

Рассматривая благодать в догматическом смысле, он называет ее «источником знания». Только источником знания она была вначале и для Апостолов. Несмотря на то что Сам Господь просвещал их в истинной вере, они долгое время не могли постигнуть ее полностью.

«Из Евангелия видно, что ученики Христовы не могли усвоить учение о Таинстве Евхаристии. Они склонны были до самых последних дней жизни Христа смотреть на Него как на Мессию в смысле земного царя. Об этом свидетельствует просьба Апостолов Иакова и Иоанна позволить одному сесть по правую, а другому по левую сторону Христа в земном Его Царстве (ср.: Лк. 22, 24). Даже на Тайной Вечере ученики спорили между собою из-за старшинства (ср.: Лк. 22, 24). А когда Господь начал говорить им о приближении Своей крестной смерти и о том, что Он явится им по воскресении, они сказали: *не вемы, что глаголет* (Ин. 16, 18). Поэтому Господь на той же Тайной Вечере сказал им: *еще много имам глаголати вам, но не можете носити* (вместить) *ныне* (Ин. 16, 12).

Когда же на Апостолов сошла благодать Святого Духа в пятидесятый день по Воскресении Христа, то она их мгновенно переродила, просветила и открыла им все тайны божественного домостроительства... Благодать Святого Духа, сойдя на Апостолов, не оставила в них и тени от прежнего непонимания Христова учения, ибо действием этой благодати их ум со всею полнотою и правильностью воспринял все истины, преподанные им Христом, почему Апостол Павел от лица всех других Апостолов сказал: *глаголем премудрость Божию в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу. Юже никтоже от князей века сего разуме... Нам же Бог открыл есть Духом Своим; Дух бо вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2, 7—8, 10).

Благодать в нравственном смысле архиепископ Серафим называет средством духовного обновления верующих. В одной из своих проповедей на Благовещение он говорит, что спасение, которое совершается при помощи благодати, состоит в том, чтобы достичь первоначальной райской чистоты и невинности. Владыка Серафим называет благодать «внутренней возрождающей силой для нашего соединения с Богом». Более всего мы должны заботиться о том, чтобы не отпасть от этой благодати:

«Мы должны помнить всегда слова Апостола Павла в Послании к евреям: *наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией... будем хранить благодать* (12, 15, 28). Ясно, что в хранении благодати должны заключаться все наши заботы, в этой благодати все наше счастье и спасение. Без нее наша душа мертва, ибо *Святым Духом всяка душа живится*. Но ясно отсюда и то, что потеря сей благодати является для нас самым великим несчастьем».

Вот почему мы должны знать, через какие грехи, по преимуществу, происходит отпадение от благодати Святого Духа. Из Священного Писания нам известно, что такими грехами являются гордость (ср.: 1 Пет. 5, 5), плотский разврат (ср.: Быт. 6, 3) и немилосердие (ср.: Лк. 12, 45—46).

В одной из своих проповедей, на

праздник Святой Троицы, Владыка Серафим говорит о благодати как о причине дивного изменения нашей души, подобного тому, которое произошло в душах Апостолов в день Пятидесятницы, при сошествии на них Святого Духа:

«Его благодатию они из греховных сделались святыми; из объятых страхом от иудеев они сделались мужественными всенародными их обличителями, из неведущих Писание превратились в богословов, обогатившись всею высотою и глубиною Божественного ведения и премудрости; из печальных они сделались радостными, восприявши в сердца свои нескончаемое блаженство Небесного Царства Христова. Наконец, тою же благодатию Святого Духа они получили такую веру, которая своими великими чудесными знамениями сломила языческий и иудейский мир и сделалась основою для новой христианской жизни на земле».

Такие дивные благодатные изменения происходили и в жизни всех истинных последователей Христа. Об этом свидетельствуют жизнеописания угодников Божиих, которые получали разнообразные дарования Святого Духа и этим уподоблялись Апостолам. Особенно поразительными были перемены в жизни великих грешников, которые после обращения к Христу удостаивались получать самые высокие дарования. Такими были преподобная Мария Египетская, преподобный Моисей Мурин и другие. Подобные изменения могут происходить и с нами:

«Это изменение нашей души как действие и проявление Духа Святаго есть Царство Божие, о котором Господь сказал: *Царство Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Очень хорошо знает всю ценность этого изменения человеческой души от благодати Святого духа и диавол. А также знает он хорошо и то, что оно совершается через Церковь. Поэтому вот уже около двух тысяч лет диавол неистово стремится уничтожить Православную Церковь на земле. Он старается этого достигнуть, возбуждая против Церкви всевозможные бури неверия со стороны безбожников и еретиков. Как никогда, это неверие стало угрожать церковному кораблю ныне. Настоящее положение Православной Церкви можно уподобить тому состоянию, которое некогда переживали Апостолы во время страшной бури на море, когда утомленный Господь спал на корме лодки (ср.: Мф. 8, 23—27). Когда волны заливали ее и не было уже надежды на спасение, ученики разбудили Иисуса Христа и сказали Ему: *Господи, спаси ны, погибаем* (Мф. 8, 25). Господь в одно мгновение укротил бурю, и первоначальная Церковь Христова в лице Спасителя и Апостолов была спасена от гибели.

Будем верить, возлюбленные, что и в переживаемое Церковью страшное для нее время, когда кажется, что она совсем погибает от вражиих сил, Господь дарует ей Свою помощь, спасет ее от гибели. Как же может быть иначе, когда Он дал ей такое отрадное и непреложное обетование в словах: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16, 18), и когда Он обещал пребывать с нею навсегда, сказавши: *се Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века* (Мф. 28, 20)».

В другой своей проповеди Владыка Серафим говорит о благодати как об истинном блаженстве: «Благодать Духа в ее различных и дивных проявлениях рождает в нас блаженство Царства Божиего. Поэтому она есть наше истинное христианское счастье. Недаром Господь Спаситель назвал Святого Духа Утешителем (ср.: Ин. 14, 26; 15, 26; 16, 7). Сие наименование говорит нам, что только от Духа Святого мы можем иметь настоящее утешение во всех наших скорбях и через Его благодать еще здесь получить доступ ко всем радостям Божественного Царства».

В своих проповедях архиепископ Серафим подчеркивает, что мы должны стремиться к благодати как к самому драгоценному сокровищу, как к высшей цели всей нашей жизни: «Если этой цели у нас нет, то какие бы добрые дела мы ни совершали, мы не спасемся. И как может быть иначе? Ведь ради дарования благодати Святого Духа Господь пострадал и умер на Кресте: *Уне есть вам,*— говорит Он,— *да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам; аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин. 16, 7). Ведь эта благодать Святого Духа есть, по учению преподобного Антония Великого, тот бисер, о котором говорил Господь, или то сокровище, ради которого мы должны пожертвовать всем, чтобы его приобрести. Эта благодать Святого Духа, по

учению преподобного Макария Великого, и есть Царство Божие, которое обнаруживается в душе христианина своими дивными проявлениями: *правды, мира и радости* (ср.: Рим. 14, 17). К сей благодати, как к Царству Божиему, Господь и велит нам прежде всего стремиться, когда говорит: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33; Лк. 12, 31)».

Но что значит приобрести благодать Святого Духа? Благодать подается Самим Богом в Таинстве Миропомазания, но удержать ее человек может, только живя чисто и непорочно. По словам преподобного Симеона Нового Богослова, «приятие Святого Духа означает возгревание, или раскрытие в нас, посредством исполнения заповедей, благодати, которую мы получаем в таинствах...»

Говоря, что цель нашей жизни состоит в благоугождении Христу Богу через приятие Святого Духа, Симеон Новый Богослов призывает нас к великому подвигу, к тяжелому, тернистому, скорбному пути, на котором только и возможно стяжание благодати Святого Духа. О том, что представляет собою этот путь, преподобный Антоний Великий говорит: «Я молился о вас, да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я. Если хотите получить Его так, чтобы Он пребыл в вас, принесите прежде труды телесные и смирение сердца, и восторгая помышления свои на небо, день и ночь взыщите с правотою сердца Духа сего огненного — и Он дастся вам навсегда и навеки... И Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей, и будет у вас небесная радость день и ночь и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в Царствии Небесном».

Нелегко стяжать благодать Святого Духа. Для этого требуется великий подвиг непрестанной молитвы и смирения. Все мы знаем по своему собственному опыту, как трудно достигнуть нерассеянной и непрестанной молитвы. А также знаем, как трудно смиряться и не тщеславиться, когда нас хвалят, как трудно не огорчаться и молчать, когда нас оскорбляют, как трудно любить тех, которые нас ненавидят, как трудно благословлять тех, кто нас проклинает. Поистине от нас требуется умереть для всех страстей, для всего мира, лежащего во зле.

Святые отцы зовут нас следовать сим путем и потому, что если мы сами добровольно не обречем себя на страдания ради святой жизни, то Господь будет тяжко наказывать нас несчастиями, чтобы вразумить и поставить на путь спасительной жизни. Если же мы не вразумимся этими наказаниями и отвергнем сей путь стяжания благодати, то окажемся повинными в неприятии жертвы Христовой, которая была принесена на Кресте только для того, чтобы даровать нам сию благодать (ср.: Ин. 16, 7). За этот великий грех Господь отвергнет нас на Страшном Суде Своем, и мы не войдем для вечного блаженства в брачный чертог Христов. И как сможем мы войти в него, когда окажемся без брачной одежды, которая, по учению Симеона Нового Богослова, есть не что иное, как благодать Святого Духа.

Да не будет сего с нами. Будем стремиться к стяжанию благодати Святого Духа как цели всей нашей жизни чрез крестный путь умерщвления в себе страстей и исполнения заповедей Божиих. Тогда нашим уделом будут не только скорби, но и великие радости, подобные тем, которых были удостоены апостолы и все угодники Божии. По слову Апостола Павла, *всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще... присно бо мы живии в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей... Темже не стужаем си: но аще и внешний наш человек тлеет, но внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 10; 11, 16). *Зане якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1, 5).

Много страдали святой Андрей Христа ради юродивый, преподобный Серафим Саровский, но и тот и другой утешаемы были от Бога многими видениями и откровениями, и наконец удостоил их Господь неизреченного блаженства — они еще при земной жизни были вознесены до третьего неба. Тяжко страдал в своей жизни праведный Прокопий Устюжский, Христа ради юродивый, но он получал и величайшие утешения от Бога, почему и говорил: «люта зима, но сладок рай».

Если мы будем стремиться к стяжанию благодати Святого Духа как цели

своей жизни, тогда Господь наградит нас и земным благополучием, и земным счастьем. Он исполнит тогда на нас Свои Божественные слова: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33).

Как бы ни были велики усилия нашей воли для достижения Царствия Божия, без содействия благодати мы его не достигнем. Вопрос о неразрывном совместном действии благодати и свободной воли человека архиепископ Серафим рассматривает в своем сочинении «Искажение православной истины в русской богословской мысли». Вот что мы читаем там: «Возникает вопрос: каково же участие нашей свободной воли в достижении нами Царства Божиего? В ответ на это мы укажем на следующие слова Господа: *Царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Следовательно, по учению Спасителя, мы должны явить великие усилия нашей свободной воли, великие труды и подвиги, чтобы восхитить Царство Божие, то есть сделаться его обладателями. Царство Божие есть Божественная благодать, или Божественное семя. Но чтобы возрастить сие семя, возгреть или вскрыть сию благодать до ее дивных проявлений, от нас требуется решительное, неуклонное исполнение Божественных заповедей, для чего мы должны вступить в тяжкую борьбу со страстями и идти узким и тернистым путем, пройденным... всеми святыми. Так смотрели на дело и Апостолы... Так учили и святые отцы Церкви. По словам Каллиста и Игнатия, «в Божественных ложеснах, т. е. в священной купели крещения, всецело совершенную Божественную благодать приемлем мы туне. Если же после того как-нибудь, по многозаботливости о делах житейских, закроем ее мглою страстей, то можно и после сего, чрез покаяние и исполнение заповедей богодейственных, опять восприять и снова стяжать преестественную ее светлость и увидеть наияснейшие проявления ее. Проявление ее открывается по мере ревности каждого быть верным вере».

В своем слове о терпении и рассудительности преподобный Макарий Великий говорит: «Много потребно нам веры, терпения, внимательности и подвигов, сверх того, нужно алкать и жаждать добра с великим благоразумием и с великою рассудительностью... Ибо многие из людей... хотят получить царствие без трудов и потов. И ублажают они святых мужей, желают их славы и дарований, но не хотят иметь общения в равных с ними скорбях, трудах и страданиях...»

Приводя и другие высказывания святых отцов о необходимости подвижнической жизни, архиепископ Серафим делает следующее важное напоминание: «Конечно, употребляя великие усилия воли для стяжания Царства Божиего, мы не должны полагаться на свои труды. Ни на одно мгновение мы не должны забывать, что процесс раскрытия в нас Царства Божиего, или крещенской благодати, невозможен и немыслим без помощи Божией, то есть без той же благодати Святого Духа. Мы должны всегда помнить слова Господа: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

Эта Божественная мысль выражена и в словах Апостола Павла: *Благодатию бо есте спасени чрез веру; и сие не от вас, Божий дар* (Еф. 2, 8).

По словам преподобного Симеона Нового Богослова, «как невозможно дому прочно стоять без основания, так душе, верующей во Христа, невозможно явить богоугодное житие, если в нее не вложена будет, как основание, благодать Святого Духа... Ибо Святой Дух животворит душу, как душа тело».

«Как тело без души мертво и не может ничего делать,— говорит преподобный Макарий Великий,— так без небесной души, без Духа Божия и душа мертва для Царства и без Духа не может делать ничего, что Божие».

И не только для стяжания Царства Божиего чрез борьбу со страстями и исполнение заповедей нам необходима благодать Святого Духа, как Божественная сила. Она необходима и тогда, когда мы достигаем этого Царства и делаемся обладателями дивных, совершенных проявлений возрождающей благодати. Можно даже сказать, что тогда еще более потребна нам помощь от сей благодати. Известно, что воры и грабители особенные усилия своей преступной воли направляют туда, где находятся самые драгоценные сокровища. Точно так же и бесы больше всего нападают на тех, которые обладают величайшими духовными сокровищами — совершенными проявлениями благодати Святого Духа, ради чего пролил на кресте Свою бесценную кровь

наш Спаситель. В данном случае нечистые духи стараются погубить благодатное совершенство через внушение праведникам тщеславных помыслов. Так они искушали преподобных Антония Великого, Макария Великого, Симеона Столпника, Святителя Тихона Задонского и великого угодника Божия преподобного Серафима Саровского.

Ввиду этих искушений от диавола великие угодники Божии особенною своею заботою имели стяжание смирения. Оно было самою отличительною их чертою. И чем более было в их жизни благодатных плодов, тем большим смирением они украшались...

Эти чувства благоговения и страха — как бы не потерять полученное благодатное совершенство — всегда были присущи святым, ибо они знали, что чрез гордость лишился благодатного совершенства денница и пали первые люди. Вот почему преподобный Макарий, имея в виду достигших благодати в ее совершенных проявлениях, сказал: «Но и те самые, которые вкусили Божией благодати и стали уже причастниками Духа, если не будут осторожны, угасают и делаются хуже того, какими они были, живя в миру».

Ясно отсюда, как необходима помощь Божественной благодати и для достигающих Царства Божиего, и для достигших всей его благодатной высоты».

В заключение приведем некоторые мысли архиепископа Серафима о возрождающей благодати как самом главном признаке, отличающем православных христиан от язычников, иудеев и инославных: «Мы видели, что крещенская возрождающая благодать в ее дивных проявлениях присуща только Православной Церкви. Поэтому сия благодать, или, что то же, Царство Божие, есть главнейший существенный признак, которым отличаются православные христиане от язычников и иудеев, так как у них нет сей благодати. Хотя последняя и сообщается в католичестве, тем не менее и здесь нет Царства Божиего в проявлениях благодати Святого Духа, так как сия благодать не спасительна здесь, т. е. не может обнаружиться в своих проявлениях, вследствие присущих католичеству ересей. И это понятно, ибо Апостол Павел сказал: *Аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8). Ввиду этого хотя по апостольскому преемству внутренняя возрождающая благодать и сообщается в католичестве чрез Таинства Крещения и Миропомазания, но, в силу указанных слов апостола Павла, она здесь не действует, и принявшие эту благодать отлучаются от нее, точнее, от ее спасительного действия. Благодать сия, хотя и остается в католичестве в силу того, что Божественные дарования нераскаянны, то есть непреложны, но она уже не действенна и не спасительна.

Что касается протестантства, то в нем нет ни апостольского преемства, ни Таинства Миропомазания. Следовательно, здесь нет даров Святого Духа, а вместе с этим не может быть совсем и их проявлений. Ясно, что в протестантстве нет Царства Божиего или действенной благодати Святого Духа ни в ее сущности, ни в ее проявлениях.

Поэтому внутренняя возрождающая благодать является самым главным признаком, коим мы, православные христиане, отличаемся от католиков и от протестантов».

Архиепископ Серафим при этом указывает, что исповедания православной веры самого по себе недостаточно для того, чтобы спастись, и делает одно исключительно важное разграничение и между православными христианами: «Наконец, эта благодать Святого Духа, или Царство Божие, есть тот самый главный существенный признак, который отличает православных христиан, раскрывающих ее исполнением спасительных заповедей, от тех православных христиан, которые не раскрывают ее жизнью по заповедям.

Поэтому первые как обладатели Царства Божиего еще в земной жизни получат после смерти и Страшного Суда Христова спасение и вступят в вечное Царство славы, а вторые, как не раскрывшие в себе крещенской благодати исполнением заповедей, покаянием и смирением сердца, не войдут в Царство славы и навеки погибнут».

Это особенно важно помнить в наши дни, во время усиливающегося отступления от православной веры и отступления православных христиан от спасительного пути исполнения заповедей Христовых, что предвозвещает близкое пришествие антихриста. По предсказаниям святых отцов, этот враг челове-

ческого спасения будет стремиться не только к физическому уничтожению чад Православной Церкви, но и к погублению их душ, искупленных драгоценною кровью нашего Спасителя.

В это страшное время будем помнить, что самая сильная наша защита есть благодать Святого Духа, только с ее помощью мы сможем сохранить до конца свою верность Господу.

Архимандрит СЕРАФИМ

* * *

Архиепископ Богучарский Серафим (в миру Николай Соболев) родился 1 декабря 1881 года. Учился в Рязанской Духовной Семинарии и окончил ее первым учеником. Уже в предпоследнем классе Семинарии он дал обет принять монашество, тщательно скрывая это от матери; но из послушания ей согласился вступить в брак. Сватовство тем не менее каждый раз по различным причинам расстраивалось. Мать благословила Николая учиться в Санкт-Петербургской Духовной Академии, куда он поступил в 1904 году. Будучи студентом, Николай постоянно ходил к ранней литургии в Александро-Невскую Лавру, читал творения отцов Церкви и жития святых. Когда он учился на втором курсе, по его молитве произошло явное чудо: внезапно выздоровела сестра Николая, находившаяся при смерти.

В Санкт-Петербурге Николай Соболев несколько раз встречался со святым праведным Иоанном Кронштадтским и удостоился от него особого благословения.

На четвертом курсе Академии в 1908 году он был пострижен в монашество с именем Серафим (в честь преподобного Серафима Саровского). В том же году был рукоположен во иеромонаха.

В 1908 году иеромонах Серафим окончил Академию одним из лучших и был назначен преподавателем Пастырского училища в Житомире. С 1909 года он — помощник смотрителя Духовного училища в Калуге. Здесь он часто посещает Оптину пустынь, бывает у старцев Варсонофия, Иоанна и Анатолия. Последний становится его духовником.

В 1911 году иеромонах Серафим назначается инспектором Духовной Семинарии в Костроме, а с декабря 1912 года становится ректором Воронежской Духовной Семинарии в сане архимандрита.

На праздник Покрова Пресвятой Богородицы, 1/14 октября 1920 года, в кафедральном соборе города Симферополя архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии.

В апреле 1921 года Святейший Патриарх Тихон назначает Владыку Серафима управляющим русскими православными приходами в Болгарии с титулом епископа Богучарского.

В Болгарии Владыка Серафим ведет активную деятельность — проповедует, объезжает русские приходы в провинции, посещает русские учебные заведения, становится попечителем Кресто-Воздвиженской гимназии. По его благословению был создан комитет для сбора помощи голодающим русским инокам на Афоне.

В 1934 году епископ Серафим возведен в сан архиепископа, в 1937 году удостоен степени магистра богословия.

Долгое время Владыка Серафим и его паства были разобщены с Русской Православной Церковью. Только в 1946 году совершилось воссоединение православных приходов, находящихся на территории Болгарии, с Русской Православной Церковью.

В 1948 году архиепископ Серафим принял деятельное участие в совещании Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей в Москве по вопросу об экуменическом движении, где выступил с докладом «Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?» На этот вопрос Владыка ответил отрицательно.

За свою подвижническую жизнь Владыка Серафим был одарен Господом редким даром проникать в глубины богословия и усматривать там самые тонкие отклонения от православной истины. Богословские труды Владыки почти не знакомы нашему читателю, но представляют очень большой интерес. Основной его труд — «Защита софианской ереси протоиереем Сергием Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви» — вскрывает всю догматическую несостоятельность и вред учения отца Сергия Булгакова о Софии.

Скончался архиепископ Серафим 26 февраля 1950 года в Болгарии, в Неделю Торжества Православия. На его похоронах присутствовали многочисленные духовные чада Владыки. И до сих пор его могила очень почитается православными верующими; известны случаи чудесных исцелений у гроба почившего архипастыря.

Священник Афанасий ГУМЕРОВ,
преподаватель МДА,
кандидат богословия

Право и правда

Суд над Иисусом Христом, Сыном Божиим, свершился в пятницу 7 апреля (14 нисана по еврейскому календарю) около 29 года н. э.[1] в Иерусалиме. Начался он ночью и завершился ранним утром. В мировой истории, полной несчетных уголовных разбирательств и процессов, этот суд уникален — был осужден на казнь вочеловечившийся Бог, Иисус Христос.

Строго говоря, был не один суд, а три — Синедриона, Ирода Антипы и Понтия Пилата. Объяснить это можно теми историческими обстоятельствами, которые сложились в Иудее к началу первого века. В 63 году до н. э. еврейский народ в последний раз за долгую библейскую историю потерял независимость и был отдан Богом за грехи на этот раз в руки римлян: они присоединили Палестину к своей восточной провинции — Сирии. Идумеянин Ирод (потомок Исава, продавшего Иакову свое первородство за чечевичную похлебку) получил от Римского Сената царскую власть над соседней с Идумеей Иудеей. Этот последний иудейский царь, жестокий и коварный, был первым в ряду тех облеченных властью людей, которые добивались смерти Иисуса Христа: узнав от волхвов, что родился Царь Иудейский, он не остановился перед страшным злодеянием — убиением 14 тысяч младенцев до двух лет в Вифлееме и его пределах. Смерть его была лютой. Как современники, так и потомки видели в этом проявление гнева Божия: «Скоро после избиения младенцев последовала и смерть самого Ирода. Только за пять дней до смерти он сделал бешеное покушение на самоубийство и приказал казнить своего старшего сына Антипатра. Его смертный одр ⟨...⟩, напоминающий Генриха VIII и Ивана Грозного, был окружен необычайными ужасами; он умер от омерзительной болезни, которая редко случается и встречается только с людьми, опозорившими себя кровожадностью и жестокостями. На одре своего нестерпимого недуга, в том великолепном и роскошном дворце, который он построил для себя в тени иерихонских пальм, распухнув от болезней и сжигаемый жаждой, покрытый язвами на теле и внутренне палимый медленным огнем, окруженный крамольными сыновьями и хищными рабами, ненавидя всех и ненавидимый всеми, жаждая смерти как избавления от своих мук и в то же время не утоленный кровопийством, страшный всем окружающим и еще страшнее для себя в своей преступной совести, пожираемый заживо могильным тленом, точимый червями, как бы видимо пора-

женный перстом Божественного гнева, после семидесятилетней жизни злодейств и распутства, жалкий старик, которого люди называли великим, лежал в диком неистовстве, ожидая своего последнего часа»[2].

После смерти Ирода царство раздробилось и власть перешла к трем его сыновьям: Архелаю, Ироду Антипе и Филиппу. Последний правил северо-восточной частью Палестины. Ироду Младшему достались Перея и Галилея, где Иисус Христос прожил около 30 лет, до начала Своего Учительства.

Архелай же вместе с Идумеей и Самарией получил и Иудею, в главном городе которой — Иерусалиме — произошло единственное в истории событие, ставшее центральным в деле спасительного искупления человечества.

Но Архелай не значится среди исторических лиц, ответственных за осуждение Иисуса Христа. Из-за притеснения своих подданных в 6 году н. э. он был лишен власти, а области, которыми он управлял, были переданы римскому прокуратору, подчинявшемуся проконсулу римской провинции Сирии. Власть прокуратора была неполной: он управлял войском, собирал налоги и мог вынести смертный приговор от лица императора за некоторые преступления. Прокуратор находился в городе Кесарии, но во дни религиозных еврейских праздников он должен был быть в Иерусалиме для предотвращения нередко возникавших там беспорядков. Прокураторы довольно часто сменялись. Понтий Пилат (26—36 годы н. э.) был пятым со времени смещения Архелая.

Хотя окончательный приговор Иисусу Христу вынес Пилат, несомненно, что главной силой в этом необычном судебном процессе был иерусалимский Синедрион, которому Рим оставил право осуждать на смерть за преступления против отеческих законов. Но решения Синедриона подлежали утверждению римским прокуратором.

Приговор, вынесенный ночью 7 апреля, не был окончательным, поэтому Иисус Христос с одного судебного заседания попадает на другое. Если бы вина обвиняемого была несомненна, то дело бы ограничилось двумя процессами. Но Пилат легко увидел злонамерение тех, кто добивался смерти загадочного для него узника. Из затруднения он пытался выйти формально-юридически, отослав Иисуса Христа к Ироду Антипе, которому также дано было право суда, так как осужденный Синедрионом проповедник был родом из Галилеи. Но идумейский правитель на суде над Иисусом Христом не вынес никакого приговора и вернул узника Пилату, которому предстояло теперь определить окончательно судьбу подсудимого. Итак, над Иисусом Христом в течение нескольких часов были совершены три суда и вынесены два приговора.

Что представлял собой Великий Синедрион, первым осудивший Спасителя? Самое раннее упоминание о нем имеется у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (XIV, 9, 3—5), в том месте, где рассказывается о покорении Палестины Помпеем (около 55 года до н. э.), но нет оснований с этим первым упоминанием связывать время возникновения Синедриона. В Ветхом Завете названия этого судебного органа мы не встречаем. Однако в книге Чисел есть место, которое некоторым исследователям дает повод говорить о древнем происхождении Синедриона: *И сказал Господь Моисею: собери Мне семьдесят мужей из старейшин Израилевых, которых ты знаешь, что они старейшины и надзиратели его, и возьми их к скинии собрания, чтобы они стали там с тобою* (Числ. 11, 16). Но это мнение исторически не документировано.

Членство в Синедрионе было пожизненным. Вместе с председателем, которым был первосвященник, число его членов составляло 71. С уничтожением царской власти реальные права этого учреждения выросли. В интересующую нас эпоху Синедрион мог судить первосвященника, лжепророка. Только с согласия Синедриона могла быть объявлена война. Наряду с иерусалимским Великим Синедрионом существовали провинциальные синедрионы.

Синедрион времен римских прокураторов продолжал еще хранить традиции древнего Совета старейшин, но дух в нем был уже иной: появился тот религиозный формализм, который принято называть законничеством. Тон в Синедрионе задавали соперничавшие друг с другом фарисеи и саддукеи. Первые видели спасение своего народа в строжайшем соблюдении закона и хранении предания. Поначалу фарисеи составляли ту часть образованного общества, которая выделялась нравственным авторитетом и ревностью в соблюдении закона, данного Богом через пророка Моисея. Фарисеи держались Священного Писания, имели веру в бессмертие души, воскресение из мертвых, посмертное воздаяние. Но постепенно, утрачивая дух подлинной религиозности, они стали сводить ее к многочисленным и мельчайшим обрядовым предписаниям. Отягчив быт иудеев различными регламентациями (особенно в отношении субботы), они проявляли нередко казуистическую изобретательность для совершения разных дел без нарушения закона (например, допускалось работать в субботу одной рукой). К новозаветным временам для типичного фарисея были характерны гордость (вспомним евангельскую притчу о мытаре и фарисее), самомнение, презрение к людям. Иисус Христос сурово обличает фарисеев как сынов погибели: *Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20).

Саддукеи не верили в будущее воскресение мертвых, их жизнь ограничивалась сугубо земными интересами. В Синедрионе

решающий голос принадлежал именно саддукеям, из них избирались и первосвященники. При всем своем соперничестве с фарисеями они были едины с ними в ненависти к Божественному Проповеднику, так как Иисус Христос в своих проповедях резко обличал тех и других, учил беречься закваски фарисейской и саддукейской (ср.: Мф. 16, 4—6).

Были и еще люди, которые искали гибели творившего чудеса Проповедника. Это так называемые «иродиане» — защитники интересов династии царя Ирода. Сотрудничество с римлянами было для них одним из средств для достижения политических целей. Ненависть их к Иисусу Христу была в определенном смысле «династической». Царь Ирод, видя в родившемся в Вифлееме Христе угрозу своему царству, учинил избиение младенцев *от двух лет и ниже* (Мф. 2, 16). Тридцать лет спустя защитники династии Ирода имели те же опасения и потому были исполнены ненависти ко Христу — Царю Иудейскому. Именно их вместе с учениками своими фарисеи посылали ко Христу (см.: Мф. 22, 16) с целью уловить Его, обвинив в отказе подчиняться кесарю. Мы знаем, что Господь разрушил их лукавые планы, указав на изображение и надпись на динарии и сказав: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21). «Иродиане» и ученики фарисеев удивились ответу и отошли. Когда же первосвященники и книжники привели Иисуса Христа к Пилату для утверждения смертного приговора, они обвинили Узника в том, что *Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем* (Лк. 23, 2), что являлось явным лжесвидетельством.

Подчиненное положение Иудеи Риму обусловило существование двух систем судопроизводства: еврейской и римской. Через оба суда должны были проходить лица, которые обвинялись в религиозных преступлениях и по еврейскому закону осуждались на смертную казнь. Смертный приговор должен был быть утвержден прокуратором уже на основе римского закона. Системы судопроизводства существенно различались: вот почему члены Синедриона, осудив Иисуса, не открыли Пилату своего приговора, а выдвинули против Него иное, расчетливо продуманное обвинение.

Еврейское право в своей основе имело Богооткровенный источник: закон был дан еврейскому народу Богом через пророка Моисея и записан в Священном Писании. Но Господь не только дал закон еврейскому народу, но и открыл ему Себя как Судию. В видении Он сказал Аврааму, что потомки его будут угнетаемы четыреста лет, *но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении* (Быт. 15, 14). В Ветхозаветной истории Бог выступает как Судия еврейского народа; судья же, которого избирают люди, исполняет волю Высшего Судии, то есть Бога. Пророк Моисей говорил своему народу, странствующему в пустыне в поисках земли обетованной: *не бойтесь лица человеческого, ибо суд — дело Божие* (Втор. 1, 17). Священное Писание предписывает судьям руководствоваться правдой Божией, быть справедливыми как к малым, так и к великим. Это делало судейскую должность не только особо почетной, но и чрезвычайно ответственной.

Еврейское уголовное право было основано на принципе талиона (возмездия) за преступление. В Торе принцип талиона формулируется весьма конкретно: кто совершит убийство, должен быть предан смерти; кто сделает повреждение на теле ближнего, тому дóлжно сделать то же (ср.: Лев. 24, 17—20).

Иисус Христос в Нагорной проповеди отменил талион: *Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 38—41). Господь заключил с людьми Новый Завет, открывающий им врата Царствия Небесного. Этим не нарушался, а исполнялся древний закон. Ветхий Завет приуготовлял богоизбранный народ к принятию нового обетования.

Во Второзаконии принцип талиона применяется и к случаям лжесвидетельства: *Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении, то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни; судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему* (Втор. 19, 16—19). В суде же над Иисусом Христом это нарушалось неоднократно: лжесвидетельствовали не только многие приглашенные на заседание Синедриона для дачи показаний, но и сами первосвященники, явившиеся к Пилату для утверждения смертного приговора.

Еврейское уголовное право предусматривало наказание за убийство, за преступления против свободы личности, против религии и нравственности, против собственности. В теократическом еврейском государстве не было различия между нравственной и юридической нормой. Законы предполагали наказания за поступки, которые в секуляризованных обществах вызывают лишь моральную оценку. Например, прелюбодеяние, которое в Европе XVIII века романтизировалось в литературе, в еврейском обществе было тяжелым преступлением, виновные в котором побивались камнями.

В обществе, где религиозное начало было определяющим и пронизывало все сферы жизни, преступления против религии зани-

мали особое место. Моисеево Второзаконие повелевает побить камнями всякого, кто совращает другого в язычество, ибо он покушается отвратить ближнего от Господа (см.: Втор. 13, 10). Суровая кара предусматривалась для впавших в идолопоклонство (13, 12—16). Пророк Моисей требовал отвращаться прорицателей, гадателей, ворожей, чародеев, заклинателей духов, волшебников, вопрошателей мертвых (как древен спиритизм): *ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего* (Втор. 18, 12). Считались тяжелыми преступлениями хула на Бога, оскорбление святыни словом или делом, лжепророчество.

Обвинение Иисуса Христа в богохульстве родилось среди книжников во время исцеления расслабленного, которого *за многолюдством* спустили в дом, где находился Христос, через разобранную кровлю (см.: Мк. 2, 3—7). Так как болезнь есть следствие греха, то Спаситель, прежде чем исцелить недужного, простил ему грехи, то есть поступил, как Бог. Это и явилось причиной подозрения Его в богохульстве. Открыв помыслы книжников, Христос показывает им, что он не только отпускает грехи больному, но и имеет власть совершать чудо исцеления. Он опровергал обвинения в богохульстве многочисленными знамениями, которыми сопровождал Свою проповедь: изгонял бесов, воскрешал мертвых, умножал хлебы, приказывал ветрам. Возможно, именно по этой причине на заседании Синедриона обвинение в богохульстве прозвучало не сразу. Святой евангелист Марк, подробнее других описывающий ночное судебное заседание, сообщает о том, что книжники пытались найти свидетелей против Узника: *и многие лжесвидетельствовали на Него*, но свидетельства *сии не были достаточны* (Мк. 14, 55—56). И лишь после того, как на вопрос первосвященника: *Ты ли Христос, Сын Благословенного?* — Христос ответил: *Я* (Мк. 14, 61—62), первосвященник Каиафа, разодрав одежды, признал Иисуса повинным смерти за богохульство. После этого Синедрионом не было сделано ничего для опровержения утверждения Христа, что Он — Сын Божий. Между тем Тора предписывает вполне определенно: *разыщи, исследуй и хорошо расспроси* (Втор. 13, 14). Первосвященникам не надо было ничего исследовать, так как они были очевидцами многих Иисусовых чудес, а некоторые из них совершались на их глазах в храме.

Поскольку чудотворящая сила галилейского Проповедника проявлялась на глазах у всех, то весь народ спрашивал: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи и книжники в ответ на это прибегли к клевете, заявляя, что Он изгоняет бесов *силою веельзевула* (Мф. 12, 24). На заседании Синедриона официально такое обвинение выдвинуто не было. Народ вряд ли поверил бы этой клевете: благодатные последствия чудес были очевидны. Иисус Христос призывал судить всякие дела по их плодам: *признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым* (Мф. 12, 33). Тем же, кто пытался опорочить Его в глазах народа утверждением, что Он творит чудеса силою князя бесовского (веельзевула), Он сказал решительно и определенно: *всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам, если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 31—32).

Евангелисты рассказывают о намерении фарисеев и книжников погубить Иисуса Христа за нарушение покоя субботы. У евреев суббота — седьмой день недели и установлена в память о Седьмом дне после шестидневного сотворения мира, поэтому суббота должна проводиться в покое и быть посвящена Богу. Соблюдение субботы является четвертой заповедью Божией в Ветхом Завете. Тора строжайшим образом предписывала соблюдение этого дня. Господь через пророка Моисея сказал сынам Израилевым, что делающий дело в субботу и тем самым оскверняющий ее предается смерти (Исх. 31, 12—17). В Книге Чисел есть рассказ о собиравшем дрова в день субботний: он был побит камнями (Числ. 15, 32—36). Надо отметить, что запрещался труд для себя, в целях получения какой-нибудь выгоды.

Христианская Церковь установила «субботний» день в воскресение — в память востания из гроба распятого Христа, победившего смерть и разрушившего силу ада. Однако хранение воскресного дня у христиан не носит юридического характера, но в духе евангельского учения предполагает молитвенный труд и праздничное настроение.

Иисус Христос совершал в субботу многие исцеления. Несомненно, что Он хотел обличить извращенное, законническое понимание фарисеями Божией заповеди. Господин субботы, напомнивший им, что *священники в храме нарушают субботу, однако невиновны* (Мф. 12, 5), обвинил книжников и фарисеев в лицемерии: *кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак можно в субботы делать добро* (Мф. 12, 11—12). Народ радовался и дивился Его словам.

В этом заключается, по-видимому, объяснение, почему упреки в нарушении субботы не были предъявлены в качестве обвинения на суде.

Следует упомянуть также о попытке расправиться с Иисусом Христом без всякого суда: в галилейской синагоге его проповедь вызвала ярость присутствовавших; и они, выгнав Его из города, повели на вершину горы, чтобы сбросить с нее, *но Он,*

пройдя посреди них, удалился (Лк. 4, 29—30): время Его страданий и искупительной смерти еще не пришло.

* * *

Общие принципы еврейского судопроизводства[3] существенно отличны от современного его понимания, сложившегося в результате многовекового влияния религии христианства. За этим расхождением кроется глубокое принципиальное различие мировоззрения, отношения к человеку и его жизни, различие в понимании добра и зла.

Еврейский народ был ведом Богом, Который являлся для него не отвлеченным Абсолютом или созерцающим Разумом, а живой всемогущей Личностью. Бог — податель людям всякого блага. Зло происходит от человеческого своеволия, когда люди уклоняются от свыше указанного пути и нарушают данный Богом закон. Конечная цель судопроизводства — поддержание богоустановленного порядка. Такая система права, будучи весьма эффективной в соблюдении справедливости при разборе уголовных дел, возлагает исключительную ответственность на судей. Их религиозное сознание должно быть неотделимо от юридического. Чем прочнее вера, тем стабильнее законность. И наоборот, ослабление и искажение религиозной веры, подмена истинного духа веры обрядом имеет следствием и юридический формализм, ведущий к отступлению от закона.

Христианство сохранило ветхозаветное понимание Бога как высшего источника порядка на всех уровнях общественной жизни. Новое, что открыло Евангелие людям, пребывающим в своем земном Отечестве, это — иное Отечество — Царствие Небесное. Вера в него, стремление жить по законам этого нового, духовного Отечества (по заповедям Божиим) не отменяет обязанности подчиняться законам земного Отечества. Иисус Христос, взявший на себя грехи мира и искупивший нас на Кресте, не освободил нас от несовершенства плоти, являющегося результатом грехопадения, плоть человека подчинена земной власти. Но это существование двух сфер, в которых должен жить христианин (Евангелие в ряде мест указывает, что Царствие Божие приблизилось, оно *внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), а не принадлежит только будущему веку), не должно вести к раздвоению человека, быть неразрешимым противоречием, так как учение Христово является основанием и для земного устроения общества.

Нравственный и правовой строй земного Отечества должен быть подчинен Божественному закону. По слову святителя Григория Богослова, «порядок устроил вселенную, порядок держит и земное и небесное... Порядок отличил нас от бессловесных, соорудил города, дал законы, почтил добродетель, наказал порок, изобрел искусства, сочетал супружества... Порядок есть матерь и ограждение существующего...» Именно благодаря такому, свыше установленному единству становится возможна жизнь в земном Отечестве по законам Отечества Небесного. Соблюдение этого единства позволяет построить отношения между Церковью и христианским государством на принципе симфонии, который был реализован в Византии и допетровской Руси.

В доктрине естественного права, возникшей в XVII веке в Европе, выразилась общая тенденция к секуляризации общества, обусловленная упадком религиозности. Вера является универсальным свойством человеческой души, сотворенной по образу и подобию Божию, и если подлинная вера — в Бога — утрачивается, появляется ее эрзац — вера в человека, науку, в возможность устройства совершенного общества без Бога. Налицо несомненный гедонистический соблазн, мировоззренческий срыв, подмена. Но вековая религиозная традиция продолжает оказывать свое воздействие на утратившее веру в Бога человечество, и натурализация права, выведение нравственных и юридических норм из природы человека не изменяют существенно реального правового порядка, который существует на почве, возделанной и удобренной христианством. Религиозные ценности через преемственность сознания и весь строй культуры даже в секуляризованном обществе остаются реально значимыми, продолжают регулировать правовые нормы. Нравственно-правовой порядок зиждется на том, что, кроме земного закона, у людей есть Богом данное чувство и сознание законности. Для естественнонаучных, деистических и материалистических доктрин здесь камень преткновения. Христианство же понимает человека как творение Божие, учит о Божественном откровении, которое он получает от рождения. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов говорит о Христе как о Свете, который *просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1,9). Прежде чем человек предстанет перед судьей, наделенным земной властью, он подчиняется судье, которого имеет в себе (совести).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, постигший законы духовной жизни человека, отмечал, что «в мире действует непрестанно нравственный закон Бога, по которому всякое добро награждается внутренно, а всякое зло наказывается: зло сопровождается скорбию, теснотой в сердце, а добро — миром, радостью и пространством сердца. Этот закон неизменен: он закон Всесвятого, Праведного, Премудрого и Вечного Бога». Этот закон распространяется, естественно, и на область правосознания. Люди нередко творят волю Божию и не зная Евангелия. Это можно наблюдать в секуляризованных обществах.

Но одного «естественного» откровения недостаточно. Общество, лишенное духовного

водительства Церкви, постепенно приходит к скрытому и явному идолопоклонству, когда стремление к благам земного мира (имущество и деньги, комфорт и развлечения, власть и земная слава и проч.) становится определяющим началом жизни. По такому пути пошла западная цивилизация.

Еврейское судопроизводство было классической системой права, основанной на Священном Писании, в котором Бог ясно и точно через пророков установил Свою волю. Мы подошли к центральному вопросу нашей работы: почему же иерусалимский Синедрион, имеющий столь высокую правовую традицию и обязанный судить по законам, освященным авторитетом Писания, совершил вопиющее беззаконие и осудил Иисуса Христа в нарушение основных требований еврейского судопроизводства. Решение этого вопроса предполагает выход за пределы сугубо правового исследования и обращение к священной истории еврейского народа. Поиск ответа на него неизбежно подводит нас к важнейшей проблеме противостояния вечного и временного, небесного и земного, Царствия Божия и царства мира сего.

В долгой истории еврейского народа три с лишним десятилетия, начиная с последнего года правления Ирода Великого и до исследуемого нами деяния иерусалимского Синедриона, были особыми. Это были годы «исполнения времен». Не только в Иерусалиме, но и в других местах Палестины люди ждали предвещанного пророками Мессию. Первым из многочисленных пророчеств о приходе в мир Христа, содержащихся в Ветхом Завете, надо назвать пророчество Даниила, предсказавшего даже год смерти Спасителя. Вот это знаменитое место: *Когда я еще продолжал молитву, муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы и вразумлял меня, говорил со мною и сказал: «Даниил! теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению. В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты муж желаний; итак вникни в слово и уразумей видение. Семьдесят седмин определены для народа твоего и святаго города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония и чтобы приведена была правда вечная и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святый святых. Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена. И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения* (Дан. 9, 21—26).

Поясним это пророчество. В еврейском летоисчислении использовалось понятие «седмеричное время» (шибуа), которое могло заключать в себе как неделю, так и семилетие. Такая седмина завершается «субботним» (седьмым) годом. Семьдесят седмин в таком понимании дают 490 лет. Это срок для «окончания преступления». Речь здесь идет об искуплении Христом Спасителем людей, нарушивших волю Божию и совершивших грехопадение. В пророчестве прямо указан Мессия *(помазан был Святый святых)*. Чтобы вычислить указанные здесь сроки, обратимся к историческим источникам, сообщающим о восстановлении города Иерусалима, павшего в результате вавилонского разорения. Отсчет семидесяти седмин (490 лет) начинается с даты восстановления Иерусалима. Указ о восстановлении дан был Артаксерксом Долгоруким в 20-й год его царствования. Последний вступил на престол между 18 декабря 465 года и 18 декабря 464 года до н. э. Седьмой год его царствования, с которого начинается отсчет седмин, приходится на 458 или 457 год. От этого срока до времени явления Христа Владыки должно было пройти 69 седмин (483 года). Иисус Христос начал проповедовать в возрасте около 30 лет (ср.: Лк. 3, 23), то есть примерно в 25 году н. э. Следовательно, от указа Артаксеркса о восстановлении города и до появления Мессии прошло 483 года.

Назван в Ветхом Завете и Предтеча грядущего Мессии: *Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете, вот, Он идет, говорит Господь Савваоф* (Мал. 3, 1). Жители Палестины знали Священное Писание и в Иоанне, проповедовавшем покаяние, видели предвещанного пророками *Ангела покаяния:* со всего Иерусалима, всей Иудеи и всех окрестностей Иорданских приходили они к нему.

Из Писания было известно место рождения Мессии (Вифлеем), колено (Иудино) и род (Давидов), из которого Он произойдет. Книжники тщательно изучали все такие места у пророков, чтобы принять истинного Мессию и отвергнуть ложного, если таковой явится.

Однако для правильного понимания пророчеств, внушенных Святым Духом, была нужна не начетническая эрудиция, а чистая, незамутненная вера, всецелая обращенность к Богу. Представления об ожидаемом Мессии у иудеев того времени соответствовали их нравам и господствующим жизненным установкам. «Почти все начали ожидать в лице Мессии всемирного завоевателя, который для того и явится во всем могуществе Посланника Божия, окруженный знамениями и чудесами, чтобы низложить и упразднить все тогдашние царства на земле, составить из всего рода человеческого единую державу, в коей иудеи должны занять первое место и быть Его наперсниками.

Крайние притеснения от царей сирийских, египетских и, наконец, от римлян еще более усиливали в иудеях таковое ожидание: чем более терпели в настоящем, тем больше надеялись на будущее. Между прочим, воображали, что пришествие Мессии должно быть предварено явлением Илии, имеющего помазать Его на царство, Иеремии, Исайи и многих других пророков. Касательно лица Мессии существовало у многих грубое заблуждение, состоящее в том, что Он будет человек, подобный прочим, только с необыкновенными силами и дарами от Бога; другие представляли Его существом высшим, но, однако, не Богом... Плодами пришествия Мессии почиталось, между прочим, немедленное чудесное собрание в Палестину иудеев из рассеяния их по всему свету, не исключая и десяти колен Израилевых, изведение из ада и воскресение всех умерших иудеев, восстановление царства Давидова, обновление Иерусалима и устроение нового великолепного храма, покорение всех народов иудеями, учреждение великолепных вечерей, чрезвычайное плодоношение земли, уничтожение болезней и смерти и прочее»[4].

Искаженное грехом сознание не заметило тех мест из Ветхого Завета, в которых даны духовные черты обетованного Мессии: *Се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9).

Дело осложнялось еще тем обстоятельством, что Иисус Христос был в глазах людей галилеянином. Бытовало убеждение, что из Галилеи Христос прийти не может (ср.: Ин. 7, 41). Так и ответил Филиппу лишенный всякого лукавства призываемый на апостольское служение Нафанаил: *из Назарета может ли быть что доброе* (Ин. 1, 46). Но Иисус Христос, строго говоря, галилеянином не был. Он родился в иудейском городе Вифлееме и принадлежал к царскому роду Давида. Впрочем, если бы даже Христос родился в Иерусалиме, отношение к нему вряд ли было бы иным, так как главная причина отвержения Синедрионом Иисуса Христа — духовно-нравственная.

Святитель Василий Великий находит, что иудеи, распявшие Христа, поступили злочестивее содомян[5]. Последние были наказаны за крайне развращенный образ жизни. На безнравственное состояние как источник ожесточения, приведшего иерусалимлян к осуждению вочеловечившегося Бога, указывает также святитель Игнатий (Брянчанинов)[6].

Суд над Иисусом Христом, если рассмотреть его с богословской точки зрения, вводит нас в центральную проблему учения о человеческом грехе, обнажает его природу. Всякий творящий зло, живущий во грехе (как целый народ, так и отдельный человек) распинает Христа. Это совершается не метафорически и символически, а реально, хотя и в духовном плане. Вочеловечившись, Бог обожил и человека, реально соединил его с Собою. Без этого не могло быть искупления. Он принял на себя все грехи погибавшего человечества и пошел ради нашего спасения на Крестную смерть. И когда люди, искупленные Кровию пострадавшего Спасителя, продолжают совершать зло, они распинают Того, кто взошел на Голгофу, чтобы освободить нас от плена греха.

Согрешающий человек неизбежно отрекается от Христа, ибо служит похотям мира сего, который во зле лежит. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, любимый ученик Христа, называя Его Светом, свидетельствует: *свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы* (Ин. 3, 19—20). Опыт всего человечества подтверждает эти слова святого апостола. Начиная с той ночи 14-го нисана в Иерусалиме, когда при участии тысяч людей совершился суд над Иисусом Христом, и до наших дней происходит одно и то же: люди, избирающие грех, ожесточаются и распинают Бога. Когда святой равноапостольный князь Владимир привел Русь к Святому Крещению, в нашу землю пришел Христос. Люди стали тезоименити Спасителю, страна наша стала христианской. А когда народ в преобладающем большинстве устремился к «новой жизни» без Бога, он совершил еще один суд над Господом. Была совершена трагическая подмена: вместо обетованного блаженного Царства в будущей жизни миллионы людей избрали (как и девятнадцать веков назад) блага этой жизни, были соблазнены идеей «земного рая». Осуществление ее сопровождалось воинствующим богоборчеством. И первый удар (как и девятнадцать столетий назад) принял на Себя Иисус Христос, ибо Церковь есть Тело Христово. Наше общество не очистится от греха, пока не осознает это. Социализм не потому вылился в богоборчество и потребовал многомиллионных жертв, что неудачно воплощался. Он потому так воплощался, что богоборческая подмена Царства Божия «земным раем» составляет дух социализма. Новым здесь является лишь историческое облачение, природа же самой подмены остается древней: это — соблазн хлебом — первый соблазн, которым искушал сатана вышедшего на служение Божественного Учителя.

Суд над Иисусом Христом, рассмотренный с духовной стороны, есть лишь одно из проявлений единого по своему источнику зла. Иисус Христос и днесь судится грешными людьми: то по «законам» науки, то по примитивно сочиненным «законам» истории, а в общем по законам падшего человеческого естества.

* * *

Юридическое исследование деяния иерусалимского Синедриона должно начинаться с его первого формально-правового акта — «взятия под стражу». В отношении к Иисусу Христу нормы еврейского судопроизводства, допускавшие арест только после проведенного следствия, были нарушены (немедленное задержание допускалось лишь при возможном бегстве и сопротивлении подозреваемого). Никаких указаний на такое следствие в источниках не имеется. Первым на это нарушение обратил внимание первосвященников Сам Христос: *Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы* (Лк. 22, 52). Мечи и колья, которыми было вооружено множество народа, видимо, были взяты для прикрытия беззакония. Римских воинов, посланных вместе со старейшинами и начальниками храма, было вполне достаточно для задержания ненавидимого ими Проповедника (даже с учетом сопровождавших Его учеников). Последние слова (*теперь ваше время и власть тьмы)* прямо говорят о том, что закон в отношении к Нему соблюдаться не будет. Знали это и первосвященники и фарисеи, решившие предварительно, *что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб* (Ин. 11, 50). Вместо юридической нормы вводится расплывчатый, дающий простор произволу, прагматический критерий безопасности народа. От этих слов первосвященника Каиафы веет чем-то очень знакомым: в нашей стране вся послереволюционная репрессивная практика, до сих пор не изжитая, имела именно такое же основание.

Но вот что интересно: в приведенных словах речь идет об одном человеке, жизнь которого приносится в жертву, чтобы не погибли все. Члены Синедриона, стремящиеся убить Спасителя и движимые при этом собственными мотивами, были, не сознавая того, орудиями Божественного Промысла в деле спасения человечества. Евангелие открыло нам смысл происходивших тогда событий: Иисус Христос один жертвенно умер, чтобы не погиб весь род человеческий, плененный диаволом.

Взят был Христос под стражу при содействии одного из двенадцати Своих учеников. Иуда Искариот привел старейшин иудейских, толпу и римских воинов в масличный сад к востоку от Иерусалима, куда удалился для молитв Божественный Учитель с апостолами. Условным знаком, позволившим воинам опознать в ночной тьме Иисуса Христа, было целование (обычный способ приветствия у евреев) Иуды. Это предательство с разных точек зрения рассматривается в обширной литературе (начиная со святоотеческих толкований Евангелия до современных публикаций). Мы коснемся темы иудиного предательства только в той мере, в какой это дает нам материал для более полного исследования обстоятельств суда над Христом.

Первое, что необходимо понять в этом событии: в чем именно состояла услуга первосвященникам со стороны сребролюбивого ученика? В евангельском повествовании об этом сказано кратко: *Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его* (Мф. 26, 48).

Возникает вопрос: помог ли Иуда опознать Иисуса Христа? Ведь Спаситель не был руководителем тайной общины; три с половиной года он проповедовал и творил чудеса, в том числе и в Иерусалиме, в присутствии старейшин и начальников храма. Внешне Он был известен им так же хорошо, как и ученику, который, подобно остальным, знал Учителя со времени начала Его служения. Христос был предан не на Тайной Вечери, а в саду, который часто посещал. Первосвященники, готовившиеся схватить Его сразу же после воскрешения Лазаря (произошло это в субботу), могли послать слуг, которым нетрудно было проследить за ненавистным Синедриону Проповедником. Конечно, Иуда лучше, чем воины и слуги первосвященников, знал то место в масличном саду, где нужно искать Христа, и помог быстрей схватить Его. Но удивляет та значительная сумма, которую он за эту услугу получил: она оказалась достаточной для приобретения земли под кладбище. Некоторые исследователи из указанного затруднения (разница между платой и р е а л ь н о й услугой) пытались выйти с помощью догадок, что Иуда сообщил первосвященникам какие-либо высказывания, облегчавшие дело осуждения Спасителя. Но эти догадки носят произвольный характер.

Попробуем выйти из затруднения с помощью предположения, что первосвященникам весьма важно было взять Христа именно ночью, чтобы провести суд до наступления утра, пока жители Иерусалима, приветствовавшие Учителя и Чудотворца радостными восклицаниями и постилавшие под ноги осляти свои одежды, еще не узнали о Его заключении; для достижения такой цели услуга, оказанная Иудой, была значительной. Если это объяснение верно, то появляется возможность сделать один вывод: члены Синедриона хотели именно ночного суда, хотя рассмотрение дел, предусматривавших вынесение смертного приговора, ночью было незаконным.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Иуды в качестве свидетеля на суде не было. Из Евангелия известно, что многие лжесвидетельствовали, но их показания не были признаны достаточными. Для законного осуждения Иисуса Христа Иуда, разумеется, ничего дать не мог, поскольку проповедь Мессии не отменяла закон, а благовествовала о приближении Царствия Божия, для получения которого

Взятие Иисуса Христа. Евангелие от Матфея 26, 47—56.
Гравюра на дереве Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда

необходимо исполнение закона. Но Синедрион мог использовать Иуду для своих целей как человека, близкого Иисусу, эффективнее, чем других, случайных свидетелей. Первосвященники имели для этого и достаточно сильные средства — сребреники.

Чем объяснить, что предателя на суде не было? Евангелие сообщает, что Иуда раскаялся, увидев, что Иисус Христос осужден и связанным отведен к Пилату (ср.: Мф. 27, 3). Но, возможно, уже до вынесения смертного приговора Синедрионом в душе отпавшего ученика появилось сожаление о содеянном. Следует обратить внимание на слова: *увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам* (Мф. 27, 3). Но разве просивший награды за предательство не знал, что Божественный Учитель будет осужден, что иудейские начальники хотели Его смерти? Несомненно знал. Приведем объяснение поведения Иуды, принадлежащее блаженному Феофилакту. Суть его в следующем: Иуда, получая за предательство сребреники, надеялся, что Учитель, творивший чудеса, сверхъестественным образом уйдет от Своих врагов. Узнав же, что этого не произошло и что Иисус Христос предан смерти, он воскликнул: *согрешил я, предав кровь невинную* (Мф. 27, 4). Косвенным подтверждением этого предположения является способ предательства. Иуда не хотел остаться в стане тех, кто нанял его, и пытался прикрыть свое предательство лобзанием[7].

Приведенные соображения относятся лишь к мотивам иудиных поступков. Независимо от размеров реальной услуги, оказанной врагам Христа, безотносительно к расчетам Иуды для успокоения еще не заглохшей совести, в духовно-нравственном отношении поступок бывшего ученика есть предательство тягчайшее, преступление, падение в бездну. Оно внушено диаволом. И как преступление, совершенное Каином, явилось вневременным образом всякого злодеяния против ближнего во всем человеческом роде, так и поступок Иуды стал символом всякого отречения от Господа и предательства ради корысти.

Иисус Христос был взят под стражу в Гефсимании близ селения к востоку от Иерусалима, у подножия Елеонской горы (в переводе с арамейского слово «Гефси-

мания» означает пресс для маслин). Место это свято: здесь Христос часто проводил ночи в молитвах, здесь начались его искупительные страдания, закончившиеся на Голгофе. В Гефсимании, по преданию, была погребена Пресвятая Богородица. На Елеонскую гору в сороковой день по Воскресении Господь привел своих учеников и, благословив их, вознесся на небо.

Христиане бережно и благоговейно хранят память об этих местах. Сохранился грот, где Христос, пав на землю, молился «о чаше». Предание указывает место у входа в Гефсиманский сад близ остатков колонны, где искушенный диаволом ученик дал целование Божественному Учителю.

Взятый воинами, Иисус Христос был веден вдоль потока Кедронского по направлению к памятнику Авессалома, против которого был мост через поток; этот мост существует и ныне. Здесь, где Христос даровал некогда зрение слепому от рождения (см.: Ин. 9, 1—41), Он получил (по преданию) первое поругание от ведших его стражей, и тут же Он упал на береговой камень; колена и руки нашего Искупителя напечатлелись на береговом камне, и мы доныне можем лобызать этот мученический след Его. Есть предание, что Христос, мучимый в пути жаждою, испил из Кедронского потока, в исполнение пророчества царя Давида: *из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу* (Пс. 109, 7). Предания о дальнейшем Страстном пути Спасителя разнятся между собой. Одни говорят о том, что Христос был веден для поругания Его славы через Золотые ворота, через которые Он торжественно вступил в Иерусалим из Вифании, встреченный возгласами «осанна». Другие утверждают, что, перейдя мост, иудеи обогнули поворот Иерусалимских стен на юго-запад и направились через врата, называемые «Гнойными» (также для поругания имени Христа), в предместье Офель, а далее — к дому первосвященника Анны, который находился возле теперешних Сионских ворот; затем повели они Спасителя к Каиафе, на Сион,— и оттуда уже, после ночных над Ним надругательств, Христос был препровожден чрез весь город к Пилату [3].

Поток Кедронский протекает между Иерусалимом и Елеонской горой и впадает в Мертвое море. По его названию получила название и долина, известная также как Иосафатова долина. Через нее вочеловечившийся Господь был ведом на человеческий суд, и здесь же, по поверью жителей Палестины (христиан, иудеев, мусульман), будет место Страшного Суда, согласно пророчеству Иоиля: *Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы отовсюду... Толпы, толпы в долине суда! ибо близок день Господень к долине суда!* (Иоил. 3, 12; 14).

Связанный Спаситель был приведен сначала в дом бывшего первосвященника Анны (у Иосифа Флавия — Анан), Анна был возведен в первосвященническое достоинство в 7 году н. э. и через семь лет низведен прокуратором Иудеи Валерием Гратом. Предание объясняет, почему именно он учинил узнику первый допрос: дом его встретился на пути, и толпа хотела доставить удовольствие отставному первосвященнику, тестю Каиафы, возглавлявшего Синедрион. Вожди иудейские, судя по всему, торопились и не стали бы отклоняться к дому первосвященника, если бы он находился в стороне от их пути. Допрос Христа Анной никакой законной силы не имел.

Анна задал вопрос *об учениках Христа и учении Его* (Ин. 18, 19), в котором обнаружил себя хитрым и опытным политиком. Бывший первосвященник хотел, по-видимому, подвести дело к тому, чтобы обвинить Иисуса Христа в принадлежности к тайной общине. Легко усмотрев коварство вопроса, краткий в Своих ответах Христос решительно отверг намек Анны. Вопрошавший, по-видимому, был раздражен услышанным, потому что один из его служителей ударил Узника по ланите.

Суд над Иисусом Христом начался в доме первосвященника Каиафы, куда отправил Анна Иисуса и где собрались члены высшего иудейского суда, имевшего право выносить смертный приговор с последующим утверждением его римской властью. Настоящее имя Каиафы было Иосиф (прозвище могло вытеснить имя, данное при рождении), первосвященство он получил в годы прокураторства Валерия Грата (15—26 годы н. э.). Как ни скупы сведения о нем в источниках, образ его проступает достаточно определенно. Перед нами расчетливый саддукей, в мыслях и действиях которого политик полностью заслоняет архиерея.

В ночь, когда праздновалась ветхозаветная пасха, в его доме собрались не только члены Синедриона, и многолюдное собрание стало участником суда над Спасителем. Еврейское право не знало «закрытых процессов». Богодухновенный законодатель дал древним евреям понимание гласности как важного принципа справедливого суда. Правда, сама по себе открытость судебного процесса не избавляет от тяжких беззаконий. Участвовали в ночном заседании *первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион* (Мк. 15, 1). Еврейское судопроизводство, разрешая присутствие народа, вместе с тем запрещало посторонним проявлять какое-либо участие в делах судебного разбирательства. В отношении к Иисусу Христу, возможно, мы имеем дело еще с одним процессуальным нарушением. Евангелист Матфей сообщает о том, что *все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти* (см.: Мф. 27, 1). И в других местах Евангелия старейшины, участвовавшие в осуждении Христа, упомянуты вместе с членами Синедриона.

Иисус перед Каиафой. Евангелие от Матфея 26, 57—66.
Гравюра на дереве Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда

Главным основанием для судебного обвинения являлись свидетельства. Перед судьями прошло много лжесвидетелей, но показания ни одного из них не были достаточными. Напомним, что еврейские законы запрещали ложные свидетельства, принцип талиона предусматривал даже такое же наказание лжесвидетелю, какое грозило обвиняемому в случае, если бы показания были признаны верными. Обращает на себя внимание упоминание о множестве участвовавших в заседании лжесвидетелей. По-видимому, они были собраны преднамеренно.

Было ли число участвовавших в ту ночь в суде членов Синедриона формально достаточным для вынесения смертного приговора? Этого мы не знаем, поскольку не имеем сведений о составе заседавшего высшего суда. Слова евангелиста *первосвященники, старейшины и весь синедрион* надо понимать лишь как утверждение, что в вынесении приговора участвовали все собравшиеся; выражение *весь синедрион* не означает полного его состава: мы знаем, что тайный ученик Иисуса Христа, добрый и правдивый Иосиф из Аримафеи, не участвовал в совете и деле их (см.: Лк. 23, 51).

Надо решительно признать, что не все происходившее тогда в доме Каиафы нам понятно. Святой евангелист Марк, наиболее подробно рассказывающий о ходе суда, свидетельствует, что Христос был осужден ночью, а Апостол Петр отрекся от Своего Учителя под утро: после третьего отречения пропел во второй раз петух. Святой евангелист Лука не сообщает о ночном заседании: из его повествования мы знаем, что Иисус Христос был взят под стражу, приведен в дом первосвященника, что Апостол Петр при этом находился во дворе у огня. Люди, державшие Христа, хулили и били Его. *И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня, отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его* (Лк. 22, 66—71).

О каком заседании здесь повествуется? Может быть, было еще одно заседание, состоявшееся для формального соблюдения одного из требований еврейского судопроизводства, запрещавшего осуждение обвиняемого ночью? В описании святого евангелиста Луки ничего не говорится о лжесвидетельствах и заклинании, произнесенном Каиафой. Впечатление от описания заседания однозначно: оно было скоротечным при полной предрешенности его результата. На предположение о том, что этому собранию предшествовало другое заседание, наводит и формулировка вопроса: *И сказали все: итак, Ты Сын Божий?* (Лк. 22, 70). Союз *итак*, являющийся здесь несколько неожиданным, становится вполне уместным, если допустить предшествующее ночное заседание, о котором святой евангелист Лука почему-то умалчивает.

Говоря о существе предъявленного Узнику обвинения, прежде всего отметим, что это обвинение не было новостью для древних евреев. В Ветхом Завете мы находим описание суда над помазанником Божиим пророком Иеремией, так же, как Христос, обвинявшемся в богохульстве: *Священники и пророки и весь народ слушали Иеремию, когда он говорил сии слова в доме Господнем. И когда Иеремия сказал все, что Господь повелел ему сказать всему народу, тогда схватили его священники и пророки и весь народ, и сказали: «ты должен умереть, зачем ты пророчествуешь именем Господа и говоришь: дом сей будет как Силом, и город сей опустеет, останется без жителей?»* Обвиняемый отвечал: *«Господь послал меня пророчествовать против дома сего и против города сего все те слова, которые вы слышали; итак исправьте пути ваши и деяния ваши и послушайтесь гласа Господа Бога вашего, и Господь отменит бедствие, которое изрек на вас; а что до меня, вот — я в ваших руках; делайте со мною, что в глазах ваших покажется хорошим и справедливым; только твердо знайте, что если вы умертвите меня, то невинную кровь возложите на себя и на город сей и на жителей его; ибо истинно Господь послал меня к вам сказать все те слова в уши ваши* (Иер. 26, 7—9; 12—15). Народное собрание оправдало пророка Иеремию. Христос же, также предсказывавший гибель Иерусалима — *Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников* (Лк. 21, 24) — и призывавший людей к покаянию и исправлению, не был оправдан. Суд над Христом не был судом над одним из пророков, это был суд над Сыном Божиим, Каиафа прямо задал Ему вопрос: *Ты ли Христос, Сын Благословенного?* (Мк. 14, 61).

Было и другое различие между судом над ветхозаветным пророком и новозаветным. Суд над пророком Иеремией относился ко времени, когда иудеи не утратили еще живой веры и способны были к покаянию. Вожди и весь народ оправдали пророка, говорившего именем Господа Бога. Христос пришел исполнить волю Отца и пострадать за людей, когда исполнились сроки. Поражает точность этих сроков: менее чем за полгода до Крестной смерти, во время праздника обновления, Иисус Христос исповедовал Себя Сыном Божиим, но при попытке иудеев схватить Его уклонился от их рук и удалился в Заиорданье, потому что не пришел еще **день** и **час**, установленный Отцом.

Мы подошли к довольно трудному вопросу — проявления Божественной воли в событиях земной жизни, где, как кажется при поверхностном взгляде, действует лишь человеческий расчет и кипят людские страсти. Надо осознать наши немощи: нам дано здесь знать ровно столько, сколько открыто Божиим словом. Мы должны бережно относиться к Нему и не переходить ту черту, за которой начинается самонадеянное человеческое мудрование, так часто посрамлявшееся за две тысячи лет.

Когда мы всматриваемся в обстоятельства, при которых происходило наше искупление, мы видим как бы два ряда событий разной природы. С одной стороны, течет мирская жизнь, люди движимы своими интересами, стремятся следовать своей воле, поступают в меру своей греховности или праведности. С другой — через внешнюю цепочку фактов обнаруживается всесильное действие Божественного Промысла. Можно лишь удивляться тому, как, не изменяя порядка реальной исторической жизни, оставляя место человеческой воле, Господь направил события по пути точного исполнения всех пророчеств, которые были сделаны еще в древнебиблейские времена. Сбылись пророчества Моисея, Давида, Исаии, Иезекииля, Даниила, Михея и других. Сбылись и собственные предсказания Иисуса Христа о Себе.

Поведение Подсудимого многим читающим Евангелие с культурно-исторической точки зрения представляется не во всем ясным. И мы не поймем ни ответов Спасителя, ни Его молчания, пока не начнем читать Евангелие как благовествование о нашем спасении. Только тогда станет ясно, что перед нами не обычный суд, в котором обвиняемый главную цель видит в своем оправдании.

Восприяв не только нашу плоть, но и человеческие немощи, но кроме греха, Сын Божий молил в Гефсиманском саду Отца пронести мимо чашу страданий, если на то будет Его Святая Воля. Будучи совершенным Богочеловеком, он творил во всем волю Отца. На суде Он вел себя не как человек, пусть даже пророк и праведник, а как Спаситель, пришедший в мир искупить нас вольным страданием. Молчание Его на суде — это безмолвие Агнца Божия, принесенного в жертву за наши грехи. Об этом пророчествовал Исаия: *Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший*

болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих (Ис. 53, 3—7). При чтении этих строк трудно избавиться от ощущения, что писал это не пророк, живший в VIII веке до н. э., а один из апостолов-очевидцев.

Те немногие ответы, которые Христос давал на суде над Ним (например: *если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня* (Лк. 22, 67—68), не столько обращены к судьям, сколько носят исповеднический характер и обращены к нам. Некоторые слова, ради которых Христос прерывал молчание, касались учеников Его, за которых Он молил Отца: *из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого* (Ин. 18, 9). Необычное поведение Подсудимого, не стремившегося оправдаться, заметил и Пилат, но понять его, разумеется, не мог.

Читая повествование евангелистов о суде над Иисусом Христом, замечаешь, что воображение дополняет описание сцены допроса. Происходит это прежде всего благодаря иконам и живописным картинам, запечатлевшимся в нашей памяти. Евангелие ничего не сообщает о внешнем облике Христа, там говорится лишь о Его одеждах и том впечатлении, которое Он производил на людей. Богочеловеческий внешний облик Спасителя мы знаем благодаря иконописным изображениям, которые Церковь бережно хранит на протяжении многих веков. Лик Христа нерукотворно запечатлелся на убрусе (плате), которым Спаситель прикоснулся к Своему омытому лицу. Лучшие списки с этого чудотворного образа сохранили нам Его черты. Первые иконы Спасителя и Божией Матери были созданы святым евангелистом Лукой, видевшим Божественного Учителя в земной жизни. Последующие иконописцы опирались на эти образы. Наконец, мы имеем ранние изображения Иисуса Христа на стенах римских катакомб и саркофагах мучеников (II—III вв.). На ранних изображениях Спасителя передается духовный образ Богочеловека и сохраняется портретная верность в главных чертах. Иконы, изображающие суд над Иисусом Христом, как правило, позднего письма, но в лучших своих образцах опираются на предание и потому заслуживают нашего доверия. Этого нельзя сказать о живописных произведениях. Художники, обращаясь к данной теме, решали задачи своей эпохи, они не ставили цели быть верными духу евангельского повествования. Не имея здесь возможности конкретно разбирать множество картин с этим сюжетом, укажем на отличительную особенность произведений художников в сравнении с творениями верных древней традиции иконописцев. Первые делают акцент на человеческие немощи, в изображаемом ими Богочеловеке умаляется Божественное начало. Такое видение неизбежно, когда Евангелие прочитывается как историко-бытовое повествование.

Да, Иисус Христос взял на себя человеческие немощи, но, благовествуя и просвещая людей, Он преодолевал эти немощи, когда этого требовали цели домостроительства спасения. Так было при попытке убить Его в Галилее, так было, когда Он повелевал ветрам, воскрешал мертвых, насыщал тысячи людей несколькими хлебами. Ночь с четверга на пятницу 7 апреля была для Христа особенно исполнена страданий. Моление до кровавого пота в Гефсиманском саду, частный допрос у Анны, продолжительный суд в доме Каиафы, поругания и заушения, затем суд у Пилата, допрос Иродом, уничижения и насмешки, принятые от воинов царя-идумеянина, возвращение в Преторию, глумление всего дворцового полка, — все это вместе превышает меру человеческих сил. И вместе с тем ни один евангелист не свидетельствует об изнеможении и изнурении Христа. Часть пути Он несет тяжелый, выше человеческого роста, Крест, утешает жен иерусалимских, отказывается от притупляющего боль напитка. И иконописцы, изображающие стоявшего перед судьями Божественного Искупителя исполненным силы, нисколько не отступают от евангельского рассказа.

Иисус Христос не отвечал на лжесвидетельства. Суд, желавший придать законный характер приговору, оснований для обвинения так и не получил. Ночное заседание, длившееся, без сомнения, несколько часов, закончилось почти внезапно. Первосвященник задал Христу вопрос: *Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?* (Мф. 26, 63). Целью этого вопроса было обвинить Подсудимого в богохульстве. И Христос, вышедший на проповедь, чтобы благовествовать о Царствии Божием, прервал молчание. Слова Его напоминают не ответ подсудимого, а откровение о Своем Богочеловечестве: *отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных* (Мф. 26, 64). *Тогда первосвященник раздрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы слышали богохульство Его!* (Мф. 26, 65). Никто, кроме Иисуса Христа, не знал, что происшедшее в ту минуту знаменовало собою завершение всей ветхозаветной истории. Евреи раздирали одежды в знак

крайнего оскорбления или горя. Когда братья предали Иосифа мадиамским купцам, Рувим, не найдя его во рву, разодрал одежды, думая, что брат его убит. То же сделал Иаков, оплакивая сына (Быт. 37, 29; 34). Так же поступил и святой пророк Давид, когда узнал, что Авессалом умертвил всех царских сыновей (2 Цар. 13, 30—31). Но первосвященникам Господь запретил раздирать одежды. Когда огонь от Господа сжег сынов Аарона Надава и Авиуда за то, что они *принесли пред Господа огонь чуждый* (Лев. 10, 1), Господь устами пророка Моисея сказал первосвященнику Аарону и сыновьям его Елеазару и Ифамару: *голов ваших не обнажайте и одежд ваших не раздирайте, чтобы вам не умереть и не навести гнева на все общество* (Лев. 10, 6).

Разодранные одежды архиерея знаменовали конец ветхозаветного священства. Первосвященник Христос заключил Новый Завет и уже не с избранным народом, а со всем человечеством. Раздирание одежд потомкам рода Ааронова, по-видимому, выражавшее гнев вышедшего из себя человека, было промыслительным исполнением пророчества.

Приняв слова Узника как основание для обвинения в богохульстве (в нарушение норм еврейского судопроизводства, согласно которым никто не мог быть осужден на основании его собственного признания), Синедрион признал Его повинным смерти. Необходимо отметить, что у суда была возможность вынести смертный приговор с указанием вида казни и добиваться утверждения его у римской власти. Вместо этого первосвященники повели Иисуса Христа на суд к римскому прокуратору, квалифицировав Его вину, исходя из римских законов (якобы Христос запрещал давать подать кесарю). В этом был лукавый расчет людей, боящихся своего народа, который за пять дней перед этим восклицал при въезде Господа в Иерусалим «Осанна» и под ноги осляти постилал одежды. Но боязнь народа первосвященниками была излишней: народ, не увидевший земной, царской силы Христа, к этому времени уже отвернулся от Него. В частности, это проявилось в том, что множество народа вышло для осуждения Его ночью: можно себе представить степень озлобления этих людей, если вспомнить, что был уже первый день самого торжественного праздника евреев — Пасхи, когда принято было находиться дома. Нужно помнить также, что в эти дни иудеи не имели права совершать казнь. О крайнем озлоблении свидетельствует и стремление саддукеев и фарисеев предать ненавидимого ими Проповедника особо позорной смерти, каковой считалось распятие.

Как уже отмечалось, происходившие тогда в Иерусалиме события имели высший, духовный смысл. В действиях, мотивированных лишь хитростью и расчетом человеческими, мы видим точное исполнение пророчеств. Прообразом распятого на Кресте Искупителя был сделанный Моисеем по повелению Бога медный змей, взирая на которого исцелялись евреи в пустыне (Чис. 21, 9). Через пророка Исаию было предсказано, что Мессия будет причтен к разбойникам (Ис. 53, 12). Сам Иисус Христос говорил ученикам, что *предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие* (Мф. 20, 19). Все это исполнилось после суда Пилата.

Еврейские законы предусматривали четыре вида казни: побивание камнями, сожжение, усекновение главы мечом и удушение. Обвиняемый в богохульстве забрасывался камнями, причем право начинать эту казнь (бросить первый камень) предоставлялось свидетелям. Иисуса Христа дважды хотели побить камнями во время Его последнего прибытия в Иерусалим, но Он отвел от Себя такую казнь.

Чтобы искупить людей на Кресте, сделать Крест орудием победы над диаволом, необходимо было пройти через суд язычников, каковыми были римляне. Правом вершить суд обладал наместник Иудеи, Самарии и Идумеи. Пятому прокуратору Понтию Пилату предстояло вынести Христу окончательный приговор. В еврейских источниках он предстает надменным и жестоким. Прокуратор действительно оскорблял чувства чуждого ему народа. Так, он распорядился брать из храмовой кассы средства на постройку водопровода от Соломоновых прудов до Иерусалима.

Суд в претории, куда связанного Спасителя привели первосвященники, сопровождаемые народом, с протокольной полнотой описан евангелистом Иоанном, который совсем не упоминает о заседании Синедриона. Имея такое надежное и подробное свидетельство, многие правоведы оценивают действия Пилата с точки зрения римских законов. Но ценность этих анализов уменьшается, когда они покидают правовую почву и незаметно переходят в ту область, где римский судия сам предстоит перед судом потомков — область добра и зла. И хотя правоведы приходят к выводу, что Пилат осудил Иисуса Христа невинно, их моральная оценка оказывается несколько затушеванной. Между тем есть ясная и точная святоотеческая оценка действий судьи, вынесшего окончательный приговор во время единственного в мировой истории процесса. Святитель Иоанн Златоуст называет слабость Пилата причиной уступки злобным и лукавым первосвященникам [9], которые, видимо, хорошо знали характер правителя. В нем не было той меры корыстолюбия, которая побудила бы их прибегнуть к церковной казне. Прокуратор был уязвим с другой стороны. *Если отпустить Его, ты не друг кесарю* (Ин. 19, 12),— кричали ему иудеи. И это обвинение прекратило все колебания Пилата и заставило его сделать то, из-за чего он на все времена сам предстал перед судом потомков.

Суд Понтия Пилата над Христом
Живопись на юго-западной стене Спасской церкви (XVIII в.)
в г. Солнечногорске, Московская обл.

Бичевание, которому Христос подвергся у Пилата, можно объяснить желанием прокуратора унять страсти иудеев и угодить им. У евреев не разрешалось наносить подсудимому более 39 ударов. В Риме, где бичевание применялось в основном к рабам, такого ограничения не было. Удары наносились тройными бичами, на концах которых были острые металлические шипы.

Биение и поругание Сына Божия не удовлетворяло народ, кричавший: «Распни, распни Его!» Предав Невинного на распятие, Пилат потребовал воды и совершил обряд, хорошо известный из древнееврейской истории. Когда обнаруживали тело убитого в поле, то выходили старейшины и судьи и измеряли расстояние до городов, расположенных вокруг этого места. Старейшины города, который оказывался ближайшим, брали телицу, не носившую еще ярма, отводили ее в невозделанную долину и закалывали там. В присутствии священников они омывали руки свои над головою телицы и произносили слова о своей невиновности в пролитии крови (Втор. 21, 1—6).

В ответ на слова Пилата о невиновности

в крови Праведника Сего (Мф. 27, 24) народ принял всю ответственность на себя: *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25). По представлениям евреев, попрание правды — осуждение невинного — было тяжким оскорблением Бога, требовавшим искупления общими бедствиями. Убиение Мессии должно было вызвать бедствия страшные и непоправимые, предсказанные пророком Даниилом. Пророчество сбылось в 70 году, когда римские легионы под командой Тита до основания разрушили Иерусалим. Чтобы истребить и память о нем, место, где стоял город, было названо позднее Элией Капитолиной.

Что же стало с судьями? Анна и Каиафа последний раз упоминаются святым Лукой в книге «Деяния святых апостолов»: перед их лицом и лицом других иерусалимских начальников святой апостол Петр исповедовал Иисуса Христа Назорея, Которого они распяли, Которого Бог воскресил из мертвых (см.: Деян. 4, 5—12). Первосвященники, видя смелость Апостолов, *приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса*, но, *пригрозив, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа; потому что все прославляли Бога...* (Деян. 4, 18, 21).

Ирод Антипа, этот расслабленный греховной похотью правитель Галилеи и Переи, в разгар пиршеских удовольствий предавший смерти великого пророка Иоанна [10], подстрекаемый Иродиадою и движимый тщеславием, хотел получить от Рима царскую власть над Иудеей, но был сослан в Лион, где окончил жизнь в полном бесчестии.

Понтий Пилат, умывший руки на каменном помосте, называемом Лифостротоном, согласно древнему преданию, известному еще апологетам II века, описал чудеса Иисуса Христа кесарю. Тиверий под впечатлением этого рассказа хотел сделать Христа одним из божеств римского пантеона, но сенат воспротивился. Конец Пилата, как и Иуды и Ирода, был печальным. Боязнь народного недовольства, так определенно обнаружившаяся во время суда над Иисусом Христом, лишила его самообладания. Когда на горе Гаризим собрались самаряне, поверившие рассказам одного лжеца о спрятанных будто бы там пророком Моисеем священных сосудах, Пилат, усмотрев в этом мятеж, устроил избиение и казнил нескольких знатных людей. По жалобе самарян правитель Сирии, которому подчинялся прокуратор Иудеи и Самарии, передал дело римской верховной власти. Пилат предстал перед судом в Риме, был осужден и сослан в галльскую Вьену. Там он покончил с собой.

Суд над Иисусом завершился, когда Пилат объявил о своем решении отпустить убийцу Варавву, а Христа предать на распятие. Приговор был окончательный. Дальнейшее, называемое на юридическом языке исполнением приговора, не представляет интереса для правоведа. Но для богослова, который в этих событиях видит высший духовный смысл, путь Божественного Узника к месту казни, Его Крестные страдания, смерть и воскресение являются центральными событиями всей земной жизни Христа.

Страстной путь Иисуса Христа начался в претории, находившейся в то время в бывшем дворце царя Ирода в западной части Иерусалима. Христос, сопровождаемый воинами, нес Крест. Об этом свидетельствует святой евангелист Иоанн Богослов, который стоял на Голгофе близ своего Учителя. Скорбное шествие продолжалось по улице города до поворота вправо, за которым начинался подъем. Здесь произошло событие, о котором источники сообщают кратко: Крест был возложен на Симона Киринеянина, шедшего с поля. О нем мы знаем очень мало. По-видимому, он принадлежал к еврейской общине (на еврейское происхождение указывает имя) ливийского города Кирены. В праздники иудеи, жившие в рассеянии, обычно приходили в Иерусалим. Так было в день Пятидесятницы, когда на апостолов сошел Святой Дух. Среди людей набожных, *из всякого народа под небом*, изумлявшихся, что галилеяне, ученики Иисуса, говорят и на их наречии, были и прибывшие из тех частей Ливии, которые прилежали Киринее (Деян. 2, 5—10). Проживание за пределами Палестины объясняет, вероятно, и имена сыновей Симона — Александр (греческое) и Руф (римское). Можно догадываться, что у них были и другие имена, как это нередко было в то время. Некоторые исследователи считают Симона рабом. По их мнению, свободного человека нельзя было заставить нести тяжелый крест — орудие позорной казни.

Чтобы понять смысл евангельского рассказа о возложении Креста на Симона Киринеянина (см.: Лк. 23, 26), необходимо с историко-исследовательской точки зрения подняться на уровень духовного видения этих судьбоносных событий.

Симон Киринеянин, несомненно, был последователем Христа. По Божественному Промыслу, проявлявшемуся во всех обстоятельствах искупительного дела Спасителя, Его Крест не мог нести случайный человек. Божественный Учитель говорил о необходимости для спасения отвергнуться себя и нести крест. Это одна из христианских заповедей. Мысль о спасительном несении креста проходит через всю святоотеческую литературу и творения подвижников благочестия. И Симон Киринеянин был первым, кто в буквальном смысле взял Крест Христов на себя.

Память христиан благоговейно указывает место, где Матерь Божия увидела Сына, шедшего на Голгофу. Встреча эта произошла в той части пути, на которой Он нес Крест Сам.

Место казни находилось вне Иерусалима. Название горы, на которой свершилось распятие, происходит от еврейского «гулголет»

(череп). В результате эллинизации этого слова возникло слово «Голгофа». «Евангелисты не сообщают подробностей о том, как совершилось распятие Христа, ограничиваясь только сообщениями, что Он был распят. Отсюда можно заключить, что Он был распят обычным способом, каким происходила эта самая страшная из всех казней. Крест был не так высок, как пишут его живописцы. Он обыкновенно возвышался над землей на одиннадцать футов и редко на двенадцать. Ноги распятого были не выше четырех футов от земли. Неизвестно, прибиты были ко кресту руки и ноги Спасителя раньше или после того, как крест водрузили в землю. При распятиях бывало то и другое. В первом случае распинаемый привязывался к кресту, затем или с земли, или, может быть, с подставки или лестницы ему прибивали руки и ноги. Во втором случае крест клали на землю, распростирали на нем распинаемого и, может быть, привязанные, прикрепляли гвоздями ко кресту его руки и ноги, после чего привязи или веревки снимались. Этот последний вид казни был страшнее, чем первый, потому что при подъеме и водружении креста в землю все тело сотрясалось, и от этого происходили самые невыносимые, самые страшные боли...»[11].

Евангелисты ничего не говорят о форме Креста, на котором был распят их Учитель. Римляне в качестве орудия казни использовали кресты различной формы. Кроме хорошо нам известного прямоугольного соединения двух разновеликих брусьев, кресты были в форме букв Т и Х. Последний вошел в историю как «андреевский крест», потому что на таком кресте был распят святой апостол Андрей Первозванный. Брат же его, святой апостол Петр, был замучен на прямоугольном четырехконечном, но обращенном коротким концом в землю кресте: Апостол из великого смирения, не дерзая уподобиться Христу на Кресте, пожелал быть распятым вниз головой.

О форме Креста Господня мы можем судить по тому, что, как сообщается в Евангелии, над головой Христа была надпись по-еврейски, по-гречески и по-римски: *Сей есть Царь Иудейский* (Лк. 23, 38).

По обычаю казнимого обнажали. Одежды доставались палачам. Так как Иисуса на распятие вели четыре воина, они и разделили одежды Его на четыре части. Хитон же, сотканный по преданию Его Матерью, *был не сшитый, а весь тканый сверху* (Ин. 19, 23). Чтобы не раздирать его, воины бросили жребий, и он целиком достался одному из них, и в результате исполнилось еще одно ветхозаветное пророчество: *Яко обыдоша мя пси мнози, сонм лукавых одержаша мя, ископаша руце мои и нози мои. Исчетоша вся кости моя, тии же смотриша и презреша мя. Разделиша ризы моя себе, и о одежди моей меташа жребий* (Пс. 21, 17—19).

Смерть на кресте наступала от жажды и голода. Казнимый оставался жив много часов, иногда несколько дней. Иисус Христос страдал на Кресте около четырех, самое большее — шесть часов. От шестого часа до девятого по полудню (по-нашему — от двенадцати до трех) сделалась по всей земле тьма, померкло солнце. Иисус Христос возопил громким голосом: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46). Эти слова вочеловечившегося Бога являются камнем преткновения и соблазном для рационалистического ума, для которого закрыта духовная, божественно-промыслительная сторона всех новозаветных событий. Сам Спаситель по Воскресении Своем укорял еще не просвещенных Святым Духом учеников, которые (как и позднейшие неверующие ученые) не видели особого смысла в крестной смерти Христа: *О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем* (Лк. 24, 25—27).

Осмысливая последние предсмертные слова Господа, прежде всего надо сказать, что они точно соответствуют словам 21-го псалма пророка Давида (стих 2). Этим прямым обращением к Священному Писанию Христос даже с Креста напоминал людям о своем спасительном деле, предсказанном пророками.

Важно удержаться от соблазна впасть в другую крайность и не умалять страданий Нашего Спасителя. Воплотившийся Бог испытал на Кресте все мучения человеческой плоти. Страдания вочеловечившегося Господа усугублялись еще тем, что Он, хотя принял человеческую природу, но был лишен всякого греха. Смерть же есть следствие греха. Человек был сотворен бессмертным, и смерть вошла в человеческую жизнь вместе с грехопадением. Для Богочеловека, свободного от греха, она была совершенно противоестественной[12]. С этим связана и великая скорбь Иисуса Христа в Гефсиманском саду и Его «моление о чаше».

Голгофские страдания Иисуса Христа, нераздельно соединившего Свое Божество с человеческой природой, не закончились в тот вечер, когда наступила Его смерть, сопровождавшаяся великими знамениями. Согрешая и творя беззакония, люди продолжают распинать Христа. В этом убеждает двухтысячелетний опыт Церкви. Достаточно вспомнить, при каких обстоятельствах возник на Анзерском острове Голгофо-Распятский скит Соловецкого монастыря. Там подвизался иеромонах Иов (в схиме — Иисус). В среду 18 июня 1710 года он вышел из Свято-Троицкого Анзерского скита и отправился к иеродиакону Паисию, проходившему на этом же острове подвиг пустынничества. Преподобный Иов остался у него на ночь и встал на молитву. В полночь, утрудившись, он сел и в это время увидел в келье не-

обычный свет и в сиянии славы Божию Матерь, а вместе с Нею преподобного Елеазара Анзерского. Царица Небесная показала на гору, у подножия которой была келья, и сказала: «Эта гора отныне называется вторая Голгофа». Когда видение закончилось, с высоты раздался другой голос: «Освяти гору Голгофу и поставь крест». Преподобный Иов вместе с учениками 29 июня 1710 года освятили гору и воздвигли на ней крест[13]. Пророчество точно исполнилось через двести с лишним лет, когда возник Соловецкий лагерь особого назначения и место это было обильно полито кровью замученных там священнослужителей и простых верующих людей.

Иисус Христос умер на Кресте еще до исхода дня. Смерть наступила необычно рано. Этому удивился и Пилат, когда к нему явился праведный Иосиф Аримафейский испросить тело Учителя. В XIX веке рационалистические критики Библии, чье одномерное, плоское сознание было неспособно вместить чудо Воскресения, использовали это обстоятельство для абсурдного предположения, что Христос не умер на Кресте, а был снят с него в состоянии обморока. Воинам, которые стерегли Его тело, было ясно, что Распятый умер. Лишь один из них, чтобы не оставалось сомнений, пронзил Господу грудь копьем. После удара копьем из груди Спасителя истекли кровь и вода. Объяснить истечение крови было легко: копье, пробив правые ребра, прошло через всю грудь и пронзило сердце. Что касается воды, то до начала нашего столетия никаких убедительных объяснений не было. Туринская плащаница дала толчок для специальных исследований в этой области. Анатомы пришли к выводу, что речь идет об особой жидкости, которая скапливается в предсердечной сумке.

Понять, почему Иисус Христос пребывал на Кресте не более шести часов, легко, если помнить, что во всех евангельских событиях действовал Божественный Промысл. До наступления нового дня — субботы — праздника Пасхи оставалось несколько часов. Закон строжайше запрещал в этот день какой-либо труд, в том числе и погребение умерших. Иисус Христос умер примерно за три часа до наступления субботнего покоя: за это время предстояло получить разрешение у прокуратора на снятие тела, совершить принятый у иудеев погребальный обряд и положить тело в гроб — в высеченную в скале пещеру.

Должно было исполниться пророчество Иисуса Христа о Себе: будет отвержен первосвященниками, убит и в **третий день** воскреснет. Так и случилось: Он воскрес в третий день после своей крестной смерти, когда наступил первый день недели (неделя заканчивалась у евреев субботой), то есть восьмой день. В христианском богословии семь дней связываются с земной жизнью (образ этот идет из Ветхого Завета — шесть дней творения и седьмой день покоя), восьмой же день — с жизнью будущего века. Он начнется со Второго пришествия Христа и всеобщего воскресения всех людей для Суда. Иисус Христос воскрес именно в восьмой день и тем самым дал нам образ будущего нашего воскресения.

Своим Воскресением Иисус Христос победил смерть, разрушив силу диавола. Всем, кто поверил Ему и избрал путь Его заповедей, Он открыл врата в Вечную Жизнь — Царство Небесное.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из Евангелия мы знаем, что царь Ирод, умерший в 4 году до н. э., хотел смерти Младенца Христа. Следовательно, Иисус Христос родился около 5 года до нашей эры. Когда началось учительное и проповедническое служение Христа, длившееся более трех с половиной лет, Ему было около 30 лет. Следовательно, суд над Ним и Его Крестная смерть приходятся приблизительно на 29 год. Некоторые библеисты указывают годом рождения Иисуса Христа 4 год до н. э.

[2] Фаррар Ф.-В. Жизнь Иисуса Христа / Пер. с англ. А. П. Лопухина. 6-е изд., СПб., 1893, с. 26—27.

[3] Более подробные сведения по этому вопросу можно найти в работе английского правоведа А. Тэйлора «Суд на Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения» (Христианское чтение, 1878, № 9—12).

[4] Иннокентий (Борисов), архиепископ. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. СПб., Б. г., с. 10—12.

[5] Святитель Василий Великий. Творения. Т. 1. СПб., 1911, с. 235.

[6] Святитель Игнатий (Брянчанинов). О причине отступления человеков от Бога. Беседа в неделю тринадесятую.— В кн.: О кончине мира. Три поучения. СПб., 1882.

[7] Блаженный Феофилакт Благовестник, или Толкование на Святое Евангелие. Евангелие от Матфея. Казань, 1898, с. 361—362.

[8] См.: Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. 2-е изд. СПб., 1844, ч. 1, с. 161—162.

[9] Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. М., 1887, с. 449.

[10] Православные общества трезвости, создававшиеся в начале века для борьбы с пьянством, имели своим Небесным покровителем святого Иоанна Предтечу, убиенного во время пьяной оргии.

[11] Фивейский М. Евангелие от Матфея.— Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 8. СПб., 1911, с. 456.

[12] Эту мысль глубоко раскрывает замечательный русский богослов В. Н. Лосский. См.: Богословские труды, сб. 8. М., 1972.

[13] Соловецкий патерик. СПб., 1873.

БОРИС СПОРОВ

Уголька, или Отец Иов

И думалось: все здесь каменное. Промытые дождями и талыми водами расщелины, обрывы и просто откосы зияли плитчатым литым камешником под вечной сенью. И невольно представлялось, что горы под тощей накидкой земли — сплошь из камня. И деревья каменные — литые, могучие, с гладкими холодными стволами. Грабовый и буковый лес отливал холодом и звоном. И корни выпирали наружу упругими суставами — каменные, как если бы не в землю росли, а из земли наступали продолжением горного камня. И эхо здесь такое раскатистое и многоголосое, стоит лишь крикнуть:

«Речка Угля! Уголька-а!»

И в ответ со всех сторон на разные голоса:

«А-а-а... А-а-а... Да-да-да-да-да-а-а...»

Как и держатся неохватные деревья по склону, не падают, не разбиваются на куски?.. И тропа по карнизу вниз — каменная. Теряется тропа в долине — там селение Уголька, там речка Угля, там по долине разбросаны хижи*. И всюду камень, холодный или прогретый солнцем. И как это держится жизнь на камне?!

Но так видится чужому, стороннему глазу, иначе видит глаз привычный, свой. Под своим глазом Закарпатье дышит не камнем, а монолитным постоянством, верностью и вечностью. И земля не камень — здесь тоже пашут, лес пилят, строгают — и живут здесь люди постоянные и верные, как сами закарпатские горы, имя этим людям — *русины*. Есть мнение, что отсюда и пошла земля Русская.

При долине и по склонам гор хижи разбросаны. Отгородились люди и от запада, и от востока. Да только не скрыться, не отгородиться. Велик свет, но и он сходится клином на земле, где ты стоишь...

— Куда же вы едете?

— Отдыхать в Малую Угольку.

— К кому же вы едете?

— К отцу Иову...

Так. А началось иначе.

Приехала Нина в Сергиев Посад сама не своя: люди добрые, помогите.

И возложили руку на голову ее:

— Что с тобой — говори.

— Мама умерла...

— Мир праху ее.

— Суженый сватать обещал. Оказалось — женат и дочка.

— Значит, не суженый...

— Ой, как и жить — деревню живьем сничтожают...

---

* Хижа — хата, изба.

— А ты живи.

— Не могу.

— А ты помолись — и живи.

— Церкви порушены.

— А ты дома. Дома — церковь.

— Молюсь. Да только страх охватывает. Сил нет — за что так...

— За грехи. Церковь страдала и страдает, и мы все — страдаем... К старцу надо — в тишину, рядом побыть. Поезжай — покажу дорогу.

— Далеко ли?

— На вторые сутки будешь...

И поехала... С тех пор из года в год. Нет, не старец в скиту — батюшка, архимандрит Иов.

Зорко и, казалось, печально, лишь иногда с улыбкой, смотрел он из-под нависших прямых бровей. А губы его постоянно жили в Иисусовой молитве.

— Так ты что же заплуталась,— впервые увидя Нину, сказал он.— Прямо надо идти, к месту и придешь.— Скупо усмехнулся и, благословив, сказал: — А ты иди туда, вниз, к матушке Ксении, там и отдохнешь. К вечерней и приходи.

Согласно кивнула в ответ и пошла, не понимая, чему улыбается... И верно ведь — заплуталась в долине, ушла с тропы, даже испугалась, но ничего, вышла, хотя и путь не велик — семь верст через горы.

Матушка Ксения — старая монахиня, русская из Харькова, по образованию врач, с практикой. И еще при ней две монахини — все в одном доме: пищу готовят, просфоры выпекают, страждущим богомольцам приют дают... Приняли, накормили, предложили отдохнуть. Не отдыхалось — оглянулась вокруг и сказала: здесь все иначе — жизнь у вас не разрушена. И Нина заплакала. А матушка Ксения сказала:

— И здесь тяжело — привыкнуть надо... Везде тяжело. И не было жизни легкой и не будет...

Все они, отец Иов и матушка Ксения с сестрами-монахинями, пришли в Угольку, когда дотянулась и до Закарпатья рука антихриста: закрывали монастыри, оскверняли храмы, жгли книги — разгул с конца пятидесятых годов.

И всегда так было — страдали православные во имя Христа.

В селе Иза в благочестивой семье рос мальчик — имя тому мальчику Иван. Тогда в мире началась война. Первая мировая. Немцы воевали славян — поход и против Православия. Закарпатье было под австрийцами. Грабили монастыри, преследовали пастырей.

На сеновале родителей скрывался православный монах. Носил ему тайно Иван с приятелем еду, и пока тот ел, жадно смотрели на него, восхищаясь гонимым за веру. А он был бородат и худ, и весь черен был тот монах, и только крест наружный сиял на груди — большой крест, золотой. Смотрели на этот крест приятели, и думалось им, если приложиться к этому кресту, то и опалишься — огнем и опалит... Собравшись с духом, спросили:

«А крест поцеловать можно?»

И последовал странный ответ:

«Нет, хлопчики, цей крест особый, такий, что если его поцелуешь, так уж и быть монахом. Надумаете монахами стать, тогда и крест целовать позволю».

Не ведал опальный чернец, что дети не спали всю ночь — думали, решали: быть или не быть. На всю жизнь, оказалось, делали выбор. И на другой же день они явились и сказали:

«Будем крест целовать, решили в монахи...»

И целовали крест. А было им всего-то по восемь лет — и возложили они на себя такую ношу. Не просто возложили, но и не преступили крестоцелования. Уже через шесть лет оба они были монахами...

Что это, если не Промысл Божий? И в восемь лет понесли дети свой крест через всю многотрудную жизнь.

В Угольке и сегодня все не так. И встречный незнакомый человек вместо обычного «здравствуйте» мог сказать «Христос воскрес», и это воспринималось и как символ веры, и как приветствие единоверца.

Где-то в горах проходила граница с Венгрией, а повыше, севернее — с Чехословакией, а еще севернее — с Польшей. Но люди жили как будто и вовсе без границ. Большинство крепких мужчин летом уходило на заработки на Украину и в Россию. А женщины дома вели хозяйство и растили детей. Семьи многодетные, дети неприхотливые, как и в русских деревнях до порабощения.

Хижи по низу, по долине, а церковь из ряда вышла, возвысилась — в сторонке на взгорке — церковь Димитрия Солунского.

Небольшой, как будто надтреснутый колокол, а всюду слыхать.

Со всех сторон католики, униаты, кальвинисты, атеисты, а они — горсточка истинно православных с времен незапамятных. И держатся потому, что от корней своих не отходят, верой, постоянством живут.

Нина сидела на широком низком пне — здесь они ежегодно отдыхали, прежде чем спуститься в долину к Угольке. Угольке совсем рядом — несколько сот шагов, а отдохнуть самое время: после перехода привести себя в порядок, и попить можно, и умыться — рядышком родничок.

И что за благодатное место!

Ва́нюшка-племянник бродил по откосу, выслеживая черных и в червленый горошек «крокодильчиков» — словно ящуры из доисторических времен, медлительные и любопытные. Выберется такой на камень или на пень и хлопает глазами, как варан.

Здесь все как будто из вечности и вечное.

Нина умылась причесалась и теперь просто сидела — отдыхала, вяло думая о том,

что надо бы просить совета: как самой-то быть — жить как? Сестра с мужем возвратилась из города, и «по-прежнему» теперь уже не получится, надо что-то менять... Переселить их к Ракову во вторую половину дома — Леночка уедет, один останется. Или самой к Ракову переселиться? Или начинать строиться? Только на что?.. А если Ваня в зиму уедет? Дай-то Бог... Вот и спрошу... хотя что спрашивать — он и сам об этом скажет. Господи, хорошо-то как. А может, сюда уехать?..

Ванюшка так и бродил беспечно по откосу, ему мнилось, что все-то уже за него решено, что все сложится, как определено — и не иначе, стало быть, и тревожиться и думать нечего. Тревожила Перелетиха: возвратились мать с отцом, как быть крестной... Но до решения родительских вопросов он еще не дорос, значит, прежде всего самому хотя бы определиться — дело не простое.

Окликнула Нина — пора идти. И Ванюшка, сложив рупором ладони, молодо закричал:

— Это я-а-а! Уголька-а!..

И засмеялся, с восторгом принимая горное многократное эхо.

Когда Нина впервые привезла с собой племянника, она боялась, что он, тогда еще малец, одичится, не воспримет ни селения, ни церкви, ни отца Иова. Однако уже с первых шагов встреча оказалась неожиданной: когда вот по этому спуску еще не сошли к мостику через ручей, Ванюшка вдруг вытянул шею и тихо засмеялся:

— Крестная, гля, гля — терем-теремок!

Точно сказочный теремок меж деревьев высветилась зимняя церквушка. И так это выглядело радостно, что Ванюшка потребовал немедленно идти туда, хотя Нина хотела повременить до воскресного дня, когда в храме будет многолюдно и молодо...

Если смотреть из долины, то церковь на выдвинутом взгорке выглядела морским кораблем с видимой передней частью его. На взгорке места было столько, чтобы разместить зимнюю церквушку-часовню, летнюю церковь под крышей на два ската, без отопления, но зато вместительную. И все это было огорожено штакетным заборчиком по краю откоса. А дальше, от церкви шагах в пятнадцати, небольшой домик — приземистый и широкий, с прихожей и двумя комнатами-келлиями. Здесь и жил архимандрит Иов со своим давним келейником, теперь уже очень больным монахом Михаилом. А выше в гору начиналось сельское кладбище, тихое и ухоженное — поистине вечный покой.

Да и все здесь было вечно и покойно после российской разрухи, после поруганных храмов и кладбищ.

Когда Нина поднялась к церкви впервые вместе с Ванюшкой, на уличной скамейке возле ограды сидели мужики в неизменных своих шляпах, залихватски сдвинутых на затылки, и среди них — уже и тогда весь седой, в подряснике и в неизменных яловых разбитых сапогах архимандрит отец Иов.

Отец Иов (Кундря). Уголька
Фото 1975 года

К нему шли за советом по любому вопросу — летом вот так на скамье, а в ненастье и зимой проходили в хижу, где и беседовали мирно. И не просто беседовали, а выслушивали советы, нередко — и указания: как лучше и где лучше строиться, какой использовать материал; садовые дела и огородные; выложить колодец или подшлифовать мельничные камни; заболевала скотина — за советом шли к отцу Иову.

Батюшка был не только дипломированный виноградарь, был он и плотник, и столяр, и жнец, и швец... И в Угольке давно привыкли — отец Иов все знает, потому и даст дельный совет.

— А вот и агрономка наша до совету, и добре...— Поднялся навстречу, благословил Нину.— И це Иванко,— сказал добродушно, поворачиваясь к Ванюшке. Приобнял малого и увел в летнюю церковь, откуда они долго не возвращались.

И какой же закарпатский монах в молодые годы не мечтал об Афоне!

И пошел отец Иов на Афон искать благословения в один из монастырей. Он шел под дождем и под палящим солнцем, ел что Бог пошлет, ночевал, где ноги остановятся, не уставая благословлять трудную и радостную дорогу.

Оказалось, прежде надо идти в Афины — и он пошел в Афины; затем в Салоники — пошел в Салоники. Но всего-то и выяснил, что желающему на Афон монаху необходимо внести вклад — разовую денежную сумму, какую отец Иов и в руках никогда не держал.

Он возвратился в Закарпатье. Окончив школу виноградарей, несколько лет трудился от темна до темна, не тратя на себя ни единой копейки. И собрал-таки необходимую сумму — и вновь отправился на Афон. На сей раз настороженно приняли инока греческие чиновники. Но прошел отец Иов через все кордоны и заслоны. Однако и на Афоне встретили его без прежней доброжелательности — что-то изменилось в окружающей жизни, и это «что-то» отразилось на всем... Вот взнос, вот я, благослови, Владыко... Но последовал отказ, было рекомендовано на следующий год сделать письменный запрос.

И вновь пешком в Закарпатье.

А год спустя в письменном ответе настоятель монастыря писал, что на Афон — пока нет возможности, но что Владыка шлет благословение на подвиг, призывает открыть в Закарпатье свой монастырь, а посему вместе с благословением высылает частицу мощей святого Димитрия Солунского.

И плакал от умиления отец Иов, вспоминая Салоники и гробницу с мощами Святого мученика...

Сколько же в наше время на монашество вылито грязи, сколько навета сотворено! А между тем я не нахожу более гуманного и благостноподвижнического института, какие за всю свою историю создало общество людей, говорю о русских монастырях — других не знаю. Особенно монастырям досталось за средневековое землевладение. Только не способствовало ли такое собирание земель государственной централизации?.. В целом же монастыри играли великополезную роль: библиотеки, просвещение, книгописание и книгопечатание, иконопись, общеобразовательная деятельность, научное ведение сельского хозяйства, освоение мирным путем необжитых земель и просветительство — это, что лежит на поверхности, не говоря уже о монастырских приютах и о главном деле монастырей, о молитве. Доводы эти — для атеистов или врагов христианства. Верующему, православному человеку никакие доводы не нужны, верующий знает, что монастырь денно и нощно в молитве — и молятся в нем за нас, грешных, за нас, заскорузлых душой.

Накануне вечером исповедовались, а рано в воскресенье пришли на литургию, чтобы причаститься.

Храм был пуст. Тщательно облачившись, отец Иов молился в алтаре. Старица читала часы, читала быстро и монотонно. На скамейке возле задней стены сидели две женщины, облаченные по-монашески, о чем-то беседовали.

«Вот и никого нет»,— подумал Ванюшка, и в его десятилетнем уме скоро довершилась общая картина: никто и не ходит в церковь, а крестная едет сюда, чтобы ее никто из своих в Никольском не видел... И стоял Ванюшка потерянный, с жалостью в сердце к отцу Иову и к крестной, и, сострадая им, на некоторое время забылся. Когда же оглянулся назад, то увидел, что за спиной уже людно... Склонившись, крестная шепнула: «Я подальше, там буду, с женщинами, а ты тут — с мужчинами будь»,— и отошла назад.

В считанные минуты точно вся Уголька хлынула в Церковь. Мужчины взялись за скамейки, перегородили храм поперек, оставив лишь проход. Они остались впереди, женщины — сзади, за скамейками.

Ванюшка не уследил, когда сменились чтецы, удивился вдруг, услышав и увидев в чтецах звонкоголосого своего сверстника. Он читал по-церковнославянски так свободно и напевно, что думалось — наизусть... Мужчина по-хозяйски зажигал лампадки, разводил кадило, присев на корточки, раздувал угольки... Но самое неожиданное случилось, когда буквально строем пошли девочки и девушки. Нарядно одетые, они дробно постукивали по деревянному полу каблучками, и так строем друг за другом и подходили к иконе святого Димитрия Солунского, размашисто крестились, прикладывались к иконе и торжественные отходили за скамейки, где выстраивались цепочками, придерживая одна другую за локти.

За девочками пошли мальчики. Ясно было, с каким трудом на них утром натягивали свежие рубахи — все они так и дышали вольницей. И даже здесь, в храме, ухитрялись они поддать друг другу под бока, кого-то проталкивая вперед, кого-то придерживая.

Началась литургия.

Отдельные части службы, отдельные молитвы пела вся церковь от мала до велика, по крайней мере, казалось — все. И то один, то другой от чрезмерного усердия запускали такого «петуха», что впору хоть засмеяться, однако никто не смеялся, похоже, не видя в этом ничего смешного.

Шла служба, шла литургия, и не было в людях российской тревоги, когда весь храм как будто обречен на сиюминутную жертву. Россия — страдалица. Россия и до сих пор плачет и умывается кровью.

Это была поистине праздничная служба. На всю жизнь такой и останется в памяти воскресная Уголька.

Получив благословение с Афона, отец Иов не за один год устроил монастырь в Го-

родилове. Это не просто — ведь Закарпатье никогда не было самостоятельным. У настоятеля и взгляд на монашество свой: он считал, что в монахи должно идти смолоду, в годы первой юности, посвящая всего себя духовному подвигу. Монашество должно быть молящимся и деятельным, никакой праздности и только труд во всем. Так он и наставлял послушников. И когда строили келлии и хозяйственные постройки, был настоятель доволен: даже по воду предстояло ходить далеко под гору — другого источника не было... А каково в гору с водой!

Черный тяжелый труд и уединенная молитва — это главное.

Атеистическая власть считала монашество не подвижничеством, а тунеядством, хотя в естественных условиях монастырь полностью себя содержал. Понятно, если затворить монаха в его келлии, да еще везти туриста, чтобы поглазеть на чернеца, то монах сможет существовать только на пожертвования прихожан.

Когда в хрущевские времена монастырь в Городилове закрыли, разместив в монастырской общине сельскохозяйственное училище, то новые хозяева даже водой не смогли себя обеспечивать. Все возделанные монахами виноградники и огороды погибли, хижи запустели...

Поразил сверстник, читавший «часы» на церковнославянском языке. И попросил Ванюшка крестную: научи. А она и сама с горем пополам — без сбоя страницу прочесть не могла.

Пошутил над ними батюшка и благословил: учите оба. Взялись за учебу. Три зимы читали друг другу вслух. Учились писать и даже правила учили... И сама Нина тогда же почувствовала, какой глубиной, многозначностью и простором дышит старорусская вязь. Расширялся запас слов, постигалась красота и музыкальность слова. И подумалось: «Господи, зачем по-школьному бестолково забивать головы «немецкими языками». Не лучше ли свой, родной, язык знать, а мало — можно и греческий, чтобы способен был человек прочесть архивную летопись или древний хронограф без всякого перевода. И почему бы не заиметь спецшколы с древнерусским уклоном, ведь для исторического вуза такая подготовка была бы куда ценнее, чем подготовка с английским уклоном».

Уже не первое тысячелетие Закарпатье переходило от одних завоевателей к другим: поляки, чехи, венгры, австрийцы, немцы... и все с правежом и со своей верой. А ведь живы и не растворились закарпатцы, не распались, не сгинули с «земли обетованной».

«Что же в них такое, если они так крепки и едины?» — как-то между прочим сказала Нина. На это отец Иов ответил с неповторимой простотой: «Так ведь помолятся — и крепость... И в литургии всякий раз о единомыслии, в том и сила...»

Под эгидой Гитлера искусственно распаленный национализм уже бесчинствовал в Европе, и с каждым днем становилось понятнее, что эта механизированная армада всего лишь репетирует, что главная задача ее — обрушиться на славян, чтобы учинить истребление двух народов — русского и немецкого.

Опрокинулся бронированный рейх и на Карпаты. Подступило время выбора. И понадеялись, что на востоке как-никак славяне и единоверцы... Забыли, что и восток в плену, не подумали, что лучше оставаться дома, уходить в пещеры.

Редко, но случались удивительные прогулки далеко в горы. Когда Ваня окреп, ходили вдвоем, ходили с кем-нибудь из залетных москвичей. Но иногда ходили с отцом Иовом. Ему и тогда уже было за семьдесят, и приходилось только удивляться стойкости этого человека — сам он уверял, что по горам ему ходить легче, нежели по ровну. Подоткнув под ремень полы подрясника, шел он и шел, напористо и ловко — из-под его ноги и камень не срывался. И каждая тропа вела к цели. То выходили к горному хутору. Вот так: в горах одно подворье — и все. И радостью охватывало до озноба: вот ведь живут люди и, наверно, не жалуются. Так почему же из Перелетихи бежать?! А то вдруг выходили к цветущему горному лугу. Волнение охватывало, не верилось, что здесь, в горах, такой равнинный луг, такая пойменная благодать. И луг не испорчен ни тракторами, ни мелиораторами!.. А когда ноги наливались усталостью — на пути вставала скамейка на столбушках. А рядом — непременный крест с иконой под крышей «домиком», с цветами... А однажды водил отец Иов в легендарные пещеры. Здесь и отшельники жили, и те, кто сопротивлялся иноземцам-завоевателям. Часто приходилось скрываться в пещерах, а выжили.

«Вера — это все. Без веры и человека нет, есть живое существо, а не человек»,— нередко говорила матушка Ксения. «Так ведь матушка все знает»,— поддерживал ее отец Иов. Он и сам не мыслил человека без веры, без Бога, как не мог бы принять жизнь ради смерти. «Да всюду вера: только одна вера правды, а другая — лжи. И врут, когда говорят, что ничему не верят — в разрушение верят, антихристу верят, погибели поклоняются — то и вера...»

Нина верила покорно и тихо. Она и не хотела знать всего, вникать во все. Однажды уяснив и поверив в бессмертие души человеческой, объяснений вере она уже не искала и даже отстранялась от каких бы то ни было поисков и толкований, ей и не хотелось тревожить сложившийся тихий уклад в душе. Ведь если душа бессмертна, то все в мире для приготовления души, значит,

все случающееся в жизни принимай как экзамен и не поклоняйся лжи.

И Ваня жил по-детски, с незамутненной верой. Но в последние два года он как будто начал испытывать себя, появились сомнения. Через искушение — к сомнению, через сомнение — к опыту, через опыт — к истине. Сомнений хватало, а опыта не было. Необходим был авторитет... И архимандрит Иов тотчас это понял.

Уже врывался в горы десант. Падали и случайные бомбы; воюющие стороны здесь пока не сходились. Но наконец донесся скрежет гусениц бронированных машин — и люди дрогнули, стронулись с места, двинулись на восток. Не верили, что и восточные пространства будут порабощены, не хотелось верить, что и там тирания.

Двинулись пешие, на возках, с женами и детьми, несли на себе узлы и тянули за собой на привязи скот. Поднималась дорожная пыль. Скрип телег, голоса и крики взрослых, плач детей сливались в общий гул, и гул этот двигался к востоку.

Впереди несли икону Спасителя, тем самым показывая, что идут безоружные, под защиту единоверцев... Архимандрит Иов понимал, что ни с запада, ни с востока милости не будет. Но двинулись люди — не сотня, не тысяча, а десятки тысяч двинулись через перевалы к братьям на Украину. Пошел и он с народом, не мог остаться... Бежали люди от огня, не ведая, что их ждет впереди. Гитлер объявил, что рейх заслал к русским через Карпаты сорок тысяч диверсантов и шпионов, которые двинутся в глубь страны, приготовив путь для наступления «доблестной» немецкой армии.

И Сталин проявил бдительность.

Беженцев грузили в машины, в вагоны и отправляли в Заполярье. Архимандрит Иов оказался в воркутинских лагерях...

Бывая в Угольке, Нина отдыхала душой. Здесь она жила тихой молитвой, мудрым и добрым советом. Местные жители воспринимали ее только как гостящую, а что до веры — так в Угольке все верующие. И две-три недели здесь снимали с души тяжесть, накопленную за год. Нина убедилась в этом, когда однажды, так случилось, не поехала в Угольку: и до того-то тяжело было, устало и тягостно, что не будь на руках Ванюшки — уехала бы зимой.

А Ванюшка все годы казался беспечным голенастым малым при доброй матери, у которой одна заботушка — он. И Нина в душе своей уже начинала сокрушаться: а что же дальше? Ведь ничем, похоже, Ваня не интересуется. Вернее, он всем интересуется, но определить себя на будущее не может и как будто не пытается. И лишь минувшей зимой, как снег на голову, объявил: учиться в Сергиев Посад. Нина молчала, она не могла вовсе говорить об этом — реально ли такое? А что скажут родители?

Сколько их осталось живых из сорокапятидесяти тысяч русинов, «шпионов и диверсантов»? Теперь уже никто никогда не ответит на этот вопрос. Преступление свершилось. И только на Божьем Суде преступники ответят и за это злодеяние.

Этапировали долго и мучительно. А до первого этапа держали в каком-то разграбленном монастыре.

Начальник конвоя расспрашивал, как хоронят монахов, как могли захоронить игуменью, кладут ли в гроб золотые кресты и если кладут — сколько?..

Неожиданно вечером вывели из общей камеры и втолкнули в темное подземелье, где не было света, но было много крыс.

Отец Иов молился, уже не надеясь выйти из этого подземелья; боялся, не наступить бы на крысу, знал, что на писк накинутся полчища — не отобьешься. И не ведал, сколько прошло времени... Но темницу отворили — выходи. Рассветало. Привели в помещение: на полу корчился начальник конвоя, пораженный черным недугом. Решив, что в гробу игуменьи должны быть золотые кресты, он вывел ночью арестованных и приказал раскрыть могилу. И подчинились — землю раскопали, но отказались разбивать гроб. Все отказались. И тогда в гневе начальник ударил одного из невольников лопатой и сам прыгнул в могилу, чтобы разбить гроб... И его начало корежить, точно в падучей.

С трудом выволокли его из ямы, но и наверху крутило, казалось — кости похрустывают.

Тогда и вспомнили архимандрита. Его привели и приказали избавить начальника от судорог. Перекрестившись, отец Иов ответил: «Бог наказал, и здесь я бессилен».

К вечеру начальник конвоя отошел в мир иной.

Сгоняли в лагеря на истребление. Работа тяжелая, еда — по режиму военного времени, теплой одежды нет, а морозы заполярные... Человека убить — ничего не значило. Чтобы забрать свитер или сапоги, не спрашивали, не говорили: дай, отдай. Глушили по голове кайлом — для продления собственной жизни. И так, на практике, воплощался лозунг вождя: «Преступный мир уничтожит сам себя».

Возненавидел один из уголовников отца Иова. Видеть не мог, называл не иначе, как попом, осыпал скверной бранью. Архимандрит молчал: что он мог сказать бесновавшемуся невольнику, когда и лагерный кум* не давал роздыху.

Однажды, руганью взъярив себя до крайности, уголовник бросился на архимандрита с ножом, вскинул руку — и остолбенел. С минуту стоял в такой позе, а затем в страхе закричал: «Ты что сделал, ты чем опалил, обжег чем?..» Так до конца и спраши-

* Кум — начальник оперативной части.

вал: «Скажи, что ты сделал? Огнем опалило!»

А кум постоянно «снимал» с архимандрита нательный крест. Кум — коммунист, но не хотел насильственно перевоспитывать — изводил, давил, чтобы сам отрекся.

Отец Иов понял: отсюда живым не выйти. И погрузился в постоянную молитву: молил Чудотворца Святителя Николая помочь причаститься Святых Таинств, чтобы не умереть без причастия... Дни текли, и сил уже не оставалось на выживание, когда вдруг вызвали на вахту: сверились с делом, убедились в подлинности лица и только тогда объявили, что срок заменяется отправкой на фронт.

Всем, кого отправляли на фронт, для поддержания сил наверное, выдавали сухой паек: сухари и по пятнадцать банок тушенки. Отец Иов попросил дозволения пронести все эти банки в зону.

Барак, секция, нары, озлобленные, обреченные невольники...

«Что, поп,— кто-то спросил без всякого интереса,— актируют, что ли?»

«На фронт отправляют... Вот и тушенки дали подкормиться».

И достал из котомки банку — подал одному, затем другому, третьему, и наконец, пятнадцатую, что ли, банку тушенки он протянул тому самому ненавистнику... И дрогнула рука берущего, он поднял взгляд и негромко сказал: «Ты не носи злобу, поп, бес попутал...»

Отец Иов. Уголька
Фото 1981 года

Как это важно, необходимо, чтобы тебя выслушали — без суеты и корысти выслушали, поняли, поверили, рассудили, посоветовали без раздражения и с любовью. В современной жизни этого не сделает отец родной, друг задушевный, начальник любых высот и рангов — это может сделать только священник-духовник. Но даже в Москве, где церквей на восемь миллионов населения, наверно, ровно столько, сколько их на всю остальную Россию, даже в Москве священник не в состоянии выслушать каждого. Обычно исповедь проводится общая, обычно священник уделяет прихожанину несколько минут. А человеку надобно высказаться, поделиться тяжестью своих сомнений...

И ехали в Угольку со всех сторон, за сотни и тысячи верст, ехали страждущие к архимандриту Иову. И много же у него было духовных детей, и особенно много — из Москвы: врачи и писатели, преподаватели и инженеры, геологи и артисты. И всех выслушивал батюшка Иов. Дошло до того, что уже не вмещались одновременно приехавшие в доме и пристройках матушки Ксении — стали снимать жилье в других домах.

Обеспокоенные власти и пограничники не раз устраивали проверку документов, но нарушений режима со стороны приезжих христиан не было.

— Ваня,— позвала Нина.

Подошел Ваня, неожиданно притихший. Он хмурился и, видимо, не решался о чем-то заговорить. А когда крестная глянула ему в глаза и доверительно спросила:

— Ты что, а?

— Ничего,— печально улыбнулся, тотчас постаравшись высвободиться из-под руки крестной.— Да так, ничего...

— Ва-аня...

— Да я о Перелетихе, крестная... Понимаешь, кто же это посмел истребить тысячи деревень... тысячи церквей? И кто за это ответит? И до каких пор это? Или мы уже не способны сопротивляться?.. И надо ли сопротивляться? И кому сопротивляться?

Нина растерялась: это было так неожиданно, что она молчала, не находя слов. Как же объяснить: гибнет Родина, гибнет народ — и спасения никакого нет!.. Как объяснишь, что люди истекают кровью... Господи, можно ли и нужно ли объяснять это — пусть батюшка посоветует.

Ваня неожиданно строго сказал:

— Не надо, крестная, я все и сам понимаю, только вот выхода не нахожу и тошно... А отцу архимандриту я об этом скажу — посоветуюсь... Только как мы можем жить и бездействовать?

Он был искренен и чист, и она тоже строго ответила:

— А мы, Ваня, много десятков лет уже не живем, а выживаем. Вот мы с тобой из всей Перелетихи и выжили. Теперь будем думать, как жить...

И они пошли — вниз, вниз по камню, перевитому корнями деревьев. И покачивались они, беспомощные и слабые, на крутом спуске. И казалось, нет им уже спасения, но ведь впереди у них была Уголька, или отец Иов.

Закарпатских беженцев, которых успели собрать по концлагерям, направили в чехословацкую добровольческую бригаду генерала Свободы, формировавшуюся тогда на территории Советского Союза...

Никто теперь не расскажет, как воевал архимандрит Иов, сам же он считал свое участие в войне греховным.

«В артиллерии я воевал,— не раз говорил он.— Поначалу сказал: как хотите, а стрелять не буду... Ты, говорят, мужик крепкий — подноси снаряды. Вот и подносил. Только ведь все равно участвовал в убийстве... Это чтобы не зарекался — не лепше других... А потом уж при Свободе был. Он и до сих пор не забывает с праздником поздравить, и я пишу...»

Однажды, когда давление на Церковь усилилось и понадобилось что-то отстаивать перед партийными чиновниками, архимандрит поехал в Мукачево, прикрепив на грудь ряд орденов и медалей. Подействовало: изумились чиновники.

Они перешли по мосточку через ручей. Отсюда низом по распадку можно было идти к дому матушки Ксении, а налево в гору вели вырытые в склоне приступки с поручнями по сторонам — к церкви... Молча, понуро пошли по приступкам вверх — в таком состоянии они никогда не заявлялись в Угольку. Точно вдруг до изумления набрались мудрости, так что и впали в недоумение — как быть?..

Длиннобородый, седой, как лунь, рослый и чуточку сутуловатый, отец Иов за простым верстаком, прилепившимся сбоку к террасе, строгал. До бритвенной точности направленный рубанок ходил по сухому бруску посвистывая, на левую ладонь завитком выскальзывала тонкая стружка. Рядом на земле стоял улей без крыши.

Батюшка выпрямился, пониже на лоб надвинул скуфью, глубоко вздохнул и, еще не видя гостей, повернулся лицом к калитке. И были в нем мужицкая стать и старческая мудрость. Наверное, минуту так стоял он неподвижно, и только губы беззвучно вздрагивали...

И этой минуты было достаточно, чтобы и Нина, и Ванюшка улыбнулись и прошли от калитки к дому с легкостью.

Наконец отец Иов положил рубанок на верстак, стряхнул ладонью прилипшие к подряснику стружки и сказал:

— А я думаю, где же они, где? Заси-делись, что ли...

Горная порожистая речушка Угля проносила воды свои и через Малую Угольку — и дальше, дальше, то разметывая, то сжимая в узел глинисто-мутные потоки. После дождей Угля полнилась, пучилась, а бывали недели, когда превращалась в ручей, и только в глубоких промоинах-заводях вода настороженно ходила полукружьями, точно набирая силу для дальнейшего броска.

Ольха да ива, склоняясь, затеняли воду, низинки берегов заболачивались, прорастали осокой и камышом. И чем выше по течению, тем неподступнее становились берега.

А вот и полукруглый омуточек с вечно ходящей кругами водой. Здесь и мусор с листьями и кусок коры ходил кругами, пока какая-то невидимая сила не выталкивала его в русло.

Ваня любил этот омуточек. Набрел на него и полюбил. И камень плоский на берегу: сидит юноша на камне и смотрит, как ходит вода. И в минувшем году сюда приходил не раз, засиживался, если дождя не было. И чаще всего думал об отце Иове... Это ведь какая у человека настойчивость и воля: в восемь лет решился и не отступил. И ни семьи, ни жены, ни своей хижи, ни квартиры; крест да ряса — встал и пошел.

...И ходила кругами вода в омуточке, как будто закипала, как будто воронкой ускользала в глубь земли, как будто живая или зрячая. Здесь у этого омуточка и подумал Ваня, а не посвятить ли себя духовному служению... До этого он долго и мучительно сомневался — не в выборе, сомневался в себе.

Кончилась война, и уже в сорок шестом году отец Иов получил благословение на восстановление монастыря в Городилове. Монастырь небольшой, но монахи и послушники — самые молодые. И уже казалось, что обитель станет делом и подвигом всей оставшейся жизни. Ведь и самому с окончанием войны перевалило за сорок. Когда же вновь явились закрывать только-только восстановленную обитель — перевалило уже за пятьдесят.

Начались новые испытания.

Устал человек. И решил хоть как-то уединиться — взял приход в Угольке, где в церковь-часовню могли войти одновременно не более десятка прихожан — летней церкви не было, а он и не намеревался что-либо строить. Хотелось уединения и во спасение — молитв.

Тогда же в Домбонах закрыли женский монастырь. За архимандритом переселились в Угольку матушка Ксения и с нею две другие монахини.

И не думал тогда архимандрит Иов, что молитвенный подвиг его продлится и еще на четверть века и что поедут к нему в Угольку со всех сторон, за сотни верст, чтобы укрепиться в вере.

Похоронили матушку Ксению, похоронили келейника Михаила, а сам архимандрит, старший по возрасту, все жил, все трудился в молитве.

Уже родились в Угольке и выросли дети, и у этих детей родились дети, и старые все были отпеты и похоронены, а он все служил и служил, изо дня в день утреннюю и вечернюю службы, на буднях служил нередко один, в пустом храме, служил и молился за всех прихожан, у которых семьи, которые вечно в семейных заботах и которые лишь в воскресенье непременно придут в церковь.

Уголька достойно жила. Уголька знала, что на взгорке церковь вечная и в этой церкви батюшка Иов денно и нощно молится за свое малое грешное стадо. И молитва его доходит до Бога, а то ради чего бы ехали к нему со всех сторон страждущие.

И не думала Уголька, что в любой день может она осироте, ведь батюшке уже под восемьдесят.

Отец Иов благословил Нину, а когда благословлял Ваню, то задержал руку на его голове, вздохнул и сказал:

— А ты побудь у меня, здесь побудь, а она туда пойдет, ей отдохнуть надо...

И пошла Нина через дальнюю калитку по тропочке вниз, к гостеприимному дому покойной матушки Ксении. Шла и чувствовала, как отдаляется, уходит от нее Ванюшка. Это было родительское чувство, тревога за детей, когда они взрослеют и уходят в мир.

Дождями Закарпатье не удивишь. Вот и тогда буквально на дню семь раз шли дожди. И все дождливое время Ваня оставался там — у батюшки, слушал его:

«Подвигом человек славен... А мы какие подвижники. Вот живет человек в горах — один, людей не видит, словом ни с кем не перемолвится. И только аз грешный единожды в году хожу за пещеры, причащаю его... и так уже двадцать лет. И человек тот всегда пребывает в молитве к Богу. И он, может, один здесь праведник, и его молитвой мы живы и прощены будем».

Незаметно истекали дни, светлые и пасмурные, благостные и неудержимые. За эти три недели Ваня как будто повзрослел. Задумчивость и тревога не сходили с его лица — мысли его были и здесь, и в Перелетихе, и в Троице-Сергиевой Лавре.

— Ванюшка, а ведь нам ехать пора: и отпуск мой кончается, и билеты у нас уже взяты...

— А батюшке на требы идти: старушка умирает, верст десять в горы — тяжело ему.

Задумчивый батюшка Иов стал. Все чаще и на людях в себя уходит, в молитву.

Утром на литургии отец Иов в последний раз молился в алтаре за здравие Нины и Иоанна... Церковь была пуста, но душа ликовала, казалось, что служба воскресная.

После литургии отец Иов со Святыми Дарами тотчас поспешил в дорогу — ведь к вечерне надо возвратиться, пройдя горных двадцать верст.

И они пошли проводить его до Угли. Там возле мельницы мосток. И опять Нина чувствовала, что она здесь, в обществе этих, может, самых близких ей людей, как будто лишняя. И когда уже подходили к мельнице, Нина умышленно поотстала, вытряхивая из туфли песок. А они и не заметили, что она отстала — остановились возле мельницы: отец Иов что-то все говорил, а Ваня, вскидывая голову, молча кивал в знак согласия...

Удивительно древней выглядела эта мельница на Угле. Как если бы банька среднерусская с развороченным боком приткнулась к ручью с выставленным наружу плицным колесом. К этому колесу вел тесовый лоток, сужающийся по мере приближения к колесу — как отводной канал. И никаких плотин и запруд. Поднимался затвор в лотке, и горные воды устремлялись на плицы. И колесо, поскрипывая, начинало вращаться, вращался и деревянный вал, на другой конец которого были насажены жернова — и камень вращался; сверху в леток струилось зерно, меж жерновами оно перемалывалось, и в боковой леток тонко мука струилась в мерку. И все... Когда-то это было великое изобретение, как и ветряная мельница, и изобретению этому пятьдесят, а может шестьдесят веков — оно и теперь прекрасно служит, не требуя от человека никаких дополнительных усилий. И это — идеал, совершенство. Живой белой струйкой стекает мука — вечность.

Поскрипывало колесо, шумела Угля, многоводная после дождей. И уходил через мосток батюшка Иов — далеко в горы...

Вот так непрочно и так вечно все в этой жизни.

1982 год

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (ФЕДЧЕНКОВ)

На рубеже двух эпох

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Настоящая революция пришла лишь в октябре. ...

Народ наш, как близкий к природе, здоровый умом и сильный духом, радикален, решителен. Он или уж терпит смиренно, и терпит долго и глубоко, или уж если взялся за дело, то доведет его до конца. Интеллигенты, как элемент уже ослабленный «культурой» и городской жизнью, склонны мириться с компромиссами, уступками, половинчатостью. Не то — народ: он, как и всякая стихия, стремителен и последователен. Эту сторону русского народа понимали и Толстой, и Достоевский. Русский солдат в «Войне и мире» стоит перед французскими пушками, как гранит. Недаром же сказал Наполеон (кажется, в записках бывшего его посла в России Коленкура), что русского мало убить, его надо еще повалить на землю.

А у Достоевского в «Братьях Карамазовых» есть такой разговор между Иваном и лакеем Смердяковым, сыном их общего отца Федора, убитого им, и Лизы Смердящей:

— Ты, Иван, говоришь, что Бога нет? Ежели нет, так все можно!

Вывод точный, неопровержимый: без Бога нет и греха. Ученый Иван понимал, конечно, это, но осуществить до конца не мог. А лакей Григорий Смердяков делом доказал это: Бога нет — и отца убить можно: и нечего тут мучиться, как если клопа раздавить...

Кроме этого, безусловно, должно признать за русским народом и настоящий здравый ум.

И до революции, почти всю вторую половину XIX столетия интеллигенция России, одинаково как западники, так и славянофилы, «верила в народ», в его ум, в то, что народ скажет свое слово, у него надо учиться. Так же, и даже особенно, Достоевский настаивал. Но он же и предупреждал, что эти почитатели народа, готовые идти к нему на поклон, легко могут изменить ему. Пока народ во всем согласен со своими почитателями и вторит им, он и хорош, и умен. Но попробуй тот же умница-народ что-нибудь подумать и сделать по своему собственному уму-разуму, тотчас же те не только отвернутся от него, но даже и проклянут. И это, говорил в «Дневнике» Достоевский, и не только одни западники, но и правые славянофилы, они-то даже пуще всего!

Это предсказание буквально исполнилось на народе: от него ушли почти все интеллигенты-революционеры, а правые и доселе злобно ненавидят его... Не угодил народ ни тем, ни другим.

Я лично всегда верил в «мужиков», в их здравый смысл, который

Продолжение. Начало в № 2—4, 1993.

в конце концов поправит дело. И особенно верил в сметку великодержавного великорусского племени. Не буду вдаваться в подробности причин этой особенности народа, но скажу, что помимо иных естественных причин, здесь немалое значение имело и здоровое Православие, в отличие от искусственного католицизма, и от сентиментального протестантизма, и ублюдочного однобокого сектантского рационализма... 〈...〉

Когда началась междоусобная борьба почти по всей стране, народ мог много раз проверить себя: куда идти, за кем? То красные, то белые, то петлюровцы, то анархисты-махновцы, то чехи, греки, французы, то эсеры, то кадеты, то монархисты; то опять красные, опять белые, и еще раз красные — все это народ пережил...

В Екатеринославе, например, власть менялась последовательно восемнадцать раз! И народ все же остановился на большевистской партии, как своей. В России говорили тогда: плоха власть, да наша.

А власть эта не только гладила народ по головке всякими обещаниями и науками, а вскоре взяла его в ежовые рукавицы, в переработку. Часто обвиняют большевиков в терроризме. Но в этом не только их сила, но и государственная правда. Только настоящая власть без страха употребляет, где нужно, силу, до смертной казни включительно. И народ, несмотря на это, а я скажу наоборот: именно поэтому еще решительнее прислонился к советской власти. И прислонился государственно сознательно по причине своего того же здорового мужицкого смысла.

Хочу немного разъяснить эту странную русскую психологию, в которой сам-то я не сомневаюсь. Возьму два примера.

В наш Севастополь прибыли первые отряды, кубанские казаки (украинцы), как вестники генерала Деникина. Тотчас же были расклеены повсюду аршинные афиши. Подхожу и читаю... Мелким шрифтом напечатано. Ну кто же будет тут читать, да еще целую простынь?! И мне, образованному, и то скучно стало, не дочитал до конца. Однако в начале воззвания я понял, что правительство Деникина «убеждает». Доказывает, что и почему хорошо, что и почему плохо...

Ну, думаю, слабо дело у них и неумно. В революционную-то бурю «убеждать»?! Да люди тут в пламенной горячке, а они убеждают их? Тут нужно действовать, а не лекции с кафедры читать... Красные и решили не разговаривать, а действовать. Например, приходят белые и «просят» собрать обувь для армии и деньги на это... Собрали сколько-то там... Мало... Пришли красные. Приказ: немедленно собрать деньги, столько-то! И явились деньги... А тут «убеждать» — не выдержат!

Другой случай, из монастырской жизни. В монастыре, мною управлявшимся в Сербии, был монах, отец С-в из пехотинцев-солдат... После меня был другой настоятель, добрый человек. Отцу С-ву жилось не худо и при нем, но его стал перемanивать архиерей из Польши. Пришел отец С-в советоваться ко мне: ехать ли? Говорю ему:

— Тот епископ резкий, властный, а разве ты не доволен теперешним отцом настоятелем?

— Не-ет, ничего! Да только он очень добрый.

И ушел в Польшу.

И народ наш, знающий слабость человеческой природы и необходимость твердой власти, не побоялся посадить на свои плечи крутых большевиков, потому что здравым умом понял: «эти» наведут порядок! Значит, государственная власть... Да еще и «наша», народная.

...И после, когда происходили по временам «чистки», народ тоже принимал их по государственному инстинкту и уму. Так лучше! Иначе было бы хуже!

Ну, разумеется, приемлема была им земельная и заводская программа большевиков: все народу! Приемлема была и система власти: Советы из того же народа — и в центре, и по местам!

На такой радикализм в решениях (максимализм) не было сил не только у белых, но и у розовых партийных интеллигентов.

Так объясняю я себе победу большевиков: их принял (или, что одно и то же, выбрал среди других) народ сознательно, по своей воле. Что касается социализма, коммунистической системы хозяйства государства, то мне казалось еще в России,

что народ тут сначала пошел не столько по мотивам самоотвержения и любви к человечеству, сколько по естественному всем людям исканию выгоды. «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Чего тут особого?

Однажды в Крыму мне пришлось быть в гостях у купчихи с одним комиссаром из евреев... Он, конечно, проповедовал коммунизм, но вместе с тем из магазинов, тогда еще не национализированных, посылал своей жене в Мелитополь то сукно, то белье. И я ему сказал тогда:

— Вы думаете, что мужики борются за социализм сейчас? Нет, это маленькие собственники борются против больших.

Он промолчал.

Конечно, было бы неожиданно, если бы тысячелетние обычаи жизни легко изменялись. Но, передавая свою волю большевикам, даже хотя бы и не вполне еще понимая социалистическую систему, народ все же верил одному: эта власть — народная и потому народу не повредит! А там дальше — увидится...

Конечно, были и просто разбойничьи группы, которые в эту неразбериху и разруху делали свои злые дела, но о них не стоит много говорить. Это была естественная революционная накипь.

Еще можно признать факты страшных жестокостей, которые прорывались то тут, то там.. А плохое есть плохое...

Да, никакая революция не бывала и не бывает бескровной, нужно согласиться с Л. А. Тихомировым.

Эти размышления, давно уже у меня сложившиеся, я написал потому, чтобы многое дальше было яснее, понятнее.

Но мне, как верующему человеку, еще хочется подойти к вопросу советской власти не только с точки зрения «народной», но и религиозной, помимо естественных причин, поискать и Божиих путей.

Большевики-безбожники, материалисты-марксисты. Православные цари ушли, на их место стала атеистическая власть. Конечно, нам, верующим, это казалось и ужасным, и неприемлемым. И не нужно удивляться, что Церковь стала сначала против советской власти. Дальнейшие притеснения и преследования духовенства и даже веры еще сильней восстановили нас против нее.

Много после, уже в Нью-Йорке, на одной из лекций «друзей Советского Союза» один пожилой рабочий задал мне вопрос:

— Как же это вы, Владыка, пошли против народа?

Я был участником «белого движения».

— Не в народе дело, а во власти, она была против веры, как сами знаете, и нам было поэтому трудно пойти за ней.

Однако же сейчас скажу я то же самое, что думал на горе у сельской церкви: «Бог правит миром, чего же через меру ужасаться?» И в самом деле. Если мы веруем, что над всем есть Промысл Божий, если мы повторяем евангельское слово: *И волос с головы не падет без воли Божией*[1], так неужели такое колоссальное событие, как революция, случилось без этой воли? Недопустима даже самая мысль об этом. В чем эти причины и знамения Промысла, я подробно скажу дальше в главе о Церкви и Соборах. А сейчас лишь утверждаю (я много раз говорил об этом на лекциях):

— По Промыслу Божию произошла и революция, и пришла большевистская власть!

И потому я никак не могу согласиться с однобокой формулой Тихомирова: «Всякая революция от диавола».

Ведь и сам диавол ничего не может сделать без попущения или воли Божией. А вот и свидетельство от слова Божия.

В Ветхом Завете при царе Ровоаме десять из двенадцати колен еврейских отделились революционным путем и образовали с Иеровоамом царство Израильское. Царь иудейский Ровоам собрал войско, чтобы подавить революцию силой. Но пришел к нему Пророк Божий и сказал от имени Бога:

— Не ходи и не воюй! Это от меня все было!

Вот пример революции — от Бога. И в нашей революции есть Промысл Божий, отчасти уже понятный, а еще больше пока не вскрывшийся... И уже поэтому мы тоже должны принять эту власть, а не только потому, что она принята и народом.

Именно точно так впоследствии писал и Святейший Патриарх Тихон, хотя сначала он и осуждал ее (авторитет Патриарха Тихона был и остается великим).

А теперь перейду к своим воспоминаниям о ней.

Эту революцию я встретил в Москве, будучи членом Всероссийского Церковного Собора, о котором речь в следующей части. Тут уж я могу говорить не о своих лишь впечатлениях, а и об общем отношении к ней Церкви, представленной всеми архиереями, духовенством, мирянами-учеными и простецами в количестве трехсот человек. Можно было бы сказать, что тут слышался отзвук всей верующей России в ее не худших, а, пожалуй, лучших представителях. Как же он звучал?

Насколько тревожно была принята нами вторая, февральская, революция, настолько, наоборот, уже почти равнодушно отнеслись мы к третьей — большевистской. Уже привыкли к ней: человек ко всему привыкает. И притом нам казалось, что никакой особой разницы не будет между уже пережитым и только начинающимся. Один архиерей, митрополит Антоний Киевский[2], бросил тогда крылатую фразу из Ветхого Завета: *Не хватай за головы псов дерущихся* (ср.: Пр. 26, 17), чтобы самому не пострадать от злобы их. Такое пренебрежительное и постороннее отношение к боровшимся политическим партиям не было, впрочем, общим нашим настроением. Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже уже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь — свои. Пока нам лучше быть в стороне, ожидая конца событий. И по всему мы уже видели, куда склонялась история. Нужно подождать. А развязки ждать было недолго: в Петрограде революционный переворот уже завершился, значит, через несколько дней он закончится и в Москве, и по всей стране. И мы спокойно, совершенно спокойно продолжали свои занятия на Соборе. Войска, бывшие на стороне большевиков, осадили Москву и откуда-то с Ходынки — опять с Ходынки, на которой во время коронации Николая II подавили немало народу,— посылали снаряды в Белокаменную. А тут еще были у власти члены кадетской, эсеровской и, вероятно, меньшевистской партии. Мы о них ничего не знали и даже не интересовались: кто они, что делают там, в городской думе? Военную поддержку они нашли в юнкерах московских военных училищ, поэтому борьба шла между большевиками и юнкерами. И тогда и теперь мне кажется непонятным: как эти горсточки людей отважились стать против движущейся лавины народных масс? Ведь очевидно было, что не устоять юнкерам. Почему же, однако, они пошли на жертву? Здесь, как солнце в одной из капель, отразилось наметившееся уже движение междоусобной борьбы белых против красных. Доселе — и при кадетском возглавлении, и при социал-революционере Керенском — интеллигенция, военные, имущественные классы не поднимали голоса против Временного правительства, наоборот, сочувствовали ему, или, во всяком случае, приняли его, хотя бы не все одинаково сочувственно. Это является несомненным доказательством сродности первых двух революций (хотя их можно и лучше бы назвать одною) с прошлым строем жизни: консервативно-ли либерально-буржуазным, аристократическим и интеллигентски-классовым. «Белое движение» встало на защиту прошлого.

На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора?

Разумеется, юнкера были нам более своими по духу. Не были мы и против народа. Но благоразумие говорило нам, что уже придется мириться с пришедшей новой жизнью и властью, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрекаясь от одной стороны, но признавая уже другую, новую. То, что мне пришлось сказать в Твери педагогам, осуществилось на деле: Церковь должна была и стала «осторожною».

Борьба продолжалась недолго. Я тогда жил в Кремле, в одном крыле царского дворца, где были помещения для служивших царской фамилии. Почему-то немногим из нас, духовных, отвели там по комнате. И я был свидетелем последних часов борьбы.

Снаряды с Ходынки направлялись главным образом в Кремль, как центр власти. Поэтому были разбиты купола храмов, разрушена церковь Двенадцати апостолов с патриаршей ризницей, здания Чудова монастыря, подбиты кремлевские башни[3]. И одно время большевистские солдаты, вероятно из войск внутри Москвы, захватили Кремль. Нас они не тронули и по проверке документов пропуска-

ли на соборные заседания, проходившие в епархиальном доме, около Садовой улицы, недалеко от духовной семинарии и Самотеки[4]. И мы относились к этим солдатам тоже мирно и приятельски, никакой вражды абсолютно не чувствовал я к ним, наоборот, вспоминаю, что они воспринимались моим сердцем как «свои», родные. О политике я тогда не думал: никто ничего не знал, какая она будет. Не больше моего думали эти солдаты-мужики. Однако они своим чутьем понимали, что тут борются «народ» и «господа».

Недолго засиделись на этот раз большевики в Кремле: юнкера осадили его. Хорошо помню, как ночью мимо моего дворцового окна, тяжело громыхая, проходили туда и сюда грузные броневики, сторожа Кремль от нападения. Переулок этот был узкий, и броневики ползли буквально в трех шагах от моего взора. Утром ожидали штурма. Ворота Кремля все были заперты. Передавали, что около 5 часов утра юнкера прислали ультиматум: сдаваться. Большевики отказались: их было здесь около 600 человек. Раздался пушечный удар в Троицкие (так ли? — возле артиллерийского дворца) ворота, еще и еще. Юнкера ворвались, и после небольшой, по-видимому, схватки большевики сдались. А юнкера рассыпались по дворцу и другим помещениям с поисками. Зашел и в мою комнату один из них. Высокий, красивый, стройный, в прекрасной шинели, он почтительно откозырнул мне, и мы оба улыбнулись, будто свои. Но странно: в то же мгновение я почувствовал в нем «барина»... А там серые мужики-солдаты стояли обезоруженные, нестройными рядами. Нам с архиепископом Кириллом, тогда Тамбовским[5], нужно было идти на заседание Собора. И мы вышли, направившись к тем же Троицким воротам, около которых собраны были и пленные большевики. Мы были почти уже возле них, шагов за сто, Владыка говорит сопровождавшему его келейнику:

— Иван! Спроси-ка по телефону, а есть ли ныне заседание Собора?

Тот воротился. Мы остановились ждать его.

Кажется, день или два осады мы не могли выходить на Собор. И тут разразилась катастрофа. Наверху, вероятно, на этой самой башне, были еще большевистские пулеметы. Около пленных ходили группы юнкеров-победителей. И вдруг на всех них, без разбора, полился огненный поток пуль. Мы от страха отодвинулись в ближайшую подворотню. Не остановись ждать телефона, мы все трое как раз попали бы под этот неожиданный огонь. Юнкера и солдаты стали падать, как подкошенная трава. Скоро пулеметчика «сняли» выстрелами снизу, и опять наступила тишина. Только я сам видел, как наросла за эти несколько минут гора трупов: и господа, и мужики кончили свою жизнь и теперь лежали мирно вместе. Раненых носили на перевязки.

Иван воротился: заседание есть. Мы подошли к братским трупам... Ведь вот только-только они еще были живыми...

Через Троицкие ворота нас, кажется, не пропустили юнкера, и мы направились через Боровицкие... Идем мы по городу: пустота, точно вымерла Белокаменная. Но из домов и с чердаков то тут, то там раздаются какие-то бесцельные выстрелы, наводящие, однако, жуть. С большим трудом мы встретили извозчика, и он какими-то окольными тихими улочками и переулочками доставил нас на Собор. Там же интересовались, что в Кремле Архиепископ Кирилл рассказал.

Говорили также и о чудом спасшемся митрополите Петроградском Вениамине. Он жил в том же Кремле в митрополичьих покоях Чудова монастыря. Однажды, занимаясь в кабинете, он ясно услышал в сердце голос: «Уйди отсюда». Послушался, вышел. Тотчас же ворвалась из-за Москвы граната, разбила угол и разорвалась в его кабинете...

В этот день происходил окончательный выбор кандидатов на патриаршество: два — митрополиты Антоний и Арсений[6] — уже были выбраны, а третьим, после нескольких голосований разных кандидатов, был избран митрополит Московский Тихон[7].

Юнкера, конечно, не могли удержаться. Большевики снова заняли Кремль и власть. Социальная революция в ее первом моменте кончилась. Мы из Кремля ушли. Его заняла новая власть.

Теперь юнкера оказались пленными, ожидая суда. Опасаясь поголовного истребления их, Собор, уже после, снарядил депутацию к советской власти с просьбой о помиловании, как-то это и устроили мирным путем. Слава Богу![8] Юнкера распол-

лись потом куда-то. Новая власть принялась тотчас же за восстановление жизни. Все успокоилось. Собор беспрепятственно продолжал жизнь... А революция покатилась дальше по провинциям, по городам и селам. Прокатился по стране и я, точно для того, чтобы посмотреть для памяти: где что творилось тогда?.. Москва, Тверь, Владимир, Тамбов, Смоленск, Орша, Могилев, Киев, Полтава, Кременчуг, Херсон, Севастополь, Симферополь прошли перед моим взором за эти полгода.

Расскажу кое-что из подмеченного.

По революционным новым порядкам теперь и в духовных школах заведено было выборное начало. По доброй памяти таврическая корпорация педагогов избрала ректором опять меня.

До этого моя служба проходила в такой последовательности. По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1907 году я был оставлен при ней для подготовки к профессуре. Потом года два был личным секретарем при бывшем моем ректоре, тогда архиепископе Финляндском Сергии. Он всегда бывал членом Синода, и большею частью мне приходилось жить с ним в Санкт-Петербурге. Тут я имел возможность видеть многих архиереев и других духовных лиц, посещавших моего патрона, ближе познакомился с жизнью монастырей, особенно Валаамского на Ладожском озере. Живя в Финляндии, я увидел этот чуждый нам народ, не скрывавший вражды против России, какая бы она ни была.

Наш архиепископ, человек исключительных дарований и опыта, гармоничная уравновешенная натура, был не очень разговорчив на «проклятые вопросы». Но сам он постоянно думал о них. Насколько я мог догадываться, он многое принимал в новой жизни. Но главное, он твердо верил в руководство Промысла Божия над миром. Бывало, ходим мы с ним после обеда по залу, а он, что-то размышляя, тихо говорит в ответ на свои думы:

— А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит...

Меняются правительства, а он стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он все стоит... Посещал его иногда финляндский губернатор З., и они серьезно и дружественно о чем-то беседовали. Посещал я с ним и Гельсингфорс[9], и там чуждая нам атмосфера... В Финляндии были везде чистота и порядок, и будто бы не употребляли даже и замков у дверей, но дух был нерадостный... Совсем иное впечатление выносилось от карелов, живших в Финляндии. Хотя они по племени финны, но духом были нашими же русскими мужиками, лишь еще более смиренными и бедными. Очевидно, Православие, исповедуемое ими веками, воспитало в них ту же духовную культуру, что и в России, и на Украине... Прекрасный народ... А финны (их почему-то звали в России «чухонцами», слово это мне совсем непонятно и сейчас) всегда были нам врагами, а друзьями Запада. И совершенно мне не удивительно, что они воевали против России в 1939—1940 годах, еще менее неожиданно, что и после они стали на сторону Гитлера, немцев, Запада: это люди одной западной культуры, католической или протестантской, неважно. Там нередко даже духовенство теряло «русскость» и «офиннивалось», хотя и не все, были и крепкие «русаки».

Из Финляндии я был приглашен в Санкт-Петербургскую Академию на кафедры гомилетики и пасторского богословия. Здесь я узнал ближе профессуру. Нехудые они люди, но многие были ненадежны для Церкви, зато другие (меньшинство) оказались потом на Соборе основательными защитниками ее. Безбожников среди них не было, конечно.

Из Академии по желанию Санкт-Петербургского митрополита Антония я назначен был на место инспектора в Духовную Семинарию. Преподавательский состав не оставил во мне светлых воспоминаний, это тоже подтвердилось потом на Соборе. О семинарском тут бунте из-за курения табака в спальнях я уже говорил. Преподаватели были не на моей стороне, а... на ученической. Ректор протоиерей Р. был разумный, хороший человек, вспоминаю его с уважением и благодарностью. После нескольких месяцев инспектирования меня назначили ректором Семинарии в Крым. Это было на святках. Воспитанники разъехались по домам, оставалась небольшая группа сирот и бедных. Они сердечно провожали меня общим чаем. Было мило: прошлое забылось и стерлось.

— Отец инспектор! Неужели вы уходите от нас оттого, что мы учинили дебош против вас? — мягко спросил один.

— Нет! У меня осталось теплое впечатление от вас. А переводят нас, монахов, не спрашивая. Куда пошлют, туда и иди.

Из Крыма года через два с лишним меня перевели почему-то в Тверь ректором. Может быть, потому, что эта Семинария в шесть раз была многочисленней (300 человек), чем Таврическая. Но ходили и какие-то неясные, не проверенные мною слухи, что тут замешано было имя Распутина: неудобно было держать в Крыму, близко к царской даче в Ливадии, противника его, слишком много знавшего. Еще раньше меня, вопреки своему желанию, переведен был из Крыма в Астрахань и известный епископ Феофан — по той же самой причине. По крайней мере, так думали и педагоги. Поэтому они, помимо всего прочего, избрали меня снова ректором, когда ушел мой преемник. Но, сверх всего, в нашей жизни действует и Промысл Божий. Он этими путями направлял меня, грешного, на оба церковных Собора: Всероссийский и Украинский.

К святкам я и прибыл с московского Собора в Крым. Здесь поразили всех нас слухи об ужасных злодеяниях матросов над офицерами. Их, говорят, живыми топили в бухтах, привязывали камни к ногам... Я обязан в этих записках говорить все, что осталось в моей памяти, хотя бы это кому-нибудь и не нравилось...

Сам я не видел, конечно, этого, но в Константинополе, уже после эвакуации белых, ко мне привели полусумасшедшую женщину, жену одного утопленного офицера, чтобы я утешил ее. Видел ее и в Нью-Йорке, где она, несколько исправившаяся, умерла не так давно.

Вообще, гонение на офицеров действительно было жестокое, поэтому отчасти нужно понять и их, когда они ушли в «белое движение». Расскажу несколько фактов, мне достаточно известных.

Среди воспитанников Семинарии, еще в первое мое ректорство в Крыму, первым учеником в последнем классе был Митя Мокиенко — высокий, застенчивый, мягкий. Отец его служил маленьким чиновником на винокуренном заводе в Симферополе. Мать была исключительно благочестивой богомольной женщиной. Так воспитывала она и двух сыновей. Оба они были чистые, как дети. Митя был уже офицером на Румынском фронте. После известного революционного развала армии, он, как и другие, возвратился домой. А тут начались расправы с ними. Арестовали его, а уж заодно взяли и брата, семинариста. Мать чуть не обезумела. Но что она могла сделать? Привели их в местный исполком, помещавшийся в гостинице на Пушкинской улице. Народу всякого — множество: солдаты, рабочие, матросы... Гвалт... Был поставлен вопрос: что делать с арестованными? Кто кричит: расстрелять, другие — в тюрьму до суда. Поставили на голосование, большинство оказалось за второе предложение. Написали братьям какую-то бумажку и в сопровождении двух-трех солдат с ружьями отправили в местную тюрьму, недалеко от вокзала. Но через два-три квартала повстречалась группа матросов, вооруженных обычно до зубов (их называли тогда «краса и гордость революции»)[10].

— Кого ведете? — спрашивают они конвойных.

— Офицеров.

— Куда?

— В тюрьму.

— Какая тут тюрьма им? Расстрелять немедля!

Солдаты показывают записку от исполкома...

— Никаких исполкомов... Расстрелять, и кончено...

Не могли осилить солдаты. Матросы велели стать братьям у «стенки» (тогда это слово было в большом ходу). Сзади их случайно оказалась католическая церковь во имя святой Екатерины-мученицы, перед храмом был небольшой садик, обнесенный оградой с железными воротами. К ним и приставили обреченных. В это время сбежалась отовсюду толпа любопытных: женщины, дети... Всегда в революции разгоралась жажда кровавых зрелищ. Матросы приказали солдатам отойти на несколько шагов и расстрелять... Но в это время где-то за углом затрещала подозрительная пулеметная перестрелка. Матросы мгновенно бросились туда, уверенные, что солдаты прикончат братьев и без них. Но только те скрылись за углом, солдаты (сохрани их Бог, если они еще живы!) схватили братьев и быстро побежали с ними в тюрьму, куда их сдали.

— Митя, что ты чувствовал тогда? — спросил я его лично после рассказа.— Страшно было?

— Ничего не чувствовал, весь одеревенел.

После над ним и братом было расследование, и их освободили. Но ненадолго успокоились они. Нахлынула новая волна преследований, и опять Митя оказался под угрозой. И вот однажды, когда я вечером сидел у архиепископа Димитрия[11] (преемника епископа Феофана), вбегает к нам Митя, так его все звали.

— Что же это такое? — в ужасе растерянно повторял он не раз.— Как зайцев вылавливают нас, офицеров, и расстреливают. Что же делать? Помогите, Владыка, помогите!

Жутко и невыразимо жалостно нам было смотреть на этого беззащитного высокого гвардейца, нашего друга... Но что мы могли сделать, когда и сами были под угрозой?!

— Что же мы можем? Как помочь тебе?

— Ну, сделайте меня каким-нибудь, что ли, диаконом... Дайте мне свидетельство, и, может быть, мне удастся выскочить из этой петли?! Хотя и в вагонах ловят нас, но все ж духовных еще не трогают... Помогите... Помогите...

И он, бедный, метался, не садясь.

Архиерей выдал ему какую-то бумагу, что он будто есть диакон, расплакался, благословил и отпустил с Богом. Мите удалось с этим фальшивым документом прошмыгнуть контроль. И потом он уехал в Киевскую Духовную Академию, где был до офицерства студентом. Весною в Киеве был политический переворот, возглавленный атаманом Скоропадским[12], за которым сзади стояли, конечно, немцы, занимавшие тогда Украину. Митя поступил офицером в конвой его. Но в Германии, после ее поражения, произошла своя революция. Немецкие войска ушли домой, Скоропадский скоро пал после них, пришел на его место Петлюра (из полтавских семинаристов)[13] с национальными украинскими войсками. Скоропадский бежал в Германию к своим бывшим союзникам. Митя же бросился в Одессу, надеясь пробраться домой. Но в это время он уже заболел сыпным тифом, который косил тогда сотни тысяч людей по России. С высокой температурой, потерявши сознание (так кто-то рассказывал после его матери, а она — нам), он метался на пути в вагоне, как безумный. Ему все казалось, что его ловят, хотят расстрелять. Он бросался в окна вагона и жалостливо кричал невидимым преследователям:

— Не трогайте меня, не трогайте!.. Я хороший, я хороший... Спросите маму, я хороший!

Довезли до Одессы. Какой-то сердобольный сосед, догадавшийся по его безумным речам, что он имеет отношение к духовенству, привез его с вокзала в архиерейский дом... Тогда там был митрополит Платон[14]... Но (передаю со слов матери) не нашлось ли ему места в архиерейских «покоях», или швейцар не осмелился, да еще ночью, доложить Владыке, но только Митю укрыл в своей (как нередко, под лестницей) комнатушке сей самый швейцар. А наутро свезли его в госпиталь: там было такое переполнение, что на одной койке клали по два... Тут Митя и скончался. Много раз она его искала и нашла, где никто не ожидал...

После, когда на юге были белые, мать не вытерпела, поехала в Одессу, нашла тело своего старшего любимца, откопала, положила в цинковый гроб и привезла в Крым... Я хоронил его... На память о нем у меня осталась большая фотография его в офицерской одежде, и она еще раз сыграет тяжелую свою роль... Да, трудно тогда было офицерам, их всех подряд считали защитниками царя (что и верно, и похвально) и представителями старого строя, потому они первыми и пострадали, за ними пойдет имущественный класс, дальше — духовенство, а потом трудно будет и народу. А пока закончу эту печальную историю словами: Царство небесное рабу Божию Димитрию! Святая, чистая была душа, каких немного на свете!

О другом случае мне пришлось услышать от общего знакомого моего из одной дворянской семьи.

Фамилия их была необычна: Эммануэль, что значит «с нами Бог». Где-то в Крыму они владели имением в 500 десятин. В семье было четыре сына. Все — офицеры действующей против немцев армии. Старые отец и мать жили в том же Симферополе.

Во время революции дети, не знаю, все ли, воротились к родителям.

Со старшим из них, Левушкой, была особенная история еще на немецком фронте.

Однажды мать, проснувшись ночью (или не успела еще заснуть), увидела у своей постели светлое пятно. Постепенно вырисовывалось лицо старшего сына в крови. Видение исчезло. Старушка разбудила мужа, рассказала все. На другой день было послано письмо в часть, где он служил. Пришел ответ. Оказалось, в ту ночь было наступление наших на немцев. Осколками разорвавшейся гранаты Левушку ранили в голову, и он упал замертво.

На другой день мимо проезжал другой офицер и опознал друга. Слез с лошади и убедился, что тот еще жив. Поднял на седло и доставил до медицинского участка. Левушку выходили. Дальнейшая история его неизвестна. Но достаточно удивления, что спасший друга офицер был сыном прислуги этих помещиков, и они помогли матери его воспитать сына в военном училище. Теперь же он отблагодарил их спасением сына благотворителей.

С другим сыном история случилась в Севастополе. Когда началось преследование офицеров, он хотел тоже скрыться, уехав с пароходом. Достал как-то требуемое на выезд разрешение местного «ревкома», отправился на пристань. Спрашивает в кассе билет.

— А разрешение?

Офицер, конечно, в советской форме, лезет за ним в боковой карман, но не находит. Обыскал все: нет разрешения. Ехать нельзя. Неужели забыл на квартире?.. Бежит обратно, ищет. Нет! Опять лезет в боковой карман. И что же? От пота бумажка взмокла и прилипла к кожаной тужурке. Выхватив ее, он помчался на пристань, но уже было поздно: пароход отошел... И к его счастью... Там, в пути, был обыск, и многие офицеры погибли. Он остался живым.

Третий случай, уже совсем почти сказочный.

Звали этого брата Владимиром Александровичем. Он скрывался в Симферополе где-то... От одного офицера я слышал, как он на чердаке был заложен кирпичами... Дома не жил из-за опасности ареста. Контроль посетил и родителей его.

— Где сыновья?

— Не знаем,— отвечает мать.— Вы их ло́вите, разве они будут сидеть дома?

Пошли с отцом обыскивать все. А около матери оставили для караула одного матроса. Посмотрев на него, она почувствовала какое-то доверие и спросила:

— Откуда вы родом?

— Из Самарской губернии.

— А у вас есть мать?

— Есть.

— Как вы думаете, каково было бы ей, если б вас ловили так, как вы теперь ловите детей наших?

Матрос промолчал.

— Послушайте, Бог знает, может быть, вы встретите кого-нибудь из моих сыновей? Прошу вас именем вашей матери: помогите ему!

Опять ничего не сказал матрос.

Обыск кончился ничем, но вскоре Владимир был арестован. Сначала его посадили в тюрьму, а потом расправа короткая: его и еще шестерых офицеров ночью увели на расстрел. За железной дорогой, недалеко от епархиального свечного завода, была вырыта большая канава, на краю которой происходили расстрелы. На этот раз назначили для совершения казни девять солдат. Раздался залп, другой. Все попа́дали. Владимир, видя, что лишь ранен, падая, прикрыл голову рукой в надежде, что если будут еще добивать, то не в голову, не так опасно. Так человек инстинктивно хватается за соломинку, желая жить... Должно быть, на сей раз этого не случилось. Солдаты ушли. Это было под новый 1918 год. В Крыму иногда и зимой тепло. Когда все стихло, он поднимает голову и, к удивлению своему, замечает, что поднимается и другой, тоже неубитый. Что делать? Решили ползти в разные стороны, вдвоем заметнее. Было темно. Вдруг Владимир видит впереди себя человека с ружьем. Ох, дозор! Бросился на землю, но тот уже заметил его и потребовал встать... Ну, значит, вторая смерть.

— Кто?

— Офицер.

И он открыто сознался про себя — все равно конец. Но вдруг слышит успокоительные слова:

— Я рабочий. Ищу своего брата, тоже из офицеров. Не убит ли он ныне?

— Как фамилия?

— Такая-то...

— Нет, его не было с нами.

Что делать дальше? Рабочий жил далеко, в Татарской слободке, совершенно противоположной от станции: туда не донести и не довести тяжелораненого, и опасно. Вспомнил, что тут неподалеку живет знакомый мастеровой. К нему ночью и привел он нового знакомца. Там обмыли, перевязали его, как могли.

Но беда не приходит одна, по пословице. Где-то рядом или жили, или пировали матросы. Заметив ночью огонь, заподозрили и вошли. Расспросили: кто, что? И опять смерть на пороге. Матросы, может быть, добродушные от вина, затеяли еще спор с раненым, что вот ученые прежде нуждались в народе, а теперь бросили его. Однако нужно было опасаться недоброго конца. Тогда хозяин дома идет на станцию к коменданту и просит оградить от дебоша матросов его знакомого. Тот, может быть, спросонья, не разобрав дело, дает какую-то записку об удалении буянов, хлопает по ней красной печатью и для верности посылает с мастеровым еще дежурного солдата. Матросы подчинились, ушли. Пришедший провожатый спрашивает:

— Как фамилия?

— Эммануэль.

— Что? Как?

— Эммануэль!

Оказалось, что был тот самый самарский матрос, которого умоляла мать спасти ее детей. Он настолько был поражен этим совпадением, что (вероятно, рассказав о своей встрече с ней) сам нашел извозчика и отвез раненого в больницу, помещавшуюся в так называемом «Новом городе» на другом берегу потока Салгир.

Дальнейшей истории его я долго не знал. Прошло лет десять. Я был в Сербии настоятелем храма и законоучителем в русском кадетском корпусе в г. Бела Церква, недалеко от румынской границы... Как-то на уроке рассказываю кадетам предпоследней «роты» (там не «классы») эту историю, вдруг поднимается взрослый кадет лет 18—20 и говорит:

— Владыка, я лично знаю Владимира Александровича.

— Ка-а-к? — удивляюсь я.

— Он живет сейчас в местечке Ясеница, в Словении, где и мои родители.

— Да что вы? Дайте мне адрес.

Я послал Эммануэлю подробнейшее описание всей этой истории и просил его ответить, так ли все это было? Слишком уж все сказочно!

Он подтвердил историю, сделав незначительные изменения и дополнения. Одно из них помню и сейчас:

«Когда нас солдаты расстреляли, я слышу, как один из них говорит: «Чевой-то, ребята, страшно!» И быстро пошли назад».

Больше не помню. Вместе с моим рассказом я отправил письмо друзьям в Париж. И, может быть, эти документы еще хранятся у кого-нибудь? Если они когда-нибудь появятся на свет, то, вероятно, окажется и разница в деталях, но прочее я хорошо запомнил.

В эти же святки у меня гостил один из московских инженеров, тоже подвизавшийся против большевиков в октябре, В. З. Курганов, сын священника Пензенской губернии, семинарист, но с университетским образованием. Это был дорогой человек по простой душе, по глубине ума, глубоко религиозный, народник. Как он любил рассказывать про своих земляков!

При своей образованности и сознательной вере он все же принял с детства все поверья. Вдовец-отец не имел времени заниматься сиротою, и Володя проходил воспитание большею частью на кухне под руководством малограмотного церковного сторожа и посещавших его крестьян. Оттуда он и взял все народное, а говорил совершенно как мужик.

Как-то выходили мы с ним из ректорской квартиры ночью.

— Эх,— говорит,— неладно!

— Что такое?
— Да вишь, месяц с левой стороны от нас.
— Что ты, чудак!
— Не-ет, неладно! Уж это... как пить дать!
— Да почему?
— Вишь, народ так верит, значит, правда!

Я тоже знал об этом, но не верил. А с той поры вот уже 25 лет, как увижу вечером месяц, так и спрашиваю себя: а с какой стороны? Разумеется, не придав этому значения, Володя вбил это в мою память на всю жизнь.

Так вот, его нужно было тоже вывезти куда-нибудь из страшного Крыма: неровен час, а вдруг да прознают, что он юнкер? Несдобровать теперь ему, да и я горя нахлебаюсь. Правда, он ходил в каком-то овчинном «спинжаке» (вероятно, исковерканное английское слово «пиджак», пинжак — спинжак — уже совсем будто русское слово, от «спины», русский народ любил такие перевороты, нейтралитет — нейтроньитет, режим — прижим и т. д.).

На голове у Володи — шапка, на ногах — грубые сапоги. Только вот очки выдавали его, а без них он ничего не видел. Очки же — бессомненный признак буржуя! Тогда даже и пословица такая была: «Бей очки да воротнички!»

И потому, возвращаясь из Крыма на московский Собор, я захватил и его с собой, чтобы он отправился потом в Оптину пустынь Калужской губернии, куда он и поступил действительно в монахи... Дальше я еще, вероятно, встречусь с ним в записках.

Купил я для себя и для него двухместное купе, закрыли его на запор и думали уже благодушествовать, все обошлось без проверки и контроля. Но не тут-то было! Только что отошел поезд, в наше купе сильно стучатся.

— Занято,— говорю.
— Отваря-а-а-ай! — раздается властный голос.
— Ну, брат Володя, плохо! — шепчу ему.— Кто там?
— Матросы-ы!

Это слово и не такие замки отпирало тогда... Открываю. Входят двое, увешанные револьверами.

— Сколько вас тут? Ну, вот мы еще двое!

И без всяких дальнейших слов оба снимают с себя одежду, оружие и располагаются. Высокий сразу полез на верхнюю полку, а другой, пониже, остался вместе с нами. Разговорились. Вижу, ребята хорошие, простые.

— Куда едете? — спрашиваю, соображаю, далеко ли с нами поедут попутчики.
— Через Лозовую, на Дон, добивать белых бандитов,— отвечает маленький с совершенно искренним убеждением, что он делает самое рассвятое дело.

Покушали, угостились взаимно. Владимир мой успокоился: «Свои ребята, крестьянский народ!»

Доехали часа через четыре до Мелитополя. Наши вояки вышли выпить и вдруг маленький возвращается и спрашивает меня:

— Не можешь ли ты написать мне письмо?
— Кому?
— Да вот тут, на станции, значит, встретил я знакомого из своего села, так что хочу написать домашним письмецо. А?
— Это можно,— говорю.

Сейчас же достал из чемодана открыточку.

— Кому писать-то? Как называть?
— Ну-у, дорогие, мол, мои родители и все родные!.. Ты и сам знаешь, как писать-то, там о здоровье и все такое...

Написал.

— А дальше что?
— Ну, дальше пиши: едем героями бить бандитов.

Написал и это, делать нечего, по пословице: «С волками жить, по-волчьи выть».

— А еще что?
— И довольно!
— Да тут еще место осталось!
— Ну, напиши там, что хочешь сам.
— А что, если я напишу: храни вас всех Господь Бог! Можно?

Смотрю на него выжидательно, с интересом: что ответит на это?

— Пиши-и! — нимало не колеблясь и не возражая, ответил герой.

И я написал. Он кое-как накарябал свое имя и фамилию и побежал передавать письмо...

А я снова подумал: удивительное сочетание в русской душе! А ведь, право, хороший человек он...

На ночь маленький залег по-братски на мягкий диван внизу с Володей. А я полез наверх — к высокому, головами врозь. В сетке около моей головы, лежал огромный револьвер, четверти в две, в деревянной кобуре. С непривычки мне даже неприятно было сначала. А скоро все мы дружно уснули. Никто уж нас больше не беспокоил: где матросы, там было уже надежно на этот счет, в обиду своих не дадут.

Кстати, уж припомню в последний раз о симферопольской станции. Здесь продолжал управлять ею прежний «царский» начальник: замечательной деликатности, с красивой бородой, чудный человек! Никто его пальцем не тронул. Только и он при необыкновенном собственном изяществе и красоте не мог навести чистоты на вокзале. Тогда по всей колоссальной России, во всех станциях и вагонах, почему-то щелкали подсолнечные семечки. Тут была какая-то особая психология момента, это никак не случайно. Но я не мог все же понять ее. Хотелось ли народу этим развлечь и отвлечь себя от разных дум? Или он хотел показать теперь свою вольность, что он везде хозяин и на все ему наплевать? Или нужно было занять себя во время долгих, иногда по дням, ожиданий поездов. Но только действительно, заплевали уж станции до невероятной степени! И уж убирать было бесполезно. И откуда брались эти семечки?! Право, съедены были сотни тысяч пудов! Вся Русь «щелкала» тогда... Что такое? И когда потом пришли немцы на Украину, они прежде всего требовали очищения станций и запрещали семечки. Я записал этот факт не для забавы читателя, а потому, что он как-то был связан тогда с революционной психологией.

Еще припоминается картина, как огромный матрос с медвежьей фигурой открыто приставал в зале к молоденькой черноволосой девушке еврейского или восточного вообще типа. Она старалась слегка отводить его рукою, но это мало действовало.

Утром наши герои на Лозовой пересели на другой поезд. Потом Харьков... Почему-то пришлось пересаживаться в другой поезд... И тут была такая давка, что едва можно было влезть в вагон третьего класса. А выйти для нужды уже положительно было невозможно, и люди справляли мочевые обязанности прямо через окна.

Прямо против меня оказался молодой раввин-блондин. Мы завязали с ним спор о вере. Он был, разумеется, против христианства.

— А вы хоть читали Евангелие? — спрашиваю я.

— Нет!

— Ну как же вы можете спорить, не зная самого важного?

В это время ввязывается в нашу беседу другой еврей, черный и пожилой, машет презрительно на нас обоих рукой.

— Э-э! — говорит,— и ваша (моя) вера неверная и твоя (раввина) тоже! Теперь наша вера настала! Ваши больше не нужны!

— Какая же ваша вера! — спрашиваю.

— Вот какая! — и он торжественно ударил себя по карману.

...В Орле Володя пересел, чтобы скрыться в пустынь.

В Москве начинался голод: подвозу хлеба было мало, а в хлебородной Украине господствовали или украинцы, или потом немцы. Дон обособился во «Всевеликое войско Донское», на Кубани власть забирали белые, общая народная разруха дополнялась расстройством транспорта, а деревня не хотела идти навстречу городу, так как почти ничего не получала от него. Насколько был велик голод, видно из таких фактов. Мы всего получали по 1,8 фунта хлеба, да еще иногда плохого. Помню, например, что в нем была масса «кострики» — колосьев, даже есть было трудно. И, бывало, я ходил по Сухаревской толкучке купить себе что-нибудь вроде морковки, соленых огурцов и пр. Видел, как околевали от голода собаки. Смотрю, одна стоит около стены дома и шатается. Она уже не смотрит на вас вопросительно, не визжит жалобно, а безнадежно и бесцельно еще двигается. Потом, вижу, упала тут же на тротуар и начала околевать... Нам, прохожим, жалостно, точно мы виноваты в этом ее конце, но и самим есть нечего.

В Петербурге было не лучше. Одна старушка из придворной аристократической фамилии Б. после, в Сербии, рассказывала мне, что они в Царском Селе или Петергофе несколько месяцев питались травой «снитью» — род щавеля, чем питался в Саровской пустыньке и преподобный Серафим-подвижник.

Советская власть принимала меры, но было крайне трудно наладить транспорт. Тогда образовались отряды «мешочников». Горожане ехали с мешками в деревни, где, конечно, хлеба было больше, особенно в дальних областях, и оттуда привозили пуд-два муки на «хлеб насущный», а иногда сами крестьяне привозили его в город, выменивая на что-нибудь им нужное. Но правительство почему-то боролось с этим явлением. Помню, как перед самой Москвой, на предпоследней остановке из всего поезда начали выскакивать, чуть не на ходу, мужики и бабы — все с мешками. Выяснилось, что впереди ожидал их заградительный отряд солдат, которые должны были отнять привезенное, но кто-то из своей братии же предупредил этих паломников за хлебом. Они предпочли лучше лишний десяток верст протащить тяжесть на себе, лишь бы не сидеть опять голодными. Вероятно, были и спекулянты, но их было мало по сравнению с армией мешочников, голодавших в городе. Милиция, впрочем, смотрела на этих голодных людей сквозь пальцы... Голод был на севере и в городах. А на юге — на Украине, на Дону, на Кубани — нужды в хлебе не было. И когда, бывало, из Москвы переедешь в эти области, поражаешься, что тут всего много, и даже, подумайте, есть настоящий белый хлеб! Один раз, увлеченный мыслью о дешевке лука, я купил у молодой розовой торговки из села целую связку лука, головок в пятьдесят, а в вагоне — я тогда ехал в товарном — посередине топилась железная печка, я пек лук, он делался сладковатым, я его ел. Но все же связки не одолел ни я, ни мои соседи.

Наступил, кажется, февраль 1918 года (я снова предупреждаю, что годы, цифры, соотношение времени я теперь иногда могу путать: уже 26 лет прошло, но это не имеет никакого значения в моих записках, так как я занят характеристикой событий, а не хронологией фактов). Мне нужно было съездить в Тверь для сдачи ли дел по Семинарии или для чего иного. В пути произошел случай. Кстати, чтобы не забыть. Еще после февральской революции ехать в вагонах было неинтересно. Сельские ребята, помню, кричали на всех едущих столь шикарно и по старому богатому способу: «Буржуи, буржуи!» А это слово было тогда самое позорное! Не было худшего греха, как попасть в разряд этих «врагов народа», или, как выражались еще, «недорезанных буржуев». А после «буржуйками» стали называть местные печечки, в которых отапливали горожане свои холодные квартиры и кое-как готовили себе пищу — из картофельной шелухи, «мучицы», куска селедочки и т. д.

Вспомню еще и о дровах. Профессор университета Ф. получил ордер на получку порции отопления, сторож отмерил ему полагающуюся часть и благоразумно удалился. Профессор философии положил ее на салазочки и потом тихонько стал прибавлять от «казенных» дров.

— Папочка! — говорит ему шести-семилетний сын Виктор, прибывший с отцом за живительным теплом,— ведь там не наши дрова!

— Знаешь, Витенька, теперь все национализировано, все общее! — А самому стыдно. Так он мне рассказывал в Берлине в 1923 году.

Ворочусь к поездке в Тверь.

Еду трамваем в Москве к Николаевскому вокзалу. Мимо мелькают церкви. И, по обычаю, крещусь. Никто не издевается надо мной, но сами не крестятся, как то бывало прежде: теперь революция, крестятся лишь буржии. Понятно... К удивлению замечаю, как один хорошо одетый, интеллигентного вида человек тоже снимает шапку и крестится. И его никто не осудил. А я подумал: «До революции «ученые» люди не крестились, а теперь вот один из них закрестился, зато рабочий люд перестал креститься, но придет также время, когда еще закрестятся опять».

Купив билет и газету, я вошел в вагон. Он был не зимний, с отдельными перегородками и III класса, а летний — сплошной, открытый. Вагонов тоже уже не хватало. Места все были заняты. И я, в монашеском клобуке и рясе, остановился около двери и начал читать газету. Никто не предложил мне места. Во время революции не полагается оказывать внимание служителям Церкви — это признак буржуазности. А люди боятся идти против моды времени. И вот тогда разыгрался случай с богохульством матроса и последствием — тут же, в нескольких шагах от станции, крушением нашего вагона. И вспомнил я еврея, который тоже, как и матрос,

хлопал себя по карману, говоря: «Вот где наша вера», а русский матрос немного переиначил: «Вот где мой бог»[15].

После мне захотелось навестить родственников (замужнюю сестру Надежду) в г. Владимире. С большим трудом я протискался в товарный вагон. Обычно на них прежде писали «8 лошадей или 40 человек». Но тут было, вероятно 100 или 150. Мы не только не могли сидеть, но и стояли-то как сельди в бочке, торчком. А тут еще, на мое горе, сзади меня какой-то всероссийский гражданин поставил ведро. И мои колени поневоле выгнулись, а спиной я упирался во владельца его, что делало путешествие еще затруднительней. Так пришлось выстоять, кажется, часов восемь — хороший рабочий день.

Но изумительное дело, никто почти не жаловался на все эти невероятнейшие неудобства. Привычный русский народ! Да и все мы знаем, что иначе невозможно, нечего и плакаться. На то и революция.

Еще хуже было с путешествием к родителям в Тамбовскую губернию на праздник Пасхи. Из Москвы нужно было ехать по Рязано-Уральской железной дороге. В вагон войти оказалось совершенно невозможно. Но я увидел, как смекалистый и неприхотливый русский мужичок приспосабливается: положили между вагонами на буфера досок, шпал и уселись. Мне не оставалось ничего иного, как попросить милости включить меня в одну такую компанию: их было два мужика и две бабы. Пустили и меня, пятого... Поезд двинулся. За границей, я уверен, не поверили бы такому пути сообщения. Но хорошо, что хоть едем, а как... Разве уж это так важно? Ну, кто в «пульмане», а кто и на буферах, все равно доедешь. Только неудобно и опаснее, да и поезд под гору. Его тормозят — наши доски становятся боком, едва держимся на них. Поднимаемся в горку — пружины раздвигаются, раздвигаются и доски: можно провалиться. А тут еще спать же хочется: ночь. Хорошо, что хоть дождя не было. А небо звездное, но нам не до красоты, где уж тут!.. Не до жиру, лишь бы быть живу!.. А все же нет-нет да и задремлешь. В ногах у меня стоял эмалированный кувшин, только что купленный бабочкой в столице, спросонья-то я его и столкнул с наших диванов... Лишь зазвенел мой кувшинчик... Владетельница огорчилась, понятно. Я виноват.

— Сколько заплатила?

— 25 рублей! — говорит.

Тогда деньги были дешевы. Вынул я денежки, заплатил. Успокоилась хозяйка его.

Но скоро наступила худшая беда. Утром такой морозец пришел, что я сил не имею дальше терпеть в своей легкой рясе. Что делать? Наступило уже утро. На одной из станций была долгая остановка. Я решил попроситься у добрых людей пустить меня внутрь, а среди товарных было три-четыре вагона с окнами. Я и стал просить, как нищий, подаяния. Мотают головой: нет места! Тогда мне пришла отчаянная мысль... Не смейся только, читатель, над ней, когда мерзнешь — не до смеху... Я сообразил, что клозетное место, вероятно, не занято. Попробовал втиснуться в одно такое: свободно. Я закрыл сиденье, сел, пригрелся и тут же заснул... Вдруг стук: за нуждой. Я выхожу. «Справился» человек, вышел; я опять сажусь и сплю. Снова стук:

— Извини, отец,— говорит какой-то особо вежливый посетитель,— сам знаешь, нужда.

— Хорошо, хорошо! Извините меня.— И я опять выхожу.

Сжалобились мужички, кто-то протискивается ко мне и кричит: «Отец, пробирайся как-нибудь сюда!» Потеснились, прижались, пропустили, спасибо. Прежде говорилась пословица: «В церкви яблоку упасть негде, а попу место найдется». Ну, лишь не во времена революции. Но скажу, все это было не намеренно, не издевательски, не со злобой, просто по нужде. Нам же, духовенству, нужно было нести тяготы вместе с народом, через это общее несчастье мы ближе становились, из класса буржуев повышались в сословие пролетариев. А это было очень важно для веры и Церкви: лишь в общих страданиях люди становятся своими. Скорби и спасли Церковь в это опасное время.

Доехал я до Кирсанова... Мой город... Крестный отец, бывший управляющий имением, из которого был удален мой отец лет тридцать тому назад,М. А. Заверячев, был в то время уже в городе. Имения все были заняты крестьянами, он должен был скрыться в городе со своей женой А. И. А незадолго перед этим он откупил у помещика прекрасный участок земли возле храма, речки, но не удалось долго владеть им. Революция, как весеннее половодье, все снесла... Если он и был виноват в

горе нашей семьи, то и ему теперь пришлось лишиться многого. Однако он купил домик и как-то жил укромно. С вокзала я зашел к ним. Был вечер. Мне и себе они сварили уху из большущей рыбы и подали вкусного свежего ржаного хлеба. Боже, какая сладость после Москвы-то! Съел я один ломоть и стыжусь спросить: а можно ли другой? Все же осмелился, спросил. Конечно, можно! Ну, уж я и наелся! Утром я был дома, в с. Чутановка. Там тоже хлеба вдоволь.

Прочее я рассказывал раньше: и о «десятине луга», и о разговенье отца, и о проводах меня отцом и матерью. В эту Пасху видел я их в последний раз. Года через три умер отец от воспаления легких и похоронен почему-то с особым почтением в ограде церковной, если не изменяет мне память. Несколько лет спустя скончалась и мать. Она ужасно страдала болезнью сердца (астмой). Сначала, еще в детстве моем, эти приступы были короткие, по 2—5 минут. А к концу жизни, как она сама писала мне уже за границу, под именем «дочки» (писать мне как «белому» архиерею было небезопасно), эти приступы продолжались у нее по 12 часов подряд. Мученицей была всю жизнь, мученицей и скончалась, за одно это помилует ее Господь и простит все грехи и ропот ее. Апостол Павел говорит, что жена спасется чадородия ради, если пребудет в вере, любви и чистоте[16]. Она же нас шестерых взрастила. Царство ей небесное! Брат Александр тоже умер в начале революции от тифа. Осталось теперь нас два брата и две сестры.

Соседних помещиков наших — Белосельских-Белозерских и купцов Дубовицкого и Москалева — уже не было в помине. Старый батюшка был все тот же. Скромный был человек, его не тронули. Больше на родину я не возвращался. Лишь перед самым отъездом мы с мамой сходили за 25 верст на могилу святой бабушки, Надежды Васильевны. Ее могилка была совершенно рядом с кладбищенской часовней. Мы ее уже не нашли: земля заровняла все, уже тридцать лет прошло после ее смерти. Часовенка, прежде всегда такая чистенькая, была в запустении. Из знакомых еще оставались, вероятно, отец Владимир С-кий да фельдшер П. Л. Родников, изводивший мамочку. Но не помню, видели мы их с матерью... Хотелось бы хоть еще разок взглянуть на родные места, где промелькнуло светлое детство... Как оно мило!..

Опять назад в Москву... Собор уже кончал свою девятимесячную работу, да и средств не было, и члены разъезжались. Времена становились все труднее и сложнее. Мне нужно было возвращаться в Крым на службу в Семинарию. Кроме того, я был еще и членом Украинского Собора.

До Пасхи Украина отделилась под гетманом Скоропадским. Собственно, помогли этому немцы. Они это делали из своих выгод, желая присвоить так или иначе ее себе, за что они и теперь воюют. Но мы тогда этого не понимали. А если кто и понимал, то думал: жизнь под большевиками не лучше. Прежде говорили нам: «Что Вильгельм, что Николай», а теперь немного изменили: «Что немцы, что большевики». Трудно, очень трудно жилось в то время... Но еще понятнее и приятнее казался нам в Москве этот далекий переворот в Киеве потому, что снова зажглись там дорогие слова: родина, национализм... Я должен сказать, эта весть показалась мне точно радостным звоном колокола, который я так любил в детстве. Но переворот совершили не рядовые селяки, а немцы и богатые «хлеборобы», то есть имущественные классы и зажиточные крестьяне. Однако, нужно сознаться, и рядовое сельское население сначала было довольно этим переворотом. Украинцам-индивидуалистам вообще не нравилась коллективная система, а тут еще и пресс большевиков-«москалей», «кацапов» давил их. И они приняли реакционный переворот спокойно. Нигде не было взрывов и протестов.

Крым тогда считался одной из десяти губерний Украины.

Одним словом, почти все, чем теперь временно завладели немцы на юге, было и тогда под их контролем. После Крым преобразовали в татарскую не то республику, не то область со своим парламентом-«курултаем» во главе с премьер-министром Соломоном. В Украине же восстановился почти царский порядок: царь-гетман, министры, министерства. И так же мы пели на Соборе: «Спаси Господи... победы благоверному гетману Павлу на сопротивныя даруя» и прочее.

Советская власть вынуждена была пойти на такой разрыв единого тела, потому что воевать против немцев была не в силах. С ними она заключила Брестский мир: нужно было быть лояльными. И первая задача была у нее справиться с внутренней разрухой и начавшимся «белым движением». Потому советская власть установила

отношения с Украиной как совершенно самостоятельным государством: определены были границы, назначены послы и т. д. По-видимому, Украина готова была зажить по-прежнему тихо, безмятежно и светло, хотя бы и не привольно под давлением немцев.

Но не так судила история. Искусственное насаждение не жило долго. Сорвались немцы. Пришли петлюровцы. Немного пришлось Скоропадскому вместе с русскими белыми защищать Киев: петлюровцы взяли верх. И понятно, здесь против белых восстал опять тот же народ, массы. И когда я 4 декабря увидел в Киеве на Софийской площади этих сытых «хохлов» в дубленых полушубках, в теплых шапках, сидевших на крепких мохнатых конях так ловко и прочно, будто они составляли одно целое, я подумал: куда же нам, интеллигентам, бороться с этой земной силищей, Микулой Селяниновичем?!

Эти петлюровцы были, в сущности, теми же большевиками, лишь на Украинской земле: та же борьба против капиталистов руководила ими, только тут было больше племенного шовинизма, чем в Великороссии. Но это временно, рабочие классы между собой сговорятся скорее... И скоро Украина тоже стала советской. Но весной 1918 года она еще была гетманской. Туда мне и следовало теперь направляться из Москвы.

Путь был один: через Смоленск на пограничную Оршу. Доехал я туда благополучно. Разделом была железная дорога, которая находилась в руках немцев. По обе стороны лес. На русской стороне — тысячи народа: мужики, женщины, дети. Живут прямо в лесу, как дикие звери. И нужно пробраться на немецкую сторону: там у них имущество, дома, родные. Им уже все равно, русские или немцы, большевики или монархисты, только бы домой, домой! Но немцы их не пускают. Вот отчаянное горе! Вдруг вижу: под проволоку на русской стороне пролезает какая-то баба. Разгуливающий единственный немецкий часовой шел в это время в противоположном направлении от бабы, она думала воспользоваться этим моментом — перебежать узкую полосу дороги, шагов пятьдесят. Но немец оборотился и, увидев женщину, взял тотчас ружье наперевес и дико крикнул: «Цюррюк-к!» Бедная со страхом воротилась, иначе пуля бы кончила ее жизнь. Тут я увидел всю холодную жестокость немцев! Абсолютно никакой жалости! Наоборот, часовому (да и другим) доставило бы садистскую радость такое убийство из-за дисциплины. Окаянные души!.. И то, что они теперь проделывают на нашей родине, не новость: это их характер, это знак «лучшей расы в мире». И какое презрение к русскому народу!

Бесполезно было и нам, то есть мне и каким-то моим сопутникам по поезду — украинцам, просить разрешение на пропуск. Тут выручил извозчик-еврей. Он знал, что где-то у берега реки Днепра (должно быть, притока его?) есть тайная дорожка, за которой немцы почему-то не догадались еще смотреть, там можно пробраться. Даем ему денег и едем. Действительно, тут стоят два-три других извозчика с «зайцами»-пассажирами. Их багаж осматривают большевики-военные. Мы стащили свои чемоданы. Наш еврей посоветовал дать взятку небольшому осмотрщику. Мы это сделали, кажется, рублей по 25. Солдатики наши мило взяли, наскоро, для виду, осмотрели и махнули: айда! За немецкую сторону они уже не отвечали... Однако нам все же пришлось почему-то направиться в штаб-квартиру пограничной стражи, которая помещалась в деревянном сарае против скопления русских. Тут нас приняли с приличным видом: один — духовный, другие были интеллигенты, а немецкому офицеру, вероятно, хотелось проявить свою воспитанность перед нами. Мы получили разрешение на дальнейшее движение. Скоро на реке остановился пароход, советский, кажется, а не украинский. Во всяком случае, тут был и большевистский контроль. Мы купили билеты и успокоились. Хорошо помню, что и большевики, и ехавшие с нами пассажиры-украинцы отнеслись к нам дружелюбно. Это были свои, друзья, родные, а не враги немцы... Не дай Боже никакой стране попасть к ним в зубы: разорвут, раздавят! И все это с дьявольским сознанием собственного превосходства как наилучшей расы! Ужасные душители! Ведь они уже и в Америке готовились взять в руки власть. Один поляк говорил мне и в Чикаго:

— Немцы открыто хвастали, что скоро будут править Америкой, везде введут единый немецкий язык и, конечно, не будут церемониться с другими.

Но не допустил их до этого Господь! «Теперь,— говорил поляк,— они замолчали уже!» Но когда Гитлер будет разбит, а он, по уверенному мнению его, будет разбит,

то уж как по всей Европе все народы будут мстить немцам!

Да, кто видел жестокость и холодность обездушенного ума, тот знает, чего можно ждать от них везде.

«А в США немцев,— говорил тот же поляк,— будто бы больше всех: 20 миллионов». Слава Богу, что и Россия, и Англия, и Америка встали против них войной! Этот «цурррюк-к» запомнился мне навсегда... А что же в России?!

...В Киеве все казалось благополучно, мирно и сыто. Я привез с собой какие-то письма от Патриарха Тихона и передал их по назначению духовным лицам. Опускаю другие города...

Из Херсона по Черному морю — сначала в Одессу, потом уже — в Крым. Где-то тут повстречался со мной случайный американец. Хоть был лишь май, но уже ел яблоки прошлогодние, платя за них огромную цену, но у него долларов было много.

— Я,— говорит,— имею привычку всегда утром есть настоящие яблоки. Это полезно.

Ну еще бы не полезно! А нам не до яблок, а хоть бы хлеба да жизнь сохранить. Он с улыбочками из простого любопытства расспрашивал меня о революции. Конечно, не любил большевиков и был в общем совершенно равнодушен к тому, что делается в чужой ему России. Она ему нужна была, вероятно, лишь с точки зрения его деляческих предприятий. «А там хоть трава не расти!» — говорит умная пословица, то есть пусть хоть одни обожженные корни останутся без признаков жизни!.. Да и одни ли американцы? А мы? Разве интересовались, что делается у соседей? Разве мы в те же самые дни много думали о Белой армии и вообще о междоусобной братской борьбе? Где-то там кто-то дерется, далеко, нас это не задевает, ну и ладно... «Моя хата с краю, ничего не знаю»... Да, в нашей общей человеческой натуре у всех лежит эта равнодушная холодность к «братьям-людям». Оттого и войны. Нет, далеко еще нам до братской жизни! Слишком глубоко грех гордости и себялюбия вкоренился в сердце падшего человека. И — увы! — не исправить никакими такими путями, как политико-социальные реформы да умственное просвещение. Немного подлечить и подправить еще можно и должно, но корни греха останутся и опять будут давать новые ростки, приспособительно к новым условиям жизни. И лишь одно будет преображение человечества, но оно не в порядке естественных форм и условий...

Однако, безусловно, необходимо искать способы улучшения в этой жизни, насколько возможно для человеческих сил. Искать энергично, добросовестно. Это и является постоянной задачей государства и государственной власти. И христианство не только не относится к земному строительству равнодушно, а, наоборот, чтит власть и благословляет ее на это строительство. Оно возвело власть до Божественного основания: *Сущие власти от Бога учинены суть.* «Много цари царствуют и владетели владеют»[17]. Государство и власть благословенны Богом, так как они своими путями тоже борются против разрушительного зла.

Занялась с поразительной энергией этим строительством и советская власть. Пусть было много ошибок, жестокостей, несправедливости, гонений, но все же и они, по-своему, стали созидать Россию.

Я от весны 1918 года уже не был там и потому, к сожалению, не могу писать своих собственных воспоминаний о России и советской власти. Да и моя задача более скромная: говорить лишь о рубеже двух эпох. Однако кое-что мне пришлось еще слышать, узнать от других о дальнейшем движении социалистического строительства. Запишу для памяти.

Вопрос о Брестском мире советского правительства с великими уступками немцам еще начался при мне. Его некоторые называли очень гадким именем: «похабный». Это слово в просторечии означает «прелюбодейный». Этот мир казался недругам Советов изменой России, Родине, национализму. Насколько помню, и Патриарх Тихон осуждал этот мир, и даже было особо выпущено послание по поводу его[18]. Но мое личное мнение и тогда, и особенно теперь, было иное. Случайно — сколько бывает таких случайностей и совпадений! — мне пришлось от Москвы ехать в одном купе с генералом, отправлявшимся в качестве военного эксперта для заключения этого самого мира. Видно было, что ему нелегко далось такое поручение, он беседовал со мной точно виноватый, с неловкой улыбкой... Понять его легко: отдавать немцам куски собственной Родины своими руками! Но я внутренне не смутился ничуть, наоборот, мне приятно было одобрить его в

такой миссии и успокоить его совесть. Он делал необходимое тогда дело. И подобный совет и обрадовал его, но и удивил. Он думал, что сейчас будут поносить его как предателя, я же, в сущности, благословил его. И не раскаиваюсь в этом.

Как легко писать всякие обличения! Но нужно быть самому у кормила правления да еще обстоятельно знать положение вещей, чтобы принимать то или иное решение. И особенно осторожными в этих вопросах нужно быть нам, духовным. Конечно, как гражданам страны и нам важны и близки интересы Родины, но все же мы специалисты в других областях, а не в гражданской и военной. И потому брать на себя ответственность за эти вопросы, да еще когда нас не спрашивают о них,— весьма рискованно. Преподобный Сергий благословил Димитрия Донского, но уже тогда, когда тот решил вопрос о войне против Мамая; Преподобный же лишь укрепил его, и то по прямой просьбе князя дать ему свой совет. Нельзя нам забывать и то, что Сергий был исключительный избранник Божий, святой человек. Нам же в подобных случаях лучше стоять в стороне. И, во всяком случае, не выступать публично, потому что такими выступлениями можно внести немало расстройства в дела гражданские и военные. Ведь не выступали же мы при княжеском и царском правительстве, а лишь послушно объявляли по церквам манифесты властей, никогда не входя в критику их. Советская власть делает, она же берет на себя ответственность перед Богом, историей и народом. Правда, были примеры активного вмешательства некоторых иерархов в жизнь государства: Патриарха Гермогена, келаря Авраама Палицына, а особенно впоследствии Патриарха Никона, сделавшегося вторым царем при Алексее Михайловиче. Но первые случаи были в «смутное время», когда царило почти безначалие, а второй принес немало осложнений в жизнь. И Православная Церковь осудила этого Патриарха. Наше Православие, в противоположность Католицизму, не принимает клерикализма или папоцезаризма, то есть управления лицами духовными делами мирскими. И эта линия правильная, евангельская, апостольская. Уже не говоря о Господе, а кто из апостолов вмешивался в светские дела? Ни один! А в церковных наших канонах есть прямое запрещение духовенству занимать мирские должности. У нас есть свое, особое религиозное дело, дай Бог с ним справиться как следует! Этим мы больше принесем пользы гражданским условиям жизни. Иное дело — помогать правительству. Это наш долг и как рядовых граждан, и как церковного общества.

Однако почему же Патриарх Тихон выступил с подобным осуждением? И почему он потом написал и другое, еще более важное по своим последствиям, известное послание с «анафемой» большевикам[19]. Конечно, я лично тут был уж совсем ни при чем, но теперь приходится высказывать в этих записках свое мнение по вопросам, которые происходили именно на рубеже двух эпох.

Я думаю, да простит мне Бог, что Патриарх тогда ошибался, и не однажды, а дважды, в обоих указанных случаях. Мы, православные, не признаем папской «непогрешимости» ни в догматических, ни тем более в общественных выступлениях (хотя бы и ex cathedra, как говорят католики) кого бы то ни было... И сам Патриарх сознал свои ошибки, потому что после заявил о своей лояльности советской власти. И даже объяснил причину своих ошибок: привычка и воспитание в прошлых, не изжитых еще воззрениях.

Кроме того, мне пришлось слышать от некоторых осведомленных лиц, что Патриарх тогда находился еще под влиянием некоторого окружения из лиц чисто политических. Если это верно, то мне называли между другими имя князя Е. Н. Трубецкого[20], бывшего члена Государственного Совета, а потом и одного из товарищей председателя Собора, того же Владыки Тихона. Ему приписывается (за эти слухи не ручаюсь) и составление самого текста послания.

Конечно, это не освобождает от ответственности лицо, подкрепившее документы своей подписью, но отчасти извиняет и объясняет... На подобные вопросы мог бы дать проливающие свет сведения Митрополит Сергий.

Можно еще указать в извинение на одно обстоятельство, подсказанное мне советским человеком. Еще можно было Церкви держаться уклончивой нейтральности и даже бороться против новой власти, пока шел еще процесс ее установления, но когда она была уже принята и признана народом и укрепилась, тогда борьба против нее Церкви была делом незаконным.

(Продолжение следует)

Гоголь и монашество

По возвращении в Москву из Оптиной Гоголь на Покров едет в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы помолиться в день именин своей матери. Там он вместе с отцом Феодором Бухаревым, с которым познакомился еще в 1848 году, посетил студентов Московской Духовной Академии. Сочинения Гоголя, и в особенности «Выбранные места из переписки с друзьями», произвели сильное впечатление на молодого монаха. Его отзыв на «Переписку» вылился в целую книгу — «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году», увидевшую свет 12 лет спустя. В предисловии к своей книге отец Феодор рассказал о посещении Гоголем Академии: «Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною откровенностию, с которою он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: «Что ж, мы все работаем у одного Хозяина».

Судьба архимандрита Феодора в некотором смысле представляет как бы перевернутый вариант судьбы Гоголя. Оба они стремились внести христианские начала во все сферы человеческой жизни — личную, семейную, общественную. Но направление их по этому пути было противоположным. Отец Феодор впоследствии подал прошение о снятии с себя сана и выходе из монастыря для того, чтобы проповедовать христианство в миру,— он стал публицистом и литературным критиком. Гоголь, напротив, тянулся к монашеству из мира, который не мог вполне его удовлетворить,— и бросил литературу ради спасения души.

В Лавре Гоголь бывал часто, и нередко с графиней Анной Георгиевной Толстой (урожденной княжной Грузинской), женой графа Толстого, в доме которых в Москве на Никитском бульваре он жил последние четыре года. Об этой семье следует сказать особо, так как она играла важную роль в жизни Гоголя.

Граф Александр Петрович Толстой и его жена, Анна Георгиевна, происходили из древнего грузинского рода (они были потомками царя Вахтанга VI) и приходились друг другу четвероюродными братом и сестрой. Брак этот был не совсем обычен. Смирнова вспоминает: «35 лет княжна вышла замуж за графа Александра Петровича Толстого, святого человека. Он подчинился своей чудовине и жил с нею как брат».

Княжна Грузинская отличалась редкой красотой и была женщиной глубоко религиозной. В свете ходил рассказ об одной драматической истории ее юности: будто бы она любила юношу, жившего в доме ее отца, князя Георгия Александровича Грузинского, но брак их был невозможен, так как юноша (его звали Андрей Медведев) приходился князю побочным сыном. Тогда оба они дали обет посвятить себя Богу. Анна Георгиевна некоторое время пробыла в Троицкой Белбажской женской обители (Костромской епархии). Андрей поступил в Саровскую пустынь, а затем постригся в монахи с именем Антония в Высокогорском монастыре. Впоследствии преподобный Серафим, Саровский чудотворец, предсказал, что Господь вверит ему обширную лавру. Так и случилось, отец Антоний стал наместником Троице-Сергиевой Лавры и мудро управлял ею почти полвека.

Гоголь был знаком с архимандритом Антонием,и, очевидно, знакомство это произошло через графиню Толстую. Гоголь был очень привязан к ней. «Я вас полюбил искренно,— писал он ей в сентябре 1845 года,— полюбил, как сестру, во-первых, за доброту вашу, во-вторых, за ваше искреннее желание творить угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться». Графиня Толстая была прекрасно образованна, хорошо знала светскую литературу, но предпочитала всегда духовное чтение — Евангелие и проповеди. Особенно ценила она ученое монашество, считая его образцом истинной христианской жизни и рассадником духовного просвещения.

По отношению к себе Анна Георгиевна была всегда строга и не позволяла никаких прихотей и излишеств. Ежедневно, особенно в последние годы, посещала церковь; не только неукоснительно соблюдала все посты, но считала своим долгом каждый пост говеть и приобщаться Святых Таин (что в целом было нехарактерно для ее современников).

После смерти Гоголя графиня, дожившая до глубокой старости, часто вспоминала о нем, особенно постом. Владимир Гиляровский передает со слов ее бывшей компаньонки Ю. А. Троицкой, что Анна Георгиевна постилась до крайней степени, любила

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1993, № 4.

есть тюрю из хлеба, картофеля, кваса и лука и каждый раз за этим кушаньем говорила: «И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю». Настольной книгой графини были «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского» в четырех частях, изданные в 1849 году. На книге имелись отметки карандашом, которые делал Гоголь, ежедневно читавший Анне Георгиевне эти проповеди. По словам графини, она обыкновенно ходила по террасе, чтобы не уснуть, а Гоголь, сидя в кресле, читал ей и объяснял значение прочитанного. Самым любимым местом книги у Гоголя было «Слово о пользе поста и молитвы».

Особенно близкие отношения связывали Гоголя с его духовным братом графом Толстым. Знакомство их состоялось еще в тридцатых годах (в 1839 году они уже переписывались). Со временем оно переросло в близкую дружбу. В своей жизни Александр Петрович подвизался на многих поприщах — он был военным, дипломатом, губернатором в Твери и Одессе, с 1840 года жил за границей в отставке. К службе вернулся только через 15 лет и занимал крупнейшие государственные посты — был обер-прокурором Синода и членом Государственного совета.

Гоголя привлекало в графе Толстом многое, в частности природная доброта, религиозная настроенность души, склонность к аскетизму. Анна Васильевна Гоголь рассказывала В. И. Шенроку со слов брата, что Толстой носил тайно вериги. Его личность производила глубокое впечатление на самых различных людей. Иван Киреевский говорил про него: «Легче становится жить после встречи с таким человеком».

Графу Толстому нередко приписывают влияние на Гоголя в духовном отношении, но письма Гоголя к нему 1840-х годов, проникнутые учительным тоном, скорее говорят об обратном. «Все же, что ни говорил я относительно Великого Поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, выполните с буквальною точностью, как бы она ни казалась вам не нужною или не идущею к делу. Наложите также на себя обет добровольного воздержания в *слове* во все продолжение этого времени...»

Гоголь относил Толстого к числу тех немногочисленных людей, «которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здравой середины видит вещь», и побуждал его заняться государственной деятельностью. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» к Толстому обращены, по крайней мере, семь писем-статей (адресаты многих не установлены) — больше, чем к кому-либо. Личная переписка Гоголя с графом Толстым была весьма обширна, но после смерти писателя Толстой, возможно, уничтожил свои письма. Во всяком случае, весной 1852 года он сообщал сестре, Софье Петровне Апраксиной, что, разбирая гоголевские бумаги (Гоголь умер у него в доме), изымает свои и ее письма к покойному,— действие, из которого некоторые исследователи вывели заключение едва ли не в «краже» Толстым рукописей второго тома «Мертвых душ». Это предположение резко противоречит мнению современников о личности графа Толстого. Так, Жуковский, чей моральный авторитет был необычайно высок, справляясь у Плетнева об обстоятельствах смерти Гоголя, писал в марте 1852 года: «Где он жил в последнее время в Москве? Верно ли, что у графа? Если так, то бумаги в добрых руках и ничего не пропадет».

Граф Толстой был единственным человеком, который мог бы подробно рассказать о том, что происходило с Гоголем в последний месяц его жизни. Но он не оставил письменных воспоминаний. Естественно, что к нему сразу после смерти Гоголя обратились с вопросами. Устные рассказы Толстого стали основным источником сведений о последних днях Гоголя.

* * *

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя — предмет постоянных размышлений и вечная загадка для биографов. События эти произошли с такой быстротой, что для многих современников были полной неожиданностью.

В начале 1852 года Гоголь еще готовит к печати собрание своих сочинений. Намеков на кризис в это время не было. Перелом наступил в последних числах января. 26 января умерла еще молодой, после непродолжительной болезни, Екатерина Михайловна Хомякова, человек Гоголю близкий и дорогой: она была женой богослова, поэта и публициста Алексея Степановича Хомякова (Гоголь крестил у них сына) и сестрой друга Гоголя, поэта Николая Языкова. Смерть эта так потрясла Гоголя, что он не нашел в себе сил прийти на похороны. После первой панихиды он сказал Хомякову: «Все для меня кончено».

С этих пор мысль о близкой смерти овладевает Гоголем. Он почти ежедневно бывает в церкви. 30 января в своем приходе заказывает панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа Толстого входил в приход церкви Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды заходит к Аксаковым, говорит, что ему стало легче. «Но страшна минута смерти»,— добавляет он. «Почему же страшна? — возразил кто-то из Аксаковых.— Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отрадно думать о смерти».— «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту»,— ответил он.

1 февраля, в пятницу, Гоголь — на обедне в своей приходской церкви (родительская суббота мясопустной недели в том году

приходилась на 2 февраля — праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он снова заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексия Соколова, впоследствии протопресвитера храма Христа Спасителя).

3 февраля Гоголь опять на обедне в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице,— вспоминает Вера Сергеевна Аксакова,— точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение». Он еще занимается чтением корректур, но в начале масленицы в нем замечают резкую перемену.

В понедельник, 4 февраля, он говорит Шевыреву, что «некогда ему теперь заниматься корректурами». На вопрос Шевырева о здоровье отвечает, что «дурно себя чувствовал и кстати решил попоститься и поговеть» (11 февраля начинался Великий пост). 5 февраля Гоголь жаловался заехавшему к нему Шевыреву на «расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали». В тот же день он едет к своему духовнику отцу Иоанну Никольскому (с которым познакомился еще в 1842 году, когда по приезде из-за границы жил у Погодина) в приходскую церковь Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дождаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг.

Вечером того же дня Гоголь провожал на станцию железной дороги гостившего у графа Толстого ржевского священника отца Матфея Константиновского.

Роль этого человека в судьбе Гоголя необычайно важна и неоднозначна. Гоголь общался с ним в последние годы жизни. Заочное знакомство произошло, по рекомендации графа Толстого, в 1847 году, а лично они познакомились, по-видимому, годом позднее и вели оживленную переписку. В личности отца Матфея, который отнюдь не отличался богословскими познаниями, Гоголя привлекал блестящий дар проповедника и строгий аскетизм, который, впрочем, не мешал ему быть человеком жизнерадостным. Насколько высоко Гоголь ценил духовное руководство ржевского священника, видно из его отзыва о нем в письме к графу Толстому в апреле 1848 года: «По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений...» А самого отца Матфея Гоголь постоянно просит молиться о нем: «Может быть, вам душа моя известна больше, чем мне самому» (письмо от конца декабря 1850 года).

После выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь отправил отцу Матфею книгу и, очевидно, суждение священника о ней было резко отрицательным. Письмо его не сохранилось, но мы можем судить о нем по ответу Гоголя, который писал ему в мае 1848 года из Неаполя: «Не могу скрыть от вас, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное действие и я дам за нее ответ Богу». По всей вероятности, отец Матфей упрекал Гоголя в учительстве, в излишнем увлечении светскими темами (в частности, он нападал на статью «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», как уводящую общество от Церкви к театру), а Гоголь защищался тем, что «закон Христов можно внести с собой повсюду... Его можно исполнять также и в званьи писателя» (из письма от конца сентября 1847 года). И далее — в этом же письме знаменательная фраза, возможно, отзвук веймарских событий: «Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполненье всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас, те же искушения вокруг нас...»

Во время их последней встречи в доме графа Толстого беседы отца Матфея сильно подействовали на Гоголя. Подробности этих разговоров нам неизвестны, но их содержание отчасти передано доктором Тарасенковым (со слов Толстого) и протоиереем Феодором Образцовым. Отец Матфей напоминал Гоголю о греховности человека, об ответственности за свои действия и слова перед Богом, убеждал в необходимости строгого соблюдения поста. «Ослабление тела не может нас удерживать от пощения; какая у нас работа? Для чего нам нужны силы? Много званых, но мало избранных. За всякое слово праздное мы отдадим отчет...» Резкие и суровые речи так потрясли Гоголя, что однажды, не владея собой, он прервал проповедника: «Довольно! Оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!»

К концу пребывания отца Матфея в Москве Гоголь решает говеть. Начиная с 5-го февраля он почти ничего не ест, большую часть ночей проводит в молитве. Тем не менее продолжает выезжать из дому. 7 февраля, в четверг рано поутру едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там, вечером снова возвращается в ту же церковь совершить благодарственный молебен, заезжает к Погодину, но, пробыв несколько минут, уезжает. В ночь с 8 на 9 февраля Гоголь слышал голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он позвал приходского священника и хотел собороваться, но, когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение Таинства. На следующий день он едет к Хомякову, где не был с 27 января, играет там со своим маленьким крестником.

10 февраля Гоголь просит графа Толстого передать свои рукописи митрополиту Филарету, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дому.

В ночь с 11 на 12 февраля, в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему бесшумно пробраться на второй этаж, где располагались печные задвижки, растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он (по запискам доктора Тарасенкова) сказал Толстому: «Вот, что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел. А я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели».

Роковую роль в сожжении современники приписывали отцу Матфею. Считалось, что погибла рукопись второго тома «Мертвых душ». Отец Матфей отрицал это, говоря, что законченного второго тома у Гоголя не было (во всяком случае, он не видел его). Прочитав отдельные тетради с набросками, в которых был священник с «католическими оттенками» и губернатор, «каких не бывает», он просил уничтожить их.

Недавно было высказано мнение, что «будь на месте отца Матфея, например, оптинский старец Макарий, второй том получил бы одобрение и благословение на выход в свет». Едва ли это так. Отец Матфей, по-видимому, был одним из немногих, кто понимал смысл предсмертной трагедии Гоголя. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни,— говорил он. — Наша русская жизнь не мало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения... Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему «нужен душевный монастырь», а пред смертию он еще сильнее пожелал его».

В понедельник и вторник первой недели поста в доме графа (на верхней половине) служили великое повечерие. Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням, однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь — в молитве со слезами. Толстой, видя, как все это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужение.

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы отмечали усталость, вялость, почти полное изнеможение — отчасти следствие обострения болезни, отчасти действие поста. Со слов Толстого известно, что Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером — кашицу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу. Он лежал лицом к стене, на которой висел образ Богоматери; в руках у него были четки. К нему приглашали знаменитейших московских докторов, однако он наотрез отказывался от лечения (14 февраля, по свидетельству Хомякова, сказал: «Надобно меня оставить, я знаю, что должен умереть»).

Граф Толстой стремился употребить все возможное для исцеления Гоголя: просил Ивана Васильевича Капниста, которого Гоголь очень уважал и любил, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к митрополиту Филарету, чтобы тот подействовал на больного. Преосвященный велел передать, что «сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача». Но ничего не помогло. Наконец, видя критическое положение, граф созвал консилиум, который принял решение лечить Гоголя насильно — от менингита, по диагнозу профессора А. И. Овера. С Гоголем обращались как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собой». Об этом рассказывает, например, в своих записках доктор Тарасенков.

Насильственное лечение, которому подвергся Гоголь, ускорило смерть. Перед кончиной он дважды соборовался и приобщался Святых Таин. Последнюю ночь Гоголь был уже в беспамятстве. 21 февраля, около восьми утра, он преставился о Господе.

Накануне, часу в одиннадцатом, он громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!» (Подобные слова сказал перед смертью святой Тихон Задонский, сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно.)

Среди святых отцов у Гоголя были наиболее близкие ему, например Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Исаак Сирин. Но, пожалуй, на первом месте стоит преподобный Иоанн Лествичник. Известно, что «Лествица» была одной из любимых книг Гоголя. Доктор Тарасенков вспоминал: «Он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его». По словам того же Тарасенкова, сочинение святого Иоанна Лествичника нравилось Гоголю «своими строгими правилами», и он «старался достигать высших ступеней, в нем описанных». Действительно, еще в 1842 году Гоголь писал Жуковскому: «Живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя стою еще на нижайших и первых ее ступенях»; в 1843 году Надежде Николаевне Шереметевой: «Долгое воспитанье предстоит мне, великая, трудная лестница».

В этом свете вся жизнь Гоголя, сопоставимая с монашеским подвигом,— мучительная борьба между духовными и художественными устремлениями, сожжение рукописей, попытки ухода в монастырь, в конечном итоге — отказ от себя и мученическая кончина,— предстает как образ духовной лествицы, постоянного восхождения, а произведения его являются некими ступенями на этом нелегком пути.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены: обращенные к друзьям наброски духовного завещания, молитвы, написанные на отдельных листках, предсмертные записи.

«Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моленья их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник.

Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное.

Помилуй меня, грешного, прости Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповедимого Креста!

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...»

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в их деревне приют для бедных девиц, а по возможности и превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

* * *

Сразу после смерти Гоголя граф Толстой послал в Оптину Пустынь извещение и 15 рублей серебром на помин души новопреставленного. Помня завет Гоголя, Александр Петрович всю оставшуюся жизнь поддерживал дружеские связи с обителью. Н. П. Гиляров-Платонов писал о нем: «Он принадлежал к разряду тех людей, которых я не умею иначе охарактеризовать, как назвать их *оптинскими* христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и проч. И он сам в своей жизни именно таков... К таким людям принадлежал покойный Гоголь...»

Промыслительна была самая кончина графа Толстого: он умирал в Женеве и отказывался исповедоваться и причащаться у местных священников. Хлопотами графини оптинский инок отец Климент (Зедергольм), которому граф много покровительствовал, был в несколько дней рукоположен и отправлен за границу. В Женеве он исповедал и дважды причастил Александра Петровича, который скончался на его руках на другой день по принятии Святых Таин.

Посмертная связь Гоголя с Оптиной Пустынью продолжалась. Летом 1852 года Шевырев, возвращаясь с родины Гоголя, куда он ездил навестить родных покойного, заезжал в монастырь, где прочел его насельникам «Размышления о Божественной Литургии». Оптинские иноки, хорошо помнившие Гоголя, нашли это сочинение «запечатленным цельностию духа и особенным лирическим взглядом на предмет». Из писем Гоголя, также читанных Шевыревым, их особенно поразило одно — писанное юным Гоголем матери по поводу смерти отца. Мария Ивановна и сама была в Оптиной на Пасху 1857 года и прожила там девять дней со своим внуком Николаем.

Последнее суждение о Гоголе-христианине, самое точное и глубокое, было вынесено после смерти его Оптиной Пустынью. Летописец обители, иеромонах Евфимий (Трунов), сурово оценив сатирическую сторону таланта великого писателя, подытожил его земное странствие: «Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидал, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в нее уже погружены многие, им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову... Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя и с самим собою, и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Гоголя была победоносна, и он, на смерть израненный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, искупив свой грех покаянием, злоречием мира и тесным соединением со спасающею Церковию.

Да упокоит душу его милосердный Господь в селениях праведных!»

Владимир ВОРОПАЕВ

Всему миру свет

(Обзор литературы, вышедшей к 600-летию со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского)

Празднование 600-летия со дня блаженной кончины игумена земли Русской Преподобного Сергия Радонежского стало не только великим торжеством Русской Православной Церкви, но и значительным событием в духовно-нравственной и культурной жизни России.

Главную идею празднества выразил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в речи на торжественном акте 8 октября 1992 года: «Взирая на образ и на служение Преподобного Сергия, обращая к нему наши молитвы и воздыхания, мы, в сознании нашей общей причастности к делу Божию, призваны преодолеть нашу немощь и недостоинство. Тогда снова, как в эпоху Преподобного Сергия, наш народ соберет все свои силы и явит миру свой лик, красоту и мощь своего духовного, культурного и творческого призвания. Ибо другого, более высокого и достойного служения в истории земному человечеству не дано».

К юбилею вышли книги и альбомы, посвященные Преподобному, опубликовано большое число статей в журналах и газетах. Особое место занимают репринтные переиздания книг, опубликованных в конце XIX — начале XX века, в том числе и к 500-летию со дня кончины Преподобного. Судя по тому, как быстро разошлись эти издания, надо полагать, что им суждена долгая новая жизнь. В то же время сравнение этих изданий с работами современных авторов позволяет выявить, чем обогатилось наше понимание роли Преподобного Сергия в духовной сфере народной жизни за истекшее столетие.

В юбилейных речах, беседах и посланиях Святейшего Патриарха Алексия II прозвучало новое отношение к недавнему прошлому России. Кажется, никогда еще за последние десятилетия мы не слышали таких проникновенных слов: «Наш соотечественник некогда дошел до крайнего духовного ослепления, отвергнув веру отцов и предав поруганию народные святыни. Постигла эта трагическая участь и Лавру Сергиеву, и святой гроб Преподобного. Не помяни, Преподобный отче, наших прегрешений, в которых мы каемся за себя и за сродников наших... В наших бедах виновны не какие-то темные внешние силы. Вина лежит на многих поколениях предков наших и на нас самих».

Столь же взволнованно прозвучало слово о великом вкладе Преподобного в культурную жизнь народа: «Путь творческого обновления, указанный Преподобным Сергием, создал на плодоносной российской почве великие идеалы и немеркнущие духовные ценности. Была взращена величественная в своем достоинстве, тонкая по изяществу и одухотворенная по своему содержанию культура России, ее великая иконопись, великая живопись, великая классическая литература и великая религиозная мысль». Отметив, что России изначально была присуща мечта о братстве народов, могущем осуществиться под воздействием преображающей Божественной благодати, Святейший Патриарх указал на заветы Преподобного Сергия как на духовную основу строительства многонационального Русского государства: «В лице Сергия Церковь молится, в лице Дмитрия Донского — ведет освободительную борьбу, отстаивая Отечество и веру». Преподобный заложил основу правильного отношения к армии, которая надолго стала в России школой веры и верности.

Преподобный Сергий сам стал воплощением лучших сторон русского национального характера. Он любил свою Родину и верил в творческие силы своего народа, в его историческое призвание. Именно Преподобный Сергий дал залог и удостоверение нашей исторической жизнестойкости и величия и благословлял нашу Родину на всех ступенях ее исторического бытия.

В наше время духовной смуты особенно важно напомнить, что Преподобный Сергий «укреплял Русь в уверенности, что духовное начало и есть главнейшее — без этого жизнь и смерть теряют свой смысл и значение».

Подлинная, духовно осмысленная работа в повседневной жизни не может помешать нашему служению Господу: «Мы должны служить своей Родине, ее спасению и ее благу, и тем самым служить Божьему делу, исполнению Божественного замысла в мире и в истории. Каждый гражданин, какой бы ни была его национальность, должен, следуя указаниям долга и совести, служить на благо своей страны, для ее обновления и оправдания перед Лицем Божиим».

Духовный подъем, каким ознаменовались празднества в честь Преподобного Сергия, дал повод с оптимизмом смотреть в наше

ближайшее будущее: «Возрождение наших народов должно произойти в умах и сердцах наших соотечественников, в их мировоззрении, в их творчестве. Народу — наследнику великого служителя Святой Троицы не суждено быть отвергнутым от своего высокого предназначения».

Другие священнослужители Русской Православной Церкви отмечали прежде всего духовное влияние Преподобного Сергия на жизнь народа в наши дни. Священник отец Димитрий Дудко подчеркивал, что Преподобный не только в прошлом, в дни его земной жизни, духовно собирал Русскую землю, он и сейчас ее собирает, объединяя нас, таких разных по своим пристрастиям и стремлениям.

Преподаватель Одесской Духовной Семинарии архимандрит Иннокентий напоминает: «Примером своей святой жизни Преподобный Сергий показал нам, что полюбить Небесное Отечество может лишь тот, кто любит земное Отечество — свою Родину и талант, данный Богом, приумножает для ее блага».

Архимандрит Наум (Троице-Сергиева Лавра), отметив, что мир бывает земной и мир благодатный, Божий, подчеркивает, что «Преподобный Сергий имел мир Христов. Этот мир благодатный нам нужно просить у Бога... Если мы этим путем пойдем, то станем собеседниками Преподобного Сергия».

Преподаватель Московской Духовной Академии М. Дунаев видит Преподобного Сергия как живого носителя идеала святости, помогающего слабым в вере и отчаявшимся обрести твердую опору в жизни. Подвиг Преподобного Сергия заключался в том, что святой смиренно подчинил себя Высшей Воле и служил Высшей Истине. «Русская культура только тогда и достигает истинных высот, когда не скользит по поверхности, гоняясь за внешними эффектами, но смиренно сосредоточивается на постижении истины в духовных глубинах бытия... Посвящая обитель Троице, Преподобный еще раз указал всякому человеку и всей Руси на высшую предназначенность их земного бытия...». Пресвятая Троица — основа русской культуры, и поэтому «не будучи православной, культура перестает быть и русской».

У русской и западной культур — разная устремленность. «Умная молитва» противостоит «здравому смыслу», внутреннее совершенствование — практическому успеху. «Именно гуманистическое учение о земной природе Фаворского света определило главные особенности культуры Возрождения — обостренное внимание к зримому земными глазами», то есть к непреображенному миру, вследствие чего художники изображали Божественное по меркам земного. «Ни одна религия не возводит человека так высоко, как христианство. Но оно и требует от человека великих духовных усилий». Внутренне очищаясь и совершенствуясь, человек способствует обожению всей твари, соединению через себя всего мира с Богом.

Преподобный Сергий «создал истинную концепцию государственного строительства», нашедшую впоследствии выражение в идее «Москвы — Третьего Рима», которую надо понимать прежде всего духовно. Это не самодовольство и не самовосхваление, а понимание особой ответственности Руси за судьбы Вселенского Православия. Отступление от духовной основы государственного строительства неизбежно приведет к распаду страны. И ныне выход из кризиса, охватившего Россию, надо искать в одухотворенном труде, наделенном высшим смыслом и направленном на формирование «внутреннего человека»; в подчинении личных корыстных интересов высшей правде и справедливости, пример чего дал нам Преподобный Сергий.

На юбилей Преподобного Сергия откликнулись и многие светские авторы. На наш взгляд, удачен сборник «Сергий Радонежский», вышедший в издательстве «Патриот». Он открывается «Словом о Святом Сергии» Л. Леонова. Старейший из живых классиков русской литературы делится своими впечатлениями от посещения (начиная с детства) храма, где покоятся мощи Преподобного, и как бы задает тон всему сборнику. Далее идут жития Преподобного Сергия и Никона Радонежских и Андрея Рублева; Слово о житии великого князя Димитрия Иоанновича, царя русского; Задонщина; Слово митрополита Филарета (Дроздова), а также статьи писателей Б. Зайцева, И. Шмелева, Б. Шергина, ученых и богословов В. Ключевского, Г. Георгиевского, Г. Федотова, Е. Трубецкого, отца Сергия Булгакова, отца Павла Флоренского. Из работ этого раздела сборника упомянем лишь о статье Г. Георгиевского «Завет Преподобного Сергия». В ней особо подчеркивается, что в Православном догмате о Святой Троице «сущность дела заключается не в числе лиц (потому что Тримурти есть и у индийцев), а в их отношениях, в единстве и единосущии, которое выражается в глубочайшем единодушии, в неразделенности и неслиянности, то есть в полном согласии, как начале, или источнике жизни (живоначальности), ибо вражда только сокращает жизнь и порождает смерть...» Проследив подробно становление троичного культа в Православии, ученый приходит к такому выводу: «Полное и отдельное празднование Св. Троицы не установилось на Руси», остается надеяться на его установление в будущем. «Уравнять внешнее выражение с внутренним содержанием, мысль с делом и обряд с догматом — вот завет Преподобного Сергия Русской Православной Церкви и Русскому государству».

Последний раздел сборника составляют статьи известных писателей и ученых — наших современников. В. Крупин развивает свою излюбленную мысль о том, что «невозможно без Господа не только построить государство, даже единой жизни осмысленно прожить. Смысл жизни высвечивается только Божественным светом. Во имя чего живет человек? Во имя освобождения от первородного греха, от грехов собственных, во имя хоть крохотного приближения к естеству и подобию Божию». И здесь особенно важен пример святых. «Как спастись? Таинственны и непостижимы Господь и Небесное Его воинство. Но понятны и доступны праведники... Если земной человек достигает такой святости и проникновения времен и пространств, значит, и нам не заказаны их пути». Поразмышляв о том, как вступить на эти пути, писатель обращает свой взор на судьбы России: «Кажется, уже некуда быть тяжелее российскому кресту, но это еще не предел. Зато грядущие пропасти мы перейдем благодаря ему, и если с нами такие люди, как Преподобный Сергий, киево-печерские и оптинские старцы, соловецкие угодники и мученики, то разве можно чего-то бояться». А судьба нашей страны тесно связана с общечеловеческой, ибо «неоткуда миру ждать спасения, кроме как от пределов Российских».

Для других писателей юбилей Преподобного Сергия также послужил поводом для глубоких размышлений о судьбах страны и о долге писателя в наше суровое время. Так, В. Распутин попытался ввести современных читателей в мир святости, большинству их чуждый: «В отличие от нас, грешных, опустивших свой разум ниже желудка, там не бытие определяет сознание... Что мы, неразумные дети неразумного века, усушенные к тому же дурным воспитанием, знаем сегодня о Сергии Радонежском?» Так, какие-то бессвязные обрывки. А между тем «без Сергия Радонежского русская душа не полна, не окормлена до полной меры сытости, когда она может окармливать других... При всем множестве любимых и почитаемых в нашем народе святых Сергиева святость несколько особого сложения — сложенная из русского представления о своем идеале... К Сергию народ не мог охладеть, это значило бы отказаться от самого себя. В самые тяжкие для общей нашей судьбы моменты в русском сердце слышался его участливый голос: «Не скорби, чадо».

Писатель вспомнил торжества 1892 года и протекший с того времени «страшный для России и ее братьев век, каких не водилось и при татарщине». Воссоздав картину гонений на Православие, писатель обращается к своим современникам: «Но мы бы и перед разверстой пропастью продолжали лукавить, если бы не спросили себя: как случившееся могло случиться при попустительстве и руками народа, который незадолго перед этим объявлял себя богоносцем и нравственной крепостью мира? Нет, точилась эта крепость долго и источена была сильно, если с таким энтузиазмом растоптали и загасили». И далее идет сжатый, но редкий по глубине разбор основных свойств русского народного характера, нравственных падений и восхождений. «Трагедия этого святоискательного народа заключалась в том, что его устремленность вверх всякий раз сбивалась могучим встречным движением, общим ходом мирового порядка, от которого не хотела отставать и российская власть. Она только и делала, что преобразовывала и перестраивала Россию вопреки ее назначению... Главное противоречие старой русскости с утвердившейся в мире материальной цивилизацией — в их разнокачественности»: в то время, как Россия устремлялась к Небу и внутренней свободе, Запад ставил своей целью изобилие благ земных и формальную свободу личности. «Окаянство продолжало бурлить рядом с течением святости, но Россия подтвердила свой путь, и когда бы поддержана она была хоть немногими странами, задававшими тон в ходе мировых событий, как знать, может быть, мы сегодня все вместе не оказались бы у края пропасти». Но, по мнению писателя, «есть еще надежда не скатиться окончательно в эту пропасть». «Натерпелись сполна, хватит. И какое бы ни раздавалось улюлюканье своих и чужих бесновавших из чрева ее, поносителей России — пробил час подыматься... Много тяжкого ждет его (русский народ) впереди, особенно в ближайшие годы, но не оставят его Великие Путеводители, когда обратится он к ним за просвещением».

Академик С. Аверинцев, как бы полемизируя с теми авторами, которые выдвигают на первый план патриотическую деятельность Преподобного Сергия и его заслуги перед государством, напоминает: «Прежде всего иного Сергий Радонежский был на земле святым, и специально святым монахом, возродителем и обновителем иночества по всей Руси. Лишь в силу этого он мог стать вдохновителем и государственного и культурного строительства. Его благое присутствие в истории общего у нас с ним земного отечества, как ни важно, все же вторично: первична святость, первично монашество — корень, из которого вырастает все остальное...» Не отрицая того, что «социальные закономерности», «законы общества» существуют, ученый напоминает, что «действуют они всегда против духовной жизни, против христианства», недаром диавола называют «князем мира сего». «Мир сей», в том числе и так называемый христианский мир («христианский социум») непоправимо враждебен христианству; а христианство, достойное своего имени,— это каждый раз удар меча, рассекающего Гордиев узел «мира сего». Самое

смертельное для христианства даже не грех, а посредственность, состояние «ни холоден, ни горяч», когда молитва становится не потребностью души в общении с Богом, а повинностью, когда тон задают фарисеи, начетчики и якобы праведники. «До скончания века христианство непрестанно умирает от непреложного действия «социальных закономерностей», задыхаясь в смертельном для него воздухе «мира сего», но и непрестанно воскресает в каждой сокровенной молитве, в *воздыханиях неизглаголанных* (Рим. 8, 26), в святых делах — и, конечно, в жизни святых. И здесь мы получаем, наконец, ответ на вопрос, что же такое святые».

Рассмотрев историю возникновения и развития монашества, отметив, что «выродившееся монашество, допустившее поблажки, масштаб которых обречен непрерывно возрастать»,— это «утеха для бесов», академик делает вывод: «Но если монашество вновь и вновь вырождается, оно вновь и вновь обновляется... для этого каждый раз надо, чтобы в среде иноков явился великий святой. Для Руси таким обновителем иночества предпочтительно перед другими ее святыми был Преподобный Сергий».

Философ Н. Лисовой полагает, что духовность на Руси прошла в своем развитии три этапа. Ее юность отмечена осознанием святости космоса, плоти, созданной Господом, и прошла под знаком Софии — Премудрости Божией, Которой были посвящены главные храмы в Киеве, Новгороде и других городах. Взросление ознаменовалось преодолением греха разделения, осознанием праведного социального устройства, святости народа на путях Троицы. Именно этот этап олицетворяет Преподобный Сергий, достигший самого высокого из доступных человеку состояний — предначинающегося в земной жизни обожения. Зрелости соответствует осознание святости личности, пути обожения конкретного человека (начиная с Матери Божией, первой из людей еще при жизни достигшей обожения) и проходит под знаком Успения. Человек тоже создан по образу и подобию Троицы и призван достичь гармонии ума, сердца и воли. «Только из личностей, гармонизируемых по образу Троицы, рождается соборное единство личностей: Народ — Личность. Как для отдельного человека, так и для народа идеал — не на земле, где нет любви и единства, а на небе». Только из народов-личностей может сложиться личность — Человечество, Новый Адам, личность более высокого порядка. «Образ Троицы становится указанием святого, праведного устроения человеческой жизни на всех уровнях — личностном, семейном, общинном, приходском, национальном, вселенском, указанием русского пути к спасению... Гармонический человек, восстанавливающий гармонию природы ... — это один из важнейших заветов и явленных примеров школы Преподобного Сергия... Школа Сергия — училище восхождения к Царству Небесному».

Публицист Г. Чистяков отметил те стороны подвига Преподобного Сергия, которые делают его святым по преимуществу, подражателем Христу. «Называя монастырь именем Троицы, святой подчеркивает, что христианство насквозь мистично. Это не доктрина, не система, не какая-то теория, а живая вера в Бога Живаго, вера в триипостасного Бога. Христианство, Православие — не средство улаживать дела в семье или в государстве, а тайна, доверенная нам Богом. Тайна, в которую надо погрузиться, чтобы стать ее частью и жить в ней, но не инструмент для решения тех или иных вопросов». Преподобный Сергий, сделавший содержанием своей жизни служение ближним, указал путь к восстановлению мистического единства человечества, разрушаемого индивидуализмом.

Академик Д. С. Лихачев провел интересное (хотя, на наш взгляд, и не во всем бесспорное) сравнение Преподобного Сергия и весьма почитаемого католического святого Франциска Ассизского, отметив попутно особенности итальянского влияния на русскую культуру в разные эпохи.

В. Шленов попытался проникнуть во внутренний мир Преподобного Сергия через изучение особенностей русского монашества: «В народном русском сознании всегда жил идеал святости. Он мог не осуществляться, но одухотворял жизнь и незримо присутствовал в жизни, придавал ей прочность, глубину и неподдельность, пронизывал ее светом. Этот идеал был в монастыре. Русское монашество в отличие от западного никогда не разделялось на враждующие между собой ордена, свидетельствуя о единой и нераздельной истине не от мира сего». И самым ярким воплощением идеала был монастырь Преподобного Сергия. «Таинственный зов, знаменующий избранность Богом, сопровождал Преподобного Сергия всю жизнь. В Сергии открывается смысл России, придавший ей неповторимый и дивный облик с самого начала исторического пути».

Если сравнить высказывания наших современников о Преподобном Сергии с тем, что говорилось о нем на торжествах сто лет назад, то можно заметить, что при всех потерях, причиненных отрывом от традиций, в наши дни значение святого ощущается в некоторых отношениях глубже, чем ощущалось прежде. Отчасти это понятно, ибо прежнее празднование проходило в обстановке относительного благополучия в стране, тогда как ныне мы все находимся под впечатлением переживаемого ею кризиса. Даже долгий период засилья безбожия и бездуховности в официальной идеологии в какой-то мере обострил у наших современников тягу к духовным проблемам и способствовал лучшему пониманию жизненно важного значения личности и заветов Преподобного для отыскания правильного пути.

При всем различии жанров публикаций и степени проникновения в глубину освещаемой проблемы общий их тон неизменно уважительный, от былой атеистической нетерпимости не осталось и следа. Вместе с тем, нельзя не предупредить читателя о том, что еще есть (и будут впредь) попытки под видом почитания Преподобного Сергия протащить идеи, противные Православию. Так, Сибирское Рериховское общество выпустило к юбилею сборник «Знамя Преподобного Сергия» — книгу «о физике «тонких» и «огненных» тел, о незримом водительстве Космических Идей и Индивидуальностей». Составитель сборника утверждает, что «через Рерихов Космические Иерархи нашей планеты дали Новое Провозвестие, показали реальный выход из тупика, в который забрело человечество. При этом Учение Живой Этики, или Агни-Йоги, адресовано в первую очередь народам нашей страны — Новой России... Благодаря Е. И. и Н. К. Рерихам мы узнали, что смиренный русский игумен напрямую связан с Владыкой Шамбалы, который якобы и дал импульс к собиранию Русской земли». «Сегодня Знамя Преподобного Сергия — Знамя Учителя Живой Этики поднято над нашей Родиной во имя ее прекрасного будущего и процветания всего мира».

Эти строки нельзя назвать иначе как кощунством, ибо Преподобный Сергий — последователь Господа и Бога нашего Иисуса Христа и почитатель Пречистой Матери Божией, а вовсе не медиум мифического Владыки Шамбалы. Хотя для верующего и духовно образованного человека это очевидно, сказать о принципиальной несовместимости учения Рерихов с Православием необходимо, поскольку многие ищущие Истину, особенно среди интеллигенции, до сих пор еще путаются в коренных вопросах миропонимания, изучают (иногда до помрачения ума) своеобразную рериховскую каббалистику. Утверждение Е. Рерих, будто «учение Христа ни в чем не расходится с Учением Живой Этики», ложно и кощунственно. Для Рерихов Христос — не единородный Сын Бога-Отца, а всего лишь один из богов (наряду с Буддой, Магометом и др.), якобы сыгравших свою роль в истории и ныне призванных уступить место новому единому богу, Третий Завет которого и принесла в мир Е. Рерих. По свидетельству Вс. Соловьева, близко знакомого с известной теософкой Е. Блаватской, «подвизавшийся» в ее окружении молодой Н. К. Рерих выдавал себя за новое земное воплощение (аватара) Преподобного Сергия. Принимая дань поклонения великому русскому святому, не следует никогда забывать слова Спасителя о волках в овечьей шкуре, различать искреннее почитание и зловредную подмену.

За рамками настоящего обзора остаются художественные произведения, посвященные Преподобному Сергию (романы, стихотворения, поэмы, повести, сценические действа и пр.), а также доклады на научных конференциях, произнесенные (и, следовательно, считающиеся опубликованными), но не изданные и поэтому еще не ставшие достоянием широкого круга читателей. Их разбор должен стать предметом особого исследования.

М. АНТОНОВ

Уникальный альбом

Преподобный Сергий Радонежский. Автор-составитель Н. Чугреева. Москва: Панорама, 1992.

Эта небольшая книга-альбом о Преподобном Сергии среди изданий юбилейного года представляет собой по существу явление уникальное.

В книге представлены иконы XIV—XX столетий с изображением прославленного русского святого Сергия Радонежского и его учеников. Собрание и издание такой иконографии предпринято у нас впервые, впервые иллюстрированное альбомное издание посвящается русскому святому. И выполнена эта задача, что уже само по себе могло бы сделать книгу по-настоящему значительной, на высочайшем профессиональном уровне. Н. Н. Чугреева собрала под одну обложку все древние иконы, связанные с темой, не пропустив ни одной, занимающей сколько-нибудь заметное место в древнерусской иконописи. Тонко и тактично дополнено собрание иконами «новыми» — XVIII—XX столетий. Органично введены в книгу и древняя миниатюра, и произведения прикладного искусства; интересны акварели, гравюры, литографии послепетровской эпохи.

Но в полной мере значение книги, ее уникальность, определяется тем, что публикация выполнена в строго православных традициях. Не развитие иконографии как таковой, что могло бы составить интерес сугубо искусствоведческого издания, составляет содержание альбома. В нем зримо предстает постигаемый в веках образ великого «Игумена земли русской» — святой живет в иконописных образах разных эпох.

Открывается альбом отрывком из «Слова похвального отцу нашему Сергию» Епифания Премудрого. Затем следует авторский очерк о личности Преподобного, который

«воссиял в русской земле» — так начинается первая часть книги. И уже здесь делается попытка осмыслить монашеский подвиг святого — «подвиг служения и любви к Богу и людям» в единстве со служением Отечеству. Строго согласуясь с церковным представлением, автор рисует Преподобного великим боговидцем и чудотворцем, напоминает о его земных и посмертных деяниях; словом житий и молитв помогает постижению личности Великого старца. Комментирует автор и вошедшие в главу изображения шестисотлетнего жития.

Первой помещена «Троица» Андрея Рублева, икона, в которой, по словам Е. Трубецкого, выражена «основная мысль всего иноческого служения Сергия». Как «два первообраза... которые направляли жизнь древнего молебника» (Флоренский), идут за ней келейные иконы Преподобного.

Собственно изображения самого Сергия начинаются шитым покровом на его раку начала XV века. Этот поразительный памятник «живописи иглой», создан, очевидно, кем-то из знавших Преподобного или переживших непосредственное «впечатление от его подвига». На иконописных изображениях Преподобного видно, как каждый иконописец (и авторы прославленных произведений XV—XVI веков, и мастера XVII столетия, и ищущие путь к образу Преподобного Сергия современные художники), сохраняя достоверные исторические черты Святого, открывает в его образе новые грани. Прямо соотнесенные с текстами житий клейма икон, миниатюры зримо развертывают жизнь подвижника, его подвиги — прижизненные и посмертные деяния.

По-своему раскрывает образ Преподобного вторая часть книги — «Образ быв своим учеником»,— посвященная его ученикам. В очерке, помещенном в начале раздела, в богатых конкретным материалом авторских комментариях к каждому изображению прослеживается мысль о том, что все они — и те, кто были его ближайшими учениками, как святые Андроник или Кирилл, и те, кто являлись учениками его учеников, продолжателями духовного делания, как преподобный Иосиф Волоцкий, Дионисий Глушицкий или Корнилий Комельский — «свечи, зажженные свечой Сергия».

Чаще всего на фоне созданных ими монастырей изображаются ученики игумена Радонежского. Эти обители, окруженные холмами, озерами, реками, лесами, изображенные на иконах с исторической достоверностью и одновременно с особым иконным «преображением», представляющие эти монастыри прекрасные гравюры и литографии создают образ родной земли, освященной святостью ее вечного игумена — Преподобного Сергия.

Автор книги Н. Н. Чугреева названа автором-составителем — и это единственный здесь отзвук казенного книгоиздания. Мы, безусловно, имеем дело с самостоятельной творческой, авторской работой. А то, что автор в работе опиралась на церковные традиции, на труды предшественников, не выставляя собственную личность, как раз и свидетельствует о том, что она не только исследует русскую православную культуру, но и органически к ней принадлежит. Не потому ли и оказалась книга-альбом лучшей из всего того, что было издано к 600-летнему юбилею Преподобного Сергия Радонежского.

Н. БАРСКАЯ

Круг чтения

Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отцов. Репринт, воспр. изд. 1893 г.— Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. 487 с. Посвящается 600-летию со дня преставления Игумена Радонежского Сергия.

Преподобный Сергий Радонежский // Авт.-сост. В. Корнюшин, М. Родина. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. 320 с.— 600-летию со времени преставления Преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России Чудотворца посвящается.

И дух прав обнови во утробе моей: Сб. святоотеческих изречений и поучений. В похвалу Преподобному Сергию игумену Радонежскому и всея России Чудотворцу. Ч. 2.— Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992.

Жизнь и житие Преподобного Сергия. М., «Советская Россия», 1991.

Сергий Радонежский. М., «Патриот», 1991.

Лисовой Н. Радонежская школа Преподобного Сергия. «Народное образование», № 10.

Лихачев Д. Сергий Радонежский и Франциск Ассизский. «Наука и религия», № 1, 1992.

Сергий Радонежский и Троице-Сергиева Лавра в сочинениях русских историков и философов и в воспоминаниях путешественников. Изд. Сергиев Посад, 1992.

Сдано в набор 05.03.93. Подписано в печать 23.04.91. Заказ 337. Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ЦАРЕВИЧ ДИМИТРИЙ УГЛИЧСКИЙ

(память 15/28 мая и 3/16 июня).

Фрагмент иконы XVIII века

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ